

ВСЕ ВРУТ!

ХАУС

и философия

ХАУС – ДАОСИСТ
ИЛИ ПРОСТО ХАМ?

НУЖЕН ЛИ РЕЦЕПТ
НА ДРУЖБУ?

МОЖНО ЛИ РАЗЫГРЫВАТЬ
ДОНОРСКИЕ ОРГАНЫ
В ЛОТЕРЕЮ?

СОЖАЛЕНИЕ АГЕНТА
ПО-ЧЕЙЗОВСКИ

КЭМЕРОН И
ФЕМИНИСТСКАЯ ЭТИКА

ПОЧЕМУ ХАУС
НЕ МОЖЕТ ЛЮБИТЬ?

МОРИАТИ
ХОЛМСА И ХАУСА

ФОРМАН И
БРИТВА ОККАМА

НУЖЕН ЛИ НАМ
ЗДОРОВЫЙ ХАУС?

UP
UNITED PRESS

**HOUSE
AND
PHILOSOPHY**

**EVERYBODY
LIES**

**Edited by
Henry Jacoby**

John Wiley & Sons, Inc.

**ХАУС
И
ФИЛОСОФИЯ**

ВСЕ ВРУТ!

**Перевод с английского
Марины Вторниковой**

Up
UNITED PRESS

**Москва
2010**

УДК 101.1
ББК 86.2/3
X26

X26 **Хаус и философия: Все врут!** / Г. Джейкоби, Дж. МакМахон, Д. Голдблатт и др.; пер. с англ. М. Вторниковой. - М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. - 244 с. - (Философия поп-культуры).

ISBN 978-5-904522-34-6

Невероятно популярный сериал «Доктор Хаус» не укладывается в рамки ни одного жанра, а аудитория его настолько разнородна, что почти не поддается классификации. Заявленный как врачебная драма, он поднимает огромные пласты разнообразных философских вопросов: созданные сценаристами-интеллектуалами герои и ситуации настолько глубоки и многозначны, что позволили современным американским философам написать 18 оригинальных эссе, собранных в этой книге.

Издание будет интересно как поклонникам сериала, так и его ярким ненавистникам, а также всем любителям искать простое в сложном и наоборот.

УДК 101.1
ББК 86.2/3

Все права защищены. Данный перевод публикуется по лицензии. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

© 2009 by John Wiley & Sons, Inc. All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Юнайтед Пресс», 2010.

ISBN 978-5-904522-34-6

СОДЕРЖАНИЕ

Что? Хотите, чтобы я сказал вам «спасибо»? <i>Генри Джейкоби</i>	7
Меньше книг, больше телевизора: хромое, не слишком вежливое предисловие <i>Генри Джейкоби</i>	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПЕРУВЕЛИЧЕНО» ХАУС О ЖИЗНИ	
Эгоистичные, подлые животные, ползающие по земле: Хаус и смысл жизни <i>Генри Джейкоби</i>	13
Хаус и Сартр: «Ад - это другие» <i>Дженнифер МакМахон</i>	25
Ницшеанский взгляд на Хауса <i>Дэвид Голдблатт</i>	38
Хаус и моральная удача <i>Джейн Драйден</i>	47
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС!»: ЛОГИКА И МЕТОД ХАУСА	
Логика догадок Шерлока Холмса и доктора Хауса <i>Джеральд Абраме</i>	62
Это все объясняет! <i>Барбара Сток</i>	79
Хлопок одной ладони: сатори грубого доктора <i>Джеффри Рафф и Джереми Бэррис</i>	92
«Вежливость сильно переоценивают»: Хаус и Сократ о необходимости конфликта <i>Мелани Фраппье</i>	105
Даосист из Принстон-Плейнсборо <i>Питер Вернеззе</i>	118

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «ТАКОВА ПРИРОДА МЕДИЦИНЫ - ОДНАЖДЫ ВЫ ОБЛАЖАЕТЕСЬ»: ХАУС И ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ	
«Ты заботишься обо всех»: Кэмерон и этика заботы	130
<i>РенеКайл</i>	
Интубировать или не интубировать: принципы и приоритеты Хауса	140
<i>Барбара Сток и Тереза Берк</i>	
Хаус и патернализм: «не всегда получаешь то, что хочешь»	154
<i>Марк Уиклер</i>	
Если не результат оправдывает средства, то что?	166
<i>Кэтрин Сартин</i>	
Хаус против Триггера: столкновение теоретического и практического авторитета	176
<i>Кеннет Эренберг</i>	
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. «ТАБЛЕТКИ НЕ ДАЮТ МНЕ КАЙФА, ОНИ ДЕЛАЮТ МЕНЯ НЕЙТРАЛЬНЫМ»: ДОБРОДЕТЕЛИ И ХАРАКТЕР ХАУСА	
Хаус и добродетель эксцентричности	186
<i>Джон Фицпатрик</i>	
Любовь: единственный риск, на который Хаус не может пойти	196
<i>Сара Протаси</i>	
Рецепт на дружбу	206
<i>Сара Уоллер</i>	
Диагностируя характер: консилиум не пришел к единому мнению	217
<i>Хэзер Бэттали и Эми Коплан</i>	
Авторы в порядке их появления на страницах книги	231
Алфавитный указатель	238

ЧТО? ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я СКАЗАЛ ВАМ «СПАСИБО»?

Во-первых, я хочу поблагодарить Билла Ирвина за возможность работать над этой книгой. У меня ничего бы не вышло без его руководства, терпеливой помощи и мудрых советов. Билл, ты отличный парень, и мне было очень приятно с тобой сотрудничать.

Спасибо редактору отдела философии издательства Wiley Джеффу Дину, который одобрил этот проект. Работать с Конни Сантестебан и другими милыми людьми из Wiley было большим удовольствием для меня. Спасибо вам за помощь и поддержку!

Конечно же, я хочу поблагодарить и коллег-философов - ваши эссе великолепны и отлично подготовлены, вы сильно упростили мою работу.

Мой большой друг (мы оба божественно играем на гитаре) Алан Берман читал всю мою писанину, давал дельные советы и вообще всегда оказывался рядом в нужный момент.

И конечно, эта книга не появилась бы на свет, если бы не все те талантливые люди, которые работают над сериалом «Доктор Хаус». Спасибо вам за еженедельный час интеллектуального наслаждения!

Мне помогли и мои коты, Бункай и Уиллоу, главным образом тем, что много спали, так что я мог спокойно работать. Кроме того, они по очереди сидели рядом со мной, когда мне требовалось вдохновение, - они настоящие мастера дзен.

И наконец, спасибо Кэтрин, моей жене, - она добрее, чем Кэмерон, и терпеливее, чем Уилсон. И она помогала печатать текст. Кэти, без тебя я бы ничего не смог сделать!

МЕНЬШЕ КНИГ, БОЛЬШЕ ТЕЛЕВИЗОРА: ХРОМОЕ, НЕ СЛИШКОМ ВЕЖЛИВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Генри Джейкоби

Доктор Грегори Хаус, гениальная сволочь, ковыляет по коридорам учебной больницы Принстон-Плейнсборо, на ходу глотает таблетки и легким движением трости прогоняет со своего пути медицинскую этику. Он утверждает, что все врут, значение человечества преувеличено, а природа медицины такова, что любой врач когда-нибудь да облажается и убьет пациента. А, и еще одно: меньше книг, больше телевизора! Да, да, именно так. Но Хаус не имеет в виду эту книжку. Эту книжку прочтите непременно. Ее Хаус вам бы посоветовал.

А зачем, скажете вы, нам слушать советы этого Хауса? Он же та еще скотина! Он нам насоветует! Да, в общем-то, так оно и есть, но он еще и неимоверно крут. Он отлично играет на гитаре и на пианино, лихо гоняет на байке, и девчонки считают его сексуальным (это все голубые глаза виноваты). У него даже была ручная крыса по имени Стив МакКуин - скажете, это не круто? И еще одно - он гений. Так что кому какое дело, что Хаус действует согласно собственной формуле «припадки интересно наблюдать, но скучно диагностировать»? Как такого можно не любить?

Я люблю Хауса, и все авторы этого сборника любят Хауса*

Человечество в целом, возможно, и в самом деле переоценивают, но только не команду Хауса! Я бы никого из них не уволил. Впрочем, о них потом (никуда не денутся совсем как амбулаторные пациенты, что вечно ждут Хауса в приемной). Вернемся к вопросу «Как такого не любить?». Может, я забыл, какой он грубый и как высмеивает чужие идеи? (Кстати, я пытался вести себя по-хаусовски. Я решил, что мне тоже стоит преподнести себя как эксцентричного гения и потребовать соответствующую зарплату. Не сработало.) Не учел, что он наркоман? Забыл, как однажды он мимоходом спросил: «Проводить вскрытие на живых людях все еще запрещено законом?» Нет, не забыл, но ведь он жизни спасает. Как сказала Кадди этому гаду Триттеру, он спасает гораздо больше людей, чем теряет. Как Сократа и Шерлока Холмса, Хауса занимают загадки, а его упрямое, неумное желание докопаться до истины в сочетании с редкостным умом означает, что загадки будут разгаданы, а жизни спасены, и к черту больничные правила!

Кстати, об уме и истине - Хаус и в философии разбирается (я как раз хотел перейти к философской части «Хауса и философии»). Для Хауса принцип бритвы Оккама означает, что самое простое объяснение проблемы - кто-то где-то облажался. Реальность? Философы могут сколько угодно спорить о ней, но Хаус знает - реальность почти всегда неправильна. А, и еще сократический метод! Хаусу он нравится. Он говорит, это лучший способ научиться чему угодно, кроме жонглирования бензопилами.

Авторы сборника (настало время поговорить и о них, все-таки мы не в амбулатории) - лучшие специалисты по своей теме, совсем как команда Хауса. Они профессионально толкуют хаусовские откровения и со знанием дела копаются в его характере. Все под одной обложкой: Сартр и Ницше, Сократ и Аристотель, логика, удача, любовь, дружба и даже дзен. Странноватый набор, но, как выражается Хаус, «мне нравится абсурд». А теперь - принесите мне трусики Лизы Кадди!

* Даже если это не всегда очевидно. - *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**«ЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ПРЕУВЕЛИЧЕНО»
ХАУС О ЖИЗНИ**

ЭГОИСТИЧНЫЕ, ПОДЛЫЕ ЖИВОТНЫЕ, ПОЛЗАЮЩИЕ ПО ЗЕМЛЕ: ХАУС И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Генри Джейкоби

Мы эгоистичные, подлые животные, ползающие по Земле. Но нам достались мозги, и поэтому, если очень постараться, иногда мы отличаемся от животных.

«Один день - одна комната» (3/12*)

Так говорит Грегори Хаус. Не похоже, что он видит в человеческом существовании хоть какой-то смысл, верно? И все же наш доктор Хаус живет жизнью, которую Сократ мог бы назвать «познанной», а Аристотель - «подчиненной уму». Как так получается, что жизнь Хауса, который не устает заявлять, что она бессмысленна, полна смысла?

* Первая цифра после названия эпизода при первом его упоминании в тексте означает номер сезона, вторая - номер эпизода. - *Прим. ред.*

«Если ты разговариваешь с Богом, ты - верующий.
Если Бог разговаривает с тобой,
ты - психически больной»

Отсюда и начнем. Предположим, что наши жизни имеют смысл потому, что мы выполняем начертанный Богом план. В таком случае смысл создается определенным взаимоотношением с божественным существом. Если Бога нет, значит, наши жизни не имеют смысла. Или даже так: допустим, Бог существует, но, если у нас с Ним не сложились отношения, наши жизни опять-таки не имеют смысла.

Может, у Бога есть план, и наша жизнь имеет смысл настолько, насколько мы помогаем Богу в осуществлении Его замысла. Например, Каббала учит, что наше предназначение - помогать Богу спасти мир. Это хороший пример того, о чем я говорю, - предполагается, что мы будем помогать исполнению Божьего замысла. Следовательно, жизнь человека, который помогает Богу, делая добрые дела и все такое, полна смысла. Обратите внимание - если принять эту точку зрения, смысл может обрести и жизнь человека, не верящего в то, что у нее есть смысл. Такой человек мог бы выполнять задание Бога, даже не догадываясь об этом. Может, это про Хауса?

Ну, Хаус в Бога не верит, это ясно. Он вечно оскорбляет верующих, - например, доктора-мормона, которому дал кличку «Большая любовь»* Или сестру Августину, монахиню из эпизода «Куда ни кинь» (1/5), уверенную, что раздражение на ее руках - стигматы. Как объясняет Хаусу другая монахиня, она «верит в то, чего нет». «Я думал, это профессиональное требование для таких, как вы», - ехидно отвечает Хаус. Другой пример: в эпизоде «Семья» (3/21) Хаус находит Формана в больничной часовне (Форман испытывает угрызения совести после

* Big Love, «Большая любовь» - сериал канала НВО о мормоне-многоженце. - *Прим. пер.*

смерти пациентки) и говорит: «Ну что, ты закончил общаться со своим воображаемым другом? Я тут подумал - может, уже поработаешь?»

Неприязнь Хауса к религии проистекает главным образом из отсутствия смысла в религиозных верованиях. Когда сестра Августина спрашивает Хауса: «Неужели вам так сложно поверить в Бога?», он отвечает: «Мне сложно принять саму концепцию веры - вера не основывается на логике и опыте». Другой пример: в эпизоде «То, что нужно» (4/2) Большая любовь соглашается на участие в эксперименте, который может спасти пациенту жизнь. По условиям эксперимента Большая любовь должен выпить спиртное, что противоречит его религиозным убеждениям. Он соглашается, потому что убежден аргументацией Хауса. «Вы привели хороший довод», - говорит он. Хаус и впечатлен, и удивлен одновременно. «Рациональные доводы обычно не действуют на верующих людей, - замечает Хаус. В противном случае верующих людей вообще бы не было».

Разум, не вера, приносит результаты в реальном мире. В «Куда ни кинь» Хаус ругает сестру Августину, когда та отказывается от лечения, препоручив свою жизнь в руки Господа. «Вы пытаетесь отвратить меня от моей веры?» - возмущается монахиня. Хаус отвечает: «Можете сколько хотите верить в духов, и в жизнь после смерти, и в рай и ад, но, когда дело доходит до этого мира, не будьте идиоткой. Можете продолжать рассказывать мне, что вы доверяетесь Богу, чтобы прожить день, но, когда вы переходите дорогу, я знаю - вы смотрите сначала налево, потом направо». Здесь Хаус подчеркивает, что вера может принести утешение или облегчение, но решение практических вопросов требует участия разума.

В отличие от большинства людей Хаус не считает, что вера в частности, идея загробной жизни так уж утешительна. «Мне удобнее думать, что эта жизнь - нечто большее, чем тест», - говорит он. («Три истории» (1/21)) Даже если на время отвлечься от взглядов Хауса, представление о том, что Бог определяет наличие смысла в наших жизнях, вызывает серьезные сомнения. Подумайте о великих ученых, чьи открытия

сделали нашу жизнь лучше. Или о филантропах, что без устали пытаются усовершенствовать мир, в котором мы живем. Или даже о шоуменах и артистах (взять хотя бы Хью Лори!), без которых нам было бы намного скучнее. Правда ли вы думаете, что, если Бога нет, все их свершения и добрые поступки ничего не значат?

Дальнейшее - и неизбежное - развитие этой мысли (впервые встречающееся в диалоге Платона «Евтифрон», откуда я бессовестно позаимствую ход рассуждений) таково: откуда берется смысл в Божьем замысле? Имеет Божий замысел смысл просто потому, что он Божий, или Бог планирует какой-то ход событий потому, что такой ход событий имеет смысл? Если первое, то этот план просто произволен. В нем нет логики, и, следовательно, все могло бы развиваться с точностью до наоборот! Нет, это нам не подходит.

Поэтому многие предпочитают второй вариант ответа: Божий промысел таков, каков он есть, потому, что Бог видит, что определенный ход событий будет иметь смысл. Но если это так, значит, что-то другое, что-то помимо) Божьей воли делает план осмысленным. Значит, то, что придает нашей жизни смысл, с Богом не имеет ничего общего. Хаус прав, независимо от того, существует Бог или нет.

Вечность заказывали?

Может быть, сам факт наличия души придает нам подлинную ценность, а нашей жизни - смысл. А может, этот смысл как-то связан с идеей бессмертия души. Если есть жизнь после смерти, значит, эта жизнь имеет смысл потому, что ведет куда-то.

Но Хаус верит в существование души не больше, чем в Бога. Точно так же он убежден, что никакой жизни после смерти не будет. Доказательств-то нет, верно? А что насчет так называемых свидетельств людей, переживших клиническую смерть? В эпизоде «97 секунд» (4/3) пациент пытается убить себя по-

тому, что верит в загробное существование и хочет попасть «в рай». Он уже пережил клиническую смерть, во время которой испытал удивительно приятные ощущения. Он говорит: «В скорой помощи сказали, что-технически я был мертв 97 секунд. Это были лучшие 97 секунд в моей жизни». Хаус, разумеется, не может промолчать. Он говорит пациенту: «Ладно... вот что случилось на самом деле. Твой мозг, лишенный кислорода, стал отключаться, произошел выброс эндорфинов и серотонина, и у тебя начались галлюцинации».

Во второй раз тема жизни после смерти возникает в том же эпизоде, когда умирающий от рака пациент отказывается от лечения, которое продлило бы его жизнь, читай: страдания. Он предпочитает смерть и говорит Уилсону и Хаусу: «Я и так слишком долго был заперт в этом бесполезном теле. Здорово будет наконец-то выбраться». Хаус парирует: «Выбраться куда? Думаешь, расправишь крылышки и давай летать с другими ангелами? Не будь идиотом. Нет никакого после, есть только сейчас». Уилсон и Хаус покидают палату, и между ними происходит замечательный диалог:

Уилсон (*с сарказмом*). Ну как же нам позволить умирающему утешаться верой?

Хаус. Его вера - глупость.

Уилсон. Ну пусть его утешает его вера в сказку, ему так спокойнее - он представляет пляж, и близких людей, и что он будет там здоров.

Хаус. И еще 72 девственницы.

Уилсон. Все кончено. Ему остались считанные дни, а может, часы. Тебе что, нейдет, что он проживет эти часы с улыбкой? Ты что, удовольствие получаешь, глядя на его перекошенное от ужаса лицо?

Хаус. Нельзя принимать решения, основываясь на лжи. Боль лучше, чем ничего.

Уилсон. Откуда ты знаешь про «ничего»? Ты там не был!

Хаус (*закатывая глаза*). Боже, как меня достал этот аргумент. Не нужно ехать в Детройт, чтобы узнать, как там воняет!

Но Хаус в любых обстоятельствах остается ученым. Он хочет доказательств - и устраивает себе клиническую смерть! В конце эпизода он стоит в морге над телом пациента и сообщает ему: «Тяжело говорить, но... Я был прав». Что бы сказал Хаус, если бы существовала жизнь после смерти и Бог спросил бы его: «Почему ты в меня не верил?» Наверное, «Тебе следовало предоставить больше доказательств»¹.

Но, независимо от того, доказал что-нибудь маленький эксперимент Хауса или нет, что мы можем сказать о смысле жизни и вечности? Хаус-философ не соглашается с тем, что жизнь должна быть вечной, чтобы обрести смысл. Вспомним диалог Хауса и Евы, жертвы изнасилования, в чудесном эпизоде «Один день - одна комната»:

Хаус. Если ты веришь в вечность, то жизнь - ничто, как муравей - ничто в сравнении со Вселенной.

Ева. Если вы не верите в вечность, то вся ваша работа - ничто.

Хаус. Важны только наши поступки.

Ева. Тогда ничего не важно. Ведь не будет ни награды, ни наказания.

Ева высказывает идею, что если эта жизнь - все, что у нас есть, то какой в ней смысл? Хаус смотрит на вещи иначе: если эта жизнь - все, что у нас есть, то наши поступки - единственное, что действительно имеет значение.

«Если бы у нее в ДНК было отклонение
в один процент, она была бы дельфином»

Может быть, наша жизнь не имеет смысла. Может, мы и в самом деле просто ползаем по Земле, только и всего. К такому выводу можно прийти двумя разными путями. Первый: если смысл жизни определяется существованием Бога, души или загробной жизни, а ни одной вещи из этого списка на самом

деле нет, то, сами понимаете... И, кроме того, если наша жизнь обрывается смертью, то, как говорит Хаус, все, что мы успеваем совершить в ограниченный отрезок времени, проведенного на Земле, стремится к нулю. Что-значит наше копошение в сравнении с бесконечной Вселенной?

Философия, полагающая жизнь бессмысленной, называется нигилизмом. Чтобы не впасть в нигилизм, нам, похоже, стоит перестать беспокоиться по поводу Бога и загробной жизни - Хаус, не забывайте, такими вещами не заморачивается - и попытаться найти смысл в нашей короткой жизни в реальном мире. Как говорит Хаус, «важны только поступки».

А как насчет нашей оценки своих поступков? Имеет ли она значение? Если человек чувствует, что не достигает своих целей, он может подумать, что в его жизни мало или вообще нет смысла. Но если он чувствует удовлетворение от того, что делает, если это имеет значение для него, - почему бы не считать, что его жизнь что-то значит?

Не так все просто. Человек может получать все, что захочет, но если его желания банальны, иррациональны или пагубны, то, как бы ни радовало достижение целей, трудно сказать, что такая жизнь полна смысла. Представьте человека, похожего на Хауса, который тратит все свое время на мыльные оперы и видеоигры, Хауса минус его блестящие диагностические способности и работу в больнице. Это жизнь без особого смысла, даже если наша «Хаус-минус-доктор» версия Хауса абсолютно довольна собой и своей жизнью.

Не только «жить со смыслом» не значит «получать все, что хочешь», но и «жить без смысла» - не то же самое, что «не получать желаемого». Снова представим человека, похожего на Хауса... нет, представим лучше самого Хауса. Великолепный врач, помогает людям, спасает их от смертельных болезней, но сам глубоко несчастен и не получает от жизни ничего из того, что хочет. Тем не менее его жизнь имеет смысл. Благодаря тому, что делает Хаус, она ценна, даже если сам он считает иначе.

А если вещи, к которым вы стремитесь, не банальны, не иррациональны и не пагубны? Тогда, возможно, жизнь будет

осмысленной для вас - «субъективно», как выражаются философы, и одновременно может не иметь никакого смысла для мира, «объективно», как опять же выражаются философы. Так что вопрос принимает следующий вид: какой должна быть «жизнь со смыслом» в обоих значениях этого слова? Такой ли жизнью живет наш доктор Хаус?

«Можете думать, что я ошибаюсь,
но это не повод перестать думать»

Сократ (469-399 гг. до н.э.), первый великий герой западной философии, был обвинен в том, что развращает юношество и не чтит богов. За эти преступления философа приговорили к смерти. На самом деле его осудили за привычку в поисках истины задавать людям неудобные вопросы и выявлять их невежество. Суд был бы рад ограничиться изгнанием, но Сократ отклонил такую возможность, ибо знал, что, где бы он ни жил, он останется таким же и не изменит себе.

Но почему же не измениться? В диалоге Платона «Апология Сократа», описывающего суд над философом, Сократ говорит свои знаменитые слова, попавшие в сборники афоризмов в следующем виде: «Непознанная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой»*

Сократ говорит, что предпочтет смерть, но не откажется от своего образа жизни. Почему? Что же такое познанная жизнь, раз за нее и умереть не жалко?

* На самом деле (во всяком случае, в русском переводе) Сократ говорил так: если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, - если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом нелегко».

Цит. по: Платон. Собр. соч. в 4-х тт. / Пер. М.С. Соловьева. М.: Мысль, 1990. Т. 1 - Прим. пер.

Познанная жизнь — это жизнь в поисках истины. Человек, ведущий такую жизнь, любопытен. Он хочет понять и не принимает идеи на веру просто потому, что они популярны или освящены традицией, не боится задавать вопросы. Такая жизнь — жизнь философа.

Великий английский мыслитель Бертран Рассел (1872—1970) говорил о ценности такого образа жизни и философии в целом, когда писал: «Философия должна изучаться не ради определенных ответов на свои вопросы, поскольку, как правило, неизвестны такие истинные ответы, но ради самих вопросов. А эти вопросы обогащают наше интеллектуальное воображение и убавляют догматическую уверенность, которая служит преградой уму в его размышлениях»².

Разумеется, Хаус под этими словами подписался бы. В эпизоде «Увольнение» (3/22) он наконец узнает, что за болезнь убивает девушку, и пытается рассказать об этом ей. Поскольку эта информация не спасет ее от смерти, девушка не хочет слушать Хауса. Хаус поражен: «Тебе неинтересно узнать, что убивает тебя?» Родители девушки заставляют его покинуть палату, и, уходя, он говорит уже самому себе: «Как можно жить без жажды познания?» Звучит очень по-сократовски.

Хорошо, пусть жизнь, основанная на жажде познания, жизнь философа (или ученого, которого интересуется знание ради знания) имеет ценность, пусть она лучше, чем непознанная жизнь. Но вряд ли из этого следует, что «непознанная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой». Почему Сократ так считает? И почему Хаус утверждает, что такая жизнь бессмысленна?

Познанная жизнь — жизнь философа, жизнь, подчиненная разуму. Разум — вот что отличает человека от животных. Когда Аристотель (384-322 гг. до н.э.) говорил, что «человек — разумное животное», он не имел в виду, что мы всегда руководствуемся разумом и никогда — эмоциями или инстинктами. Он хотел сказать, что только люди обладают способностью мыслить. Я думаю, Сократ имел в виду, что человек, не пользующийся разумом, ведущий жизнь «без исследования», не реализует свой человеческий потенциал. Жизнь без

жажды познания и поиска истины, - ничем не лучше жизни животного.

Хаус, видимо, сформулировал бы это по-другому. Не забывайте, он считает, что отличие человека от животных слишком переоценивают. Тем не менее жизнь, в которой не нашлось бы применения его таланту разгадывать загадки, он счел бы за предельно скучной и бесцельной.

Хаус и жизнь, подчиненная разуму

Возможно, непознанная жизнь - это жизнь без смысла и поэтому не стоит того, чтобы ее проживать, но из этого еще не следует, что познанная жизнь - это жизнь со смыслом. В конце концов, может, нигилисты и правы. Может, никакая жизнь не имеет смысла. Может, ни одна жизнь не стоит того, чтобы ее проживать. Откуда мы знаем?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам потребуется вернуться к другому - о том, что придает жизни смысл. Мы должны объяснить свойства жизни, имеющей смысл, и затем показать, что сократовская познанная жизнь обладает этими свойствами. Исходя из того, что мы уже рассмотрели, особенно что касается Хауса, эти свойства не имеют никакого отношения к Богу, душе или жизни после смерти, но могут как-то соотноситься с тем, как человек сам оценивает свою жизнь - при условии, что эта оценка совпадает с тем, о чем нам следует заботиться и что считать важным.

Жизнь Хауса имеет смысл потому, что он в большинстве случаев добивается желаемых результатов. Он спасает людей. Проблема в том, что, похоже, его не особо интересуют эти люди. Для него работа - решение головоломок. Потому ли только что такое времяпрепровождение приносит ему удовлетворение? И отвлекает от боли?

Нет, здесь есть что-то еще. Разгадывая головоломки и тем самым спасая людей, Хаус являет пример жизни, подчиненной разуму.

«Жизнь по разуму» Аристотель полагал главной функцией человека. Он пытался ответить на вопрос: «Что такое благая

жизнь?». Для него благо вещи определяется тем, насколько вещь выполняет функцию, ей назначенную или, словами Аристотеля, «присущую ей по природе».

Например, хорошая трость должна иметь удобную рукоятку, помогать сохранять равновесие, избавлять от боли при ходьбе; хороший доктор должен уметь правильно диагностировать и лечить болезни (в числе прочего). Хорошая жизнь, следовательно, это такая жизнь, которую должен вести хороший человек. В таком случае что такое «хороший человек»? Что представляет собой функция «хорошего человека», в чем природа «человечности» как свойства, отличающего нас от животных?

Ответ Аристотеля мы уже знаем - подчиненность жизни разуму. Для Аристотеля это означает, что рациональная часть нашей души должна контролировать иррациональную. Иррациональная часть - это наши желания, они диктуют нам, чего мы хотим, а чего - нет. Мне нравится тайская еда; я ненавижу фасоль в томате - так работает иррациональная часть.

Но она не говорит нам, как сильно или как часто следует хотеть того, чего мы хотим. Иррациональной части, утверждает Аристотель, не знакомо понятие меры.

Разум же может соизмерять. А мера, по Аристотелю, лежит в основе любой добродетели. Рассмотрим мужество. Легко приходящий в ярость и всегда готовый к драке человек не обладает такой добродетелью, как мужество. Не обладает ею и трус. Мужество, как отметил еще Платон, состоит в том, чтобы знать, когда затевать бой, а когда - воздержаться от него. Такое мужество в отношениях с Хаусом часто проявляет Уилсон. Он знает, когда противостоять Хаусу, но знает и когда лучше промолчать и избежать ссоры.

Разумеется, просто задействовать мозг тем или иным способом еще не значит вести жизнь, подчиненную разуму. Решение sudoku определенно требует логики и мыслительных навыков, но тот, кто всю свою жизнь только и делал, что решал sudoku и ничего больше, Аристотелю бы вряд ли понравился. Хаусовский же талант к разгадыванию медицинских головоломок... да что там талант, хаусовский гений! - важен и значим, ибо ведет к практическому результату. Деятельность разума выливается

в поступки, Хаус это понимает. В уже упоминавшемся эпизоде «Один день - одна комната» Ева говорит: «Время все меняет». «Это поговорка, - отвечает Хаус, - но это неправда. Только поступки что-то меняют. Если ничего не делать, все остается прежним».

И так мы добрались до заключительной цитаты из Аристотеля: «Что по природе присуще каждому, то для каждого наивысшее и доставляет наивысшее удовольствие; а значит, человеку присуща жизнь, подчиненная уму, коль скоро человек и есть в первую очередь ум. Следовательно, эта жизнь самая счастливая»* По Аристотелю, подчиненная уму жизнь имеет высшую ценность - счастье или благополучие. Так что, даже если Хаус обычно ведет себя так, будто его больше занимает процесс решения хитроумной головоломки, а не последствия решения, разгадывание медицинских загадок должно приносить ему какое-то ощущение счастья - если я прав, то Хаус живет познанной жизнью, жизнью, подчиненной уму.

Кто-то наверняка не согласится с моим выводом, ведь, скажут они, Хаус такой несчастный! Перефразируя сексапильную женщину-диетолога из эпизода «Увольнение», я отвечу им: «Насколько он несчастен, когда спасает людей, распутничает и принимает наркотики?» Дайте-ка Аристотелю викодин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рассказывают, что так ответил Рассел на вопрос, что он скажет, если встретит Бога после смерти и Бог спросит, почему Рассел в Него не верил. Думаю, Хаус мог бы добавить: «И раз уж мы встретились, скажи: почему со щенятами случаются нехорошие вещи? Тут Кэмерон интересовалась».

2. Рассел Б. Проблемы философии / Пер. В.В. Целищева. Новосибирск: Наука, 2001.

* *Цит. по:* Аристотель. Никомахова этика // Философы Греции / Пер. Н. Брагинской. Кн. X (VII, 7). М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. - *Прим. пер.*

ХАУС И САРТР: «АД - ЭТО ДРУГИЕ»

Дженнифер МакМахон

Когда сериал студии Fox «Доктор Хаус» только вышел на экраны осенью 2004 года, трудно было представить, каким он станет хитом. Главного героя - гениального, но очень несимпатичного доктора Грегори Хауса - тогда мало кто воспринял иначе, чем просто эгоистичного подонка. Но спустя пару лет и десяток наград «Хаус» стал одним из самых популярных сериалов в мире.

В чем секрет его привлекательности? Как врачебная драма сериал удовлетворяет глубоко укоренившийся в нашей культуре интерес к медицине. Благодаря расследованиям загадочных болезней и главному персонажу, неуловимо напоминающему Шерлока Холмса, сериал дает пищу и нашему извечно тяготеющему к детективным историям разуму. Но «Хаус» - нечто большее, чем еще одна «Скорая помощь» или очередное «CSI: Место преступления»* Привлекательность сериала заклю-

* Оба сериала показывали в России. «Скорая помощь» {англ. ERot Emergency Room) рассказывает о жизни приемного отделения американской больницы (город Чикаго), ее сотрудников и пациентов. «C.S.I.: Место преступления» (англ. CSI: Crime Scene Investigation) - телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса. - Прим. ред.

чается в личности его непредсказуемого героя, который возбуждает одновременно интерес и антипатию. «Хаус» - словно авария на дороге: ужасно, но отвести глаза невозможно. И в то время как большинство из нас, слава богу, не каждый день видят автокатастрофы, «Хаус» демонстрирует то, с чем каждый сталкивается изо дня в день - неприятных нам людей.

Сартровская теория другого: анамнез

У «Хауса» с его сосредоточенностью на враждебности общественных отношений есть предшественник. Философ-экзистенциалист Жан Поль Сартр (1905-1980) хорошо известен своими циничными воззрениями на человеческие отношения, изложенными как в его философских, так и в литературных трудах. Анализом репрессивной природы социально-психологического феномена «взгляда»¹ и декларацией «Ад это другие»², Сартр утверждает, что наши отношения с другими людьми порождают тревогу и подавляют личную свободу. Но, хотя Сартр считает межличностные отношения постоянным источником острейших конфликтов, он все же не отрицает, что эти отношения - необходимая часть нашего бытия. Концепция другого изложена в главной философской работе Сартра «Бытие и ничто» и пьесе «За запертой дверью» (в другом переводе - «Нет выхода»).

В этом вопросе Сартр расходится с другим экзистенциалистом, своим современником Мартином Хайдеггером (1889-1976). Оба считают, что мы по своей сути - социальные существа, но Хайдеггер на первый план ставит нашу открытость бытию и другим людям. В противоположность ему Сартр подчеркивает, что другие часто раздражают и мешают нам, и утверждает, что основой человеческих взаимоотношений является конфликт³. Он объясняет двойственность чувств, которые мы испытываем к другим людям, тремя причинами.

Первая причина состоит в том, что другие представляют потенциальную опасность. По Сартру, без вмешательства дру-

И их люди обычно погружены в себя. Они не размышляют о своем переживании, они в нем живут. Они действуют не рефлектируя.

Вторжение другого вырывает человека из этого состояния и оказывается не просто неожиданностью, но и угрозой - такова уж жизнь, мы должны добывать ресурсы для выживания и удовлетворения собственных потребностей. А поскольку ресурсы эти не бесконечны, другие - по определению конкуренты, а не коллеги. Более того, хотя объекты могут сопротивляться попыткам ими овладеть, они, как правило, не посягают на автономию индивида. Люди же это делают сплошь и рядом. В отличие от инертных объектов, люди могут бросать вызов индивиду, отказывая ему в доступе к ресурсам, препятствуя его деятельности или открыто нападая на него.

Угроза, которую другие представляют для человека, в сериале показана недвусмысленно и во множестве проявлений. Сам Хаус делает все, что в его силах, чтобы оттолкнуть от себя коллег и пациентов. Особенно это заметно в его отношениях с собственной командой. Хотя Хаус работает в клинической больнице медицинского колледжа и руководит командой молодых специалистов, в нем нет ничего от наставника. Он беспрестанно шпыняет Кэмерон, Формана, Чейза и претендентов на их места (в четвертом сезоне), высмеивает их, бранит и постоянно ставит в тупик своими неожиданными вопросами. Хаус активно старается подорвать их самоуважение и веру в себя. Но, хотя отношение Хауса к подчиненным никак не пример для подражания, по сравнению с угрозами, которые могут представлять другие, это еще цветочки. Мы понимаем Хауса и даже в конечном счете сочувствуем ему, потому что объясняем его злобность постоянной болью.

Вторая причина, по которой другие вызывают отрицательные эмоции, связана с тем, что они нас «объективируют», превращают в объект. Любой индивид есть единство разума и тела, но Сартр считает, что людям свойственно идентифицировать себя в большей степени с разумом. Мы склонны представлять себя скорее субъектами действия, чем его объектами, а другие слу-

жат болезненным напоминанием о том, что человек - всего лишь тело с набором свойств. Комментируя наш вес, рост и цвет лица, неодобрительно косясь на нашу одежду, люди напоминают нам, часто весьма болезненно, что мы - физические объекты. Такая объективация происходит прежде всего потому, что другие не могут познать нашу душу, поэтому им проще воспринимать нас как объекты и обращаться с нами соответственно. Но быть объектом неприятно, поскольку осознание, что ты «что-то» явным образом ограничивает твою свободу быть «кем угодно» и делать «что угодно», а для человеческого разума характерно сопротивляться любому ограничению, которое он не сам себе установил.

И здесь Хаус ярко иллюстрирует философские размышления Сартра. Тенденция превращать людей в объекты очевиднее всего проявляется в его отношении к пациентам, особенно амбулаторным. Эти больные не страдают от загадочных заболеваний, с которыми Хаус имеет дело у себя в кабинете, поэтому они не представляют для него ни малейшего интереса и он воспринимает их как надоедливых мух. Причем наш любимый доктор, которого Кадди заставляет отрабатывать положенное количество часов в клинике, даже и не старается скрыть свое пренебрежительное отношение. И хотя Кадди надеется, что, «побыв среди людей, Хаус станет гуманнее», пациенты служат для Хауса не более чем средством профессиональной реализации. Амбулаторные больные для Хауса - преграда на пути в его пристанище, лабораторию диагностики; и чтобы расчистить себе дорогу, Хаус будет их обманывать, загружать снотворным и даже преждевременно выписывать. Например, в эпизоде «Один день - одна комната» он доходит до того, что предлагает ожидающим приема людям деньги, чтобы те ушли, а одному пациенту вводит сильный миорелаксант, только чтобы не слышать его воплей. Когда Кадди спрашивает, зачем он дал пациенту лекарство, которое не облегчает его страданий, Хаус беззаботно отвечает: «Нужно же было его заткнуть». Для Хауса этот человек - словно раздражающая автосигнализация, которую нужно выключить.

Последняя причина враждебности к другим, по Сартру, состоит в том, что они лишают индивида ощущения собственно-

го превосходства и контроля над ситуацией. Очевидно, другие люди не всегда делают то, что мы хотим, - у них свои дела. Они не всегда разделяют наше мнение по поводу того, что действительно важно. Да они даже мир порой видят совсем не так, как мы, и активно сопротивляются нашим попыткам переубедить их. Нам это не нравится!

Сартр использует несколько сочных образов, чтобы проиллюстрировать воздействие, которое другое сознание оказывает на душу индивида. Используя медицинскую терминологию, он заявляет, что присутствие других вызывает «внутреннее кровотечение»⁴ в сознании индивида, трещину, в которую знакомый ему мир ускользает, «дезинтегрируется»⁵. В похожей метафоре Сартр описывает другого как «опустошающую дыру»⁶, в которую вытекают ощущение мира и чувство безопасности индивида.

В сериале пациенты бросают вызов профессионализму своих врачей, в то время как доктор Грегори Хаус бросает вызов вере пациентов и коллег в сложившиеся медицинские каноны. Возмутитель спокойствия, индивидуалист до мозга костей, Хаус всех выводит из себя. Он постоянно противостоит авторитету начальства и переворачивает с ног на голову все, что вынесли из учебных аудиторий его подчиненные. К великому неудовольствию коллег, он часто играючи переступает границы профессиональной и личной этики. Возьмем, к примеру, его решение использовать электрошоковую терапию, чтобы стереть память молодому пожарному, страдающему от сердечных приступов, которые провоцирует присутствие в палате его безответной любви («Слова и дела» (3/11)). Хотя лечение и прекратило приступы, но высокой ценой: Хаус удалил фрагменты жизни и личности пациента - и, как выясняется в конце эпизода, совершенно напрасно.

Другие: болезненная потребность

Хотя другие вызывают сильную тревогу и беспокойство, Сартр недвусмысленно дает понять, что мы в них нуждаемся. Чтобы развить свои познавательные способности, эмоциональный ин-

теллект и систему морали (то есть качества, которые мы считаем подлинно человеческими), людям нужно о ком-то заботиться и с кем-то взаимодействовать: И хотя Сартр почему-то умалчивает о наиболее очевидном примере - зависимости младенцев и детей от родителей или опекунов, - он утверждает, что, если бы не контакты с другими людьми, у нас не было бы ни языка, ни возможности самопознания, ни индивидуальности.

В «Хаусе» эта взаимозависимость людей показана через призму медицины. Пациенты, приходящие в Принстон-Плейнсборо, нуждаются в профессиональной медицинской помощи, которую могут получить только в больнице. Те из них, кто попадает к Хаусу и его команде, - еще более наглядный пример. Страдающие от болезней, которые другие врачи оказались не в состоянии вылечить или даже диагностировать, пациенты зависят от гения Хауса - вот причина, по которой они (да и вообще все окружающие) готовы его терпеть. Несмотря на пристрастие к наркотикам, несносный характер и отрицание авторитетов, Хаус слишком хорош как врач, чтобы без него обойтись. Слишком много жизней он может спасти.

Когда речь заходит о нашей зависимости от других, особый интерес для Сартра представляют вопросы самосознания и индивидуальности. По Сартру, взаимодействие с другими - необходимое условие возникновения, рефлексивного сознания. До встречи с другими люди обладают сознанием, но только после нее обретают полностью реализованное самосознание. Сартр убедительно доказывает это утверждение на примере человека, увлеченно подсматривающего в замочную скважину, - пока кто-то не появится в коридоре и, увидев подсматривающего, не превратит его самого в объект⁷.

Сериал иллюстрирует эту мысль Сартра не хуже его самого. Хаус и его команда контролируют самосознание пациентов и, диагностируя их болезни, повышают степень их самоосмысления. Интересно, что, благодаря взаимодействию друг с другом, Кадди, Уилсон, Кэмерон, Форман, Чейз и даже сам Хаус становятся более склонными к рефлексии и их самосознание растет.

При всей исключительной важности самосознания как такового, без него было бы невозможно развитие чувства «идентичности личности». «Идентичность личности» подразумевает «чувство себя», объективное представление о себе, о своих особенностях, склонностях, симпатиях и антипатиях. Сартр не верит, что индивиды могут самостоятельно развить «чувство себя», и утверждает, что другие играют в этом процессе решающую роль. «Другой хранит секрет - секрет того, чем я являюсь»⁸.

Первоначально люди обретают «чувство себя» в процессе ассимиляции объективных характеристик, получаемых от других. Например, дети, которых называют «никчемными» (и соответственно с ними обращаются), начинают верить в свою никчемность. Хотя сильнее всего влияние других ощутимо в детстве и отрочестве, Сартр подчеркивает, что другие продолжают играть свою роль в формировании идентичности и с наступлением зрелости; так наши личности всю жизнь продолжают изменяться благодаря общественным отношениям. Мы выковываем друг друга посредством социальных взаимодействий: сначала через ассимиляцию, затем проектируя характеристики объектов, которыми мы являемся друг для друга. Кэмерон, Форман и Чейз как личности формируются в процессе взаимодействия с Хаусом и друг с другом. Хотя не всегда (далеко не всегда!) приятные, эти взаимодействия помогают каждому из них развиваться как врачу и как человеку.

Последний пример нашей зависимости от других выставляет нас в еще менее выгодном свете. Как показывает Сартр, другие вызывают у нас столько же неприятия, сколько признания. По этой причине мы часто предпочитаем отталкивать людей, а не взаимодействовать с ними. Тем не менее другие могут помочь справиться с жизненными трудностями, ведь не только люди нас пугают и тревожат. Свобода ужасает нас так же, как и манит, отсутствие смысла тревожит настолько же, насколько пугает перспектива его обретения, и мы боимся жизни не меньше, чем смерти. Поэтому Сартр называет человеческую жизнь

«тщетным стремлением»⁹ и утверждает, что стандартная реакция на экзистенциальную тревогу* есть «бегство»¹⁰.

Сартр использует термин «дурная вера», то есть непреднамеренный самообман, для описания разнообразных попыток убежать от неприятных аспектов человеческого бытия. Интересно, что отношения с другими людьми выступают одновременно и как средство, и как причина создания «проектов дурной веры»**

Сартр заявляет, что из-за глубоко коренящейся тревоги, которую вызывает у людей необходимость взаимодействия друг с другом, честные и обоюдновыгодные межличностные отношения (он называет такие отношения «аутентичными») если и возможны, то встречаются крайне редко. Напротив, многие никогда не видят в других ничего, кроме объектов, или используют других, чтобы избежать ответственности, позволив им объективировать себя «по способу бытия вещи»¹¹. Эта тенденция (пытаться существовать либо только как субъект, либо как объект, но не как субъект и объект одновременно) приводит Сартра к выводу, что садомазохизм - далеко не аномалия и большинство человеческих отношений по своему характеру садомазохистичны¹².

На примере Хауса мы наблюдаем и человеческую склонность к самообману, и способ, которым садист избегает подлинных отношений с другими. «Дурная вера» непременно включает отрицание как защитный механизм, в частности отрицание каких-то проблем или аспектов собственного положения. По Сартру, «дурная

* В экзистенциализме тревога рассматривается как неотъемлемая часть человеческого бытия. (Кьеркегор, 1844; Хайдеггер, 1927; Сартр, 1943, Мэй, 1950.) Экзистенциальная тревога, или Angst, - то базовое ощущение беспокойства, которое люди испытывают в процессе самосознания и осознания собственной уязвимости. *Цит. по:* Дорцен ван Э. Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. М.: Ассоциация экзистенциального консультирования, 2007. - *Прим. ред.*

** Теория «проекта» Сартра состоит в том, что индивид не задан самому себе, а «проектирует», собирает себя в качестве такового. Фундаментальный проект человеческого существования - желание достичь самодовлеющего «бытия-в-себе», сохранив свободную субъективность «бытия-для-себя».

Прим. пер.

пера» - это «ложь самому себе»¹³, целью которой является бегство. Хаус, вместо того чтобы признать свою наркозависимость и безразличие к людям, бежит от ответственности, принимает роль жертвы и использует свой физический недостаток как оправдание и викодиновой наркомании, и сволочизма.

Вероятно, из-за своей травмы и пережитой личной потери Хаус сопротивляется близким отношениям и отталкивает любого, кто вторгается в его личное пространство. Как сартровский садист, что в глубине души боится уязвимости, неизбежной при аутентичных взаимоотношениях, Хаус отвергает их, «делая из другого объект»¹⁴. В то время как для подлинного контакта необходимо, чтобы человек признавал и уважал свободу других и глубину своей связи с ними, Хаус создает иллюзию абсолютной независимости, рассматривая других как «формы, которые проходят по улице» и действуя, как если бы он «был один в мире»¹⁵. Кроме того, Хаус являет собой прекрасную иллюстрацию садиста, не только яро отстаивающего свою безопасность и объективирующего ради нее других, но и получающего не меньшее удовлетворение от ощущения их зависимости от него¹⁶.

Обожествляя себя (что Сартр) считает «фундаментальным проектом», затаенным желанием практически любого человека), Хаус, как и любой другой садист, легко пренебрегает причиняющими неудобство требованиями равноправия. Не составляет труда понять, почему он предпочитает объективировать других, вместо того чтобы выстраивать с ними отношения. Кто бы захотел признать себя депрессивным наркоманом, не приспособленным к общественной жизни гением, страдающим хроническими болями и обреченным на пожизненную инвалидность?

Одна комната - один ад

И обстановка, и посыл эпизода «Один день - одна комната» разительно напоминают черную комедию Сартра «За закрытой дверью». Пьеса, действие которой происходит в аду, демон-

стрирует глубину взаимозависимости людей и остроту тревоги и неприязни, которые они могут друг у друга вызывать. Кроме того, в пьесе хорошо заметны проявления садомазохистских наклонностей, которые, как утверждает Сартр, присущи всем нам. История начинается с прибытия в ад некоего Гарсана. Гарсан, оказавшийся в преисподней после расстрела за дезертирство, к своему удивлению обнаруживает, что ад - это не бесконечная камера пыток, а безвкусно и бедно меблированная комната. Но, конечно же, без истязаний не обойтись. Адом главного героя становятся две женщины, Инее и Эстель. До конца пьесы мы будем наблюдать, как мастерски Сартр изображает это «сожительство втроем», где никто ни с кем не спит и каждый страдает.

Циничный взгляд Сартра на человеческие отношения пронизывает пьесу. Это очевидно уже из выбора места. Хотя ад в понимании Сартра и не соответствует традиционным представлениям, комната, где заперты Гарсан, Инее и Эстель, - юдоль страданий, место, откуда нет выхода, где ни один из них не может спастись от других. Как показывает пьеса, жизнь - это ад, и адом ее делает то, что мы вынуждены делить ее с другими. Такие детали, как стены без окон и отсутствие век у персонажей, еще больше подчеркивают неизбежность и самоотрицание общественных отношений. Герои пьесы не могут отдохнуть друг от друга - им отказано в возможности выглянуть в окно, в солипсическом утешении сна, даже в той краткой передышке, которую дарует моргание век: «Мгновенна вспышка тьмы; занавес то поднимется, то опустится; вот вам и перебои. Глаз увлажняется; мир перестает существовать. Вы не представляете, как это освежает. Четыре тысячи кратких мгновений отдыха в час. Четыре тысячи передышек»¹⁷. Нет, персонажи Сартра «неразлучны»¹⁸, как сиамские близнецы, ощущающие друг друга ежесекундно, «всей кожей»¹⁹.

Эпизод «Один день - одна комната» сходным образом показывает межличностные отношения. Учитывая, что у героини диплом по философии и религиоведению, трудно не заподозрить, что какие-то диалоги в эпизоде навеяны пьесой Сартра.

Итак, Кадди снова заставила Хауса принимать амбулаторных больных. Осмотрев нескольких человек, подозревающих у себя венерические заболевания, и заявив, что он «устал вытирать промежности», Хаус поневоле втягивается в беседу с одной из пациенток - Евой, жертвой изнасилования.

Первая параллель с пьесой Сартра состоит в том, что, за одним исключением, все общение Евы и Хауса происходит в четырех стенах смотрового кабинета и палаты - мест, которых ни один из них не выбирал и где ни один из них не хочет находиться. Как и герои сартровской пьесы, Ева и Хаус неприятны друг другу и оказываются в ситуации, которой не могут избежать. Хаус, с его фирменной черствостью, мало чем может утешить Еву. Ева, у которой нет никакой экзотической болезни, только психологическая травма, от которой, как верно замечает Хаус, нет лекарства, не представляет для него интереса. По всем признакам, Ева - пациент из тех, от которых Хаус старается сбежать.

Но девушка не оставляет Хаусу такой возможности. В неожиданном порыве, вместо того чтобы самой пуститься наутек от Хауса, Ева требует, чтобы он был ее лечащим врачом. Этот выбор напоминает о решении сартровских персонажей остаться в аду, даже когда у них появляется возможность уйти. Хотя Хаус говорит, что ничем не сможет ей помочь, он остается с Евой.

Подобно пьесе Сартра, этот эпизод демонстрирует одновременно взаимозависимость людей и их антагонизм. Когда Ева снова и снова просит Хауса рассказать о чем-то глубоко личном, Хаус начинает заметно нервничать. Он лжет, чтобы ее успокоить, но она ловит его на лжи, и Хаус приходит в такое отчаяние, что загружает Еву снотворным, только чтобы не открываться перед ней (у Хауса в отличие от героев пьесы, которым отказано в бегстве друг от друга в сон, в распоряжении целая аптека). Усыпив Еву, Хаус нечаянно обнаруживает свою потребность в других, обращаясь за советом к коллегам. Роли неожиданно поменялись, и Хаус идет сначала к Уилсону, затем к Кэмерон, Форману и Чейзу, спрашивая у каждого, что ему сказать Еве. Забавно, но

все советуют ему разные вещи, а Чейз даже предлагает «держать ее на снотворном». К счастью, Хаус дает Еве проснуться, и последовавшая беседа приносит пользу им обоим.

Имя Ева пациентке дано неспроста, она - первая женщина в сериале, которая сумела заставить Хауса открыться, несмотря на его отчаянное сопротивление. Хаус рассказывает Еве свою историю, и к этому его отчасти подтолкнул их диалог о человеческих взаимоотношениях. Настаивая, чтобы Ева не полагалась на него, герой Хью Лори спрашивает: «Ты собираешься всю свою будущую жизнь построить на том, что тебе скажет человек, с которым ты случайно оказалась в одной комнате?» Эхом повторяя слова Инее («Ты - это твоя жизнь, и ничего больше»)²⁰, Ева отвечает: «Это и есть жизнь - череда комнат. И те, с кем мы оказываемся вместе в этих комнатах, что-то добавляют к тому, что есть наши жизни».

В предпоследней сцене эпизода мы видим Хауса и Еву уже за пределами комнаты, в парке, наконец установившими контакт. Звук стихает, и мы не слышим, о чем они говорят. Подразумевается, что важно не то, что они говорят, а сам факт их взаимодействия друг с другом. Напряжение между ними исчезло. Как смех, который слышен из-за занавеса в «Нет выхода», так и конец этого эпизода оставляет надежду на лучшее.

Сериал демонстрирует противоречивую природу общественных отношений прежде всего на примере главного героя, мизантропа Грегори Хауса, от которого зависят жизни его пациентов. Подобно сартровским произведениям «Бытие и ничто» и «Нет выхода», «Доктор Хаус» подтверждает мысль, что люди нуждаются в других не только физически (что очевидно), но и психологически (что не столь очевидно, но не менее важно). Другие вызывают у нас беспокойство и от младенчества до смерти влияют на нашу личность, помогая определить наш подлинный потенциал как индивидов. Хотя другие могут приводить нас в ярость, эксплуатировать, даже угрожать нам, без них мы просто не сможем жить. Они помогают нам увидеть себя такими, какие мы есть на самом деле, и тем самым делают нас свободнее.

Используя еще одну медицинскую метафору, Сартр говорит, что мир «заражен» другими. Вторя ему, «Хаус» рисует присутствие других одновременно как «болезнь бытия» и насущную необходимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000.

2-11 Сартр Ж. П. Нет выхода / Пер. с фр. Светланы Лихачевой.

12. Там же. Здесь Сартр применяет термин «садомазохизм» к отношениям, в которых один человек занимает подчиненное положение и практически позволяет другому определять свою роль или функцию. Хотя сексуальные отношения являют один из примеров человеческих взаимоотношений, Сартр не относит этот термин исключительно или даже преимущественно к сексу.

13-20. Там же.

НИЦШЕАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ХАУСА

Дэвид Голдблатт

Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?

Ницше, «Так говорил Заратустра»

Для Ницше эти сверхчеловеки выступают как символы отрицания любого подчинения одной для всех норме: антитеза заурядности и застою.

Вальтер Кауфман*

Если бы их пути могли пересечься, Фридрих Ницше (1844-1900), скорее всего, оказался бы пациентом Грегори Хауса. Ницше всю жизнь страдал от целого букета неизвестных болезней и приступов депрессии - случай как раз из тех, что Хаус

* Вальтер Кауфман (1921-1980) - американский философ, переводчик и поэт, преподаватель Принстонского университета, автор книги «Nietzsche». Переводил на английский Ницше, Гегеля, Мартина Бубера и других немецких философов. - *Прим. пер.*

неделю за неделей разбирает в клинике Принстон-Плейнсборо. Список «недомоганий» Ницше включал жестокие головные боли, сопровождавшиеся ухудшением зрения; изнуряющие приступы тошноты; желудочные колики; дифтерит и дизентерию. Всю жизнь преследовавшие философа, к тридцати годам его болезни обострились настолько, что в 1876 году он вынужден был оставить преподавание в университете. Ницше писал: «У меня больше не осталось сомнений, что я страдаю от серьезной болезни мозга, а глаза и желудок - следствия этого центрального процесса»¹. В 1890 году, за десять лет до смерти, у Ницше случился приступ безумия, от которого он уже никогда не оправился.

Пожалуй, больше всего Ницше известен благодаря своей теории *Übermensch* - «сверхчеловека», личности незаурядной, способной на великие свершения, но, что более важно, благородной, уверенной в себе, стремящейся преодолеть тяготение уравнивающих и удушающих обычаев и морали.

Напоминает нашего доктора Хауса? Подходит он под идеал Ницше?

Люди и Сверхчеловеки

С одной стороны, Ницше не раз писал, что время сверхчеловека еще не пришло: «Никогда еще не было сверхчеловека!» - восклицает Заратустра. Сверхчеловек остается идеалом, возможностью, потенциалом: «Человек - это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, - канат над пропастью»². Ницше говорит, что развитие всей цивилизации, даже самого заурядного общества, будет оправдано, если это общество произведет хотя бы горстку великих людей.

Исходя из того, что никто в настоящее время не соответствует критериям сверхчеловека, нет смысла примерять эту роль к Хаусу. Однако, когда Ницше пишет о качествах, которыми должен обладать будущий сверхчеловек, он находит их в Наполеоне, Гете, Иисусе, Цезаре и Шекспире. Представим

мирок Принстон-Плейнсборо обществом в миниатюре и посмотрим на Хауса в этом контексте.

В Ницше больше от провокатора, чем от пророка. Таков, без сомнения, и Хаус. Ницше часто обвиняет своих читателей в лицемерии и малодушии и призывает их отвергнуть нормы морали. Человек есть нечто, что должно превзойти, и Заратустра спрашивает у всех и одновременно ни у кого: «Что сделали вы, чтобы превзойти его?» Что сделали вы, чтобы выйти за пределы заурядного, чтобы приблизиться к высшему существу?

Характер Хауса

Хауса как учителя можно рассматривать двояко. Есть Хаус, который творит свои диагностические чудеса, решая сложные загадки ради самого процесса решения, словно кроссворд. Можно предположить, что этому Хаусу безразлично обучение его команды и не особо интересно благополучие пациентов.

Но есть и другой Хаус, который учит проявлять характер. У него молодые коллеги могут научиться не только тонкостям диагностики, но и способностям сверхчеловека, о которых ничего не сказано в «Анатомии Грея»¹ Хаус хочет, чтобы члены его команды мыслили независимо, чтобы они вышли за рамки того, чему их учили раньше. Для этого им потребуется особая смелость - сохранять независимость и отстаивать свое мнение вопреки больничной субординации и желанию пациентов. Хаус учит силе и стойкости, которые нужны, чтобы выходить за рамки решений, напечатанных в учебниках, не сдаваться, идти на риск и использовать воображение.

Например, Хаус учит наблюдательности и умению задавать пациентам прямые вопросы, даже если эти вопросы

* «Анатомия Грея» - популярный учебник анатомии человека, считающийся классическим. Написан британским анатомом Генри Греем (1827-1860). Под названием «Анатомия Грея: описательная и хирургическая теория» вышел в 1858 году. Переиздавался десятки раз. - *Прим. пер.*

кажутся бестактными. Хаус способен увидеть, что пациент лжет - от страха или смущения. Он, как Шерлок Холмс, умеет находить в индивидуальных особенностях пациента ключи к разгадке сложных заболеваний. Его манеры могут смущать, но, если Хаус не отринет стандартные методы, он подведет пациента, а если не научит своих учеников выходить за рамки медицины в узком смысле слова и традиционной роли врача, он подведет учеников. Хаус являет собой пример человека, наделенного волей и упрямством, необходимыми для того, чтобы подчинить себе и перевернуть сложившийся в медицине порядок. Хаус - человек неамбициозный и не ищет карьерного роста, чреватого застоєм, но, не колеблясь, будет использовать нестандартные ходы и интриги, чтобы помочь своей команде двигаться вперед и находить ключ к самым загадочным случаям.

Двойные стандарты

В каждом эпизоде сериала мы сталкиваемся с проблемой двойных стандартов - Хаусу в порядке исключения сходят с рук нарушения больничных правил и норм. Это прекрасно сочетается с концепцией сверхчеловека Ницше: «Он [Ницше] хотел расчистить место для аристократической морали, созданной для исключений. Он стремился покончить с идеей одного типа нравственности для всех, одной диктаторской морали, предписывающей, как следует жить всем людям»³.

Веря, что Хаус - это «нечто особенное», коллеги покрывают и защищают его, несмотря на бесчисленные нарушения традиций и законов. Мы видели, как Хаус подделывает рецепты, врет и принимает наркотики. Но, что любопытно, Хаус не пытается оправдать свое поведение, ссылаясь на свои достижения и, следовательно, свою ценность для больницы. Хаус вовсе не считает, что ему «все дозволено», - Хаус просто безразличен к запретам и ограничениям и, если обстоятельства требуют, действует так, будто их вообще не существует.

Стиль Хауса

Философия Ницше неразрывно связана с эстетикой, и художник является, пожалуй, лучшим примером сверхчеловека. Для художника творчество - преодоление, и он может сам стать произведением, как и сверхчеловек превращает свою жизнь в акт самотворения. Ницше пишет: «"Придавать стиль" своему характеру - великое и редкое искусство!», подчеркивая, что такое «придание стиля характеру» - суть выдающейся жизни. Стиля в характере Хауса столько, что рядом с ним все остальные в Принстон-Плейнсборо, при всем их многообразии одевающиеся и выражающиеся с одинаковой осторожностью, выглядят бледно и стерильно. На фоне хаусовских ребяческих проказ и острых словечек их проявления эмоций и попытки шутить совершенно теряются.

При этом Ницше утверждает, что человек может формировать свою жизнь в соответствии с несколькими разными, четко определенными стилями. Стиль - дело сложное и неуловимое, меняющееся сообразно с обстоятельствами. То, что Грегори Хаус не одевается, не разговаривает и не ведет себя как «хороший» больничный врач - один из самых очевидных драматических приемов сериала. Нестандартный стиль Хауса создает постоянное напряжение между ним и другими персонажами и безотказно действует на зрителей, вызывая у них невольное восхищение. Мы завидуем тому, как прямо, просто и без комплексов Хаус выражает свои мысли, как бесцеремонно продвигает свои убеждения и с детской непосредственностью добивается своего. Сверхчеловек Ницше потому и «сверх», что не оглядывается на мир, чтобы определить, кто он. Как Хаус, сверхчеловек сам конструирует собственную личность.

Существуют интерпретации философии Ницше, согласно которым ценность сверхчеловека заключается в нем самом, а не в его вкладе в культуру и цивилизацию, а ценность цивилизации - в том, что она представляет собой почву для развития сверхчеловека. Об этом пишет Вальтер Кауфман: «Для Ницше сверхчеловек не обладает ценностью как инструмент под-

держания и управления обществом: сверхчеловек ценен сам по себе, поскольку олицетворяет состояние бытия, к которому все мы стремимся, и общество осуждается Ницше постольку, поскольку оно навязывает конформизм и препятствует развитию сверхчеловека»⁴. Если это и не вполне описание случая Хауса, то определенно - отношения зрителя к нему.

Кроме того, с точки зрения драматургии сериала уникальность стиля поведения Хауса может объясняться еще одной важной причиной. Нам, зрителям, ненавязчиво напоминают, что в профессии врача главное, а что - шелуха.

Аскеза

Рассуждения Ницше об аскете, человеке, который практикует самоотречение, могут показаться неожиданными. Казалось бы, для Ницше с его дионисийским принятием жизни во всей ее телесности аскеза должна быть неприемлема. Но Ницше, осуждая образ жизни аскета в целом, тем не менее находит место и для похвалы (возможно, следствие влияния Востока). Ограничения, которые аскет налагает на себя, на самом деле - попытка выжить в полном тягот и страданий мире, где человек - больное животное. Поэтому для Ницше «аскетический идеал есть маневр с целью сохранения жизни. <...> Меня уже понимают: этот аскетический священник, этот мнимый враг жизни, этот отрицатель - он-то и принадлежит к великим консервирующим и утвердительным силам жизни...»⁵

Хауса, хотя он далеко не аскет, почти никогда не показывают обладающим обычными символами материального благополучия либо стремящимся к этим символам. Мотоцикл и джинсы свидетельствуют о его скромном образе жизни. Хаус не замечен в сознательном отказе от потребительских благ, он просто не испытывает к ним интереса. Еще одна черта, характерная для аскета, - аполитичность: Хауса не интересуют интриги в медицине и за ее пределами. Интерьер его квартиры прост и скромен, и ничто не выдает в гениальном диагносте пристрастия к приобретательству.

Боль

Георг Зиммель* писал о боли: «Это одна из фундаментальных тем истории человеческой души - возвышение нашего существования достигается через страдание... Ницше переносит эту связь от индивида к человечеству: только дисциплина, сопровождавшаяся великой болью, породила "все возвышение человечества"»⁶. Заратустра поэтически формулирует эту мысль так: «Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду». Похоже, «хаос» Хауса проистекает из его очень реальной боли, которая, судя хотя бы по эпизоду, где Кадди дает ему плацебо, может быть психосоматической. Эта боль, какой бы ни была ее причина, может быть тем обходным путем, что за счет силы и интенсивности выводит Хауса на прямую дорогу к вершинам.

Ранние работы Ницше («Рождение трагедии из духа музыки» и «Философия в трагическую эпоху Греции») радикально пересматривают стандартные для того времени взгляды на греческую философию и искусство. Как пишут Майкл Силк и Джозеф Стерн: «Страдающий герой греческой трагедии, Эдип или Прометей, - исходная модель для сверхчеловека Ницше»⁷. Античные герои воспротивились богам и заплатили за это высокую цену - часто и физическим страданием. Определенное сходство Хауса с Эдипом и Прометеем бросается в глаза. Его поступки достойны пусть не героя мифов, но героя в повседневном, обыденном смысле, и, совершая их во благо людей, Хаус восстает против этических норм и исторически сложившихся медицинских регламентов. Боль Хауса, подобно боли античных героев, будит в нас сопереживание и может быть как-то связана с его «возвышением» - способностью распутывать загадки, непосильные для других. Было бы соблазнительно легко сказать, что его несносный характер

* Георг Зиммель (1858-1918) - нем. философ и социолог; представитель философии жизни, разрабатывал проблемы философии культуры. - *Прим. пер.*

(совсем не тот, какого ждешь от сверхчеловека) - следствие его боли, а в нападках на окружающих он находит облегчение. В действительности же благородный герой без единого изъяна скучен. Недостатки чуть-чуть приближают его к нам, обычным людям.

Унаследовать Землю

Немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889-1976), много писавший о Ницше, считает, что наша функция заключается в том, чтобы ответить на вопрос: «Готов ли человек в своей сложившейся к нашему времени сущности к безусловной власти на Земле?», и называет Ницше первым из мыслителей, «который, принимая во внимание течение мировой истории, ставит этот решающий вопрос и продумывает его во всей метафизической важности»⁸. Если нет, пишет Хайдеггер, то «нынешний человек» должен вознестись над собой, и этот «сверх-человек», человек, вышедший за пределы себя, являет какой-то будущий тип, который будет «избавлен от мести» и будет обладать волей освободить себя от диктата «было», прошлого, которого он больше не хочет. Это свобода от прошлого - от памяти о вине, стыде и горечи, навязываемых европейской моралью. (Похоже, у Хауса есть счастливая способность отмахиваться от любого чувства вины за свое поведение. Более того, он оскорбляет всех со вкусом, уверенно и беззаботно.)

Итак, приставка «сверх» в «сверх-человеке» для Хайдеггера содержит отрицание, задающее направление эволюции нашему биологическому виду: от нынешних мстительных созданий (чья мстительность, по Ницше, значит, что они чувствуют себя побежденными и потерпевшими) к новому типу существ. Как в эту схему вписывается Хаус? Да прекрасно! Хаус почти не демонстрирует признаков жалости к себе или злопамятности, несмотря ни на пулевые ранения, ни на злосчастное стечение обстоятельств, сделавшее его инвалидом.

«Это фантастика»

Можно ли считать хаусовское презрение к бюрократии и предпочтение интуиции больничному кодексу поведения «канатом», мостом между человеком и сверхчеловеком? - Действительно ли Хаус - предвестник альтернативы западной медицине и готовности вырваться из узкого концепта доктора в белом халате? Очевидно, что аналога хаусовским кунштюкам в реальном мире нет. Хаус - это вымысел в вымысле. Регулярность, с которой к нему попадают фантастически трудные случаи, его специализация, должность в штатном расписании и оригинальность его решений лежат за пределами правдоподобия. Поведение и внешность делают его особенным в больничной среде и вне ее одновременно. И, хотя самонадеянность и дурные манеры Хауса, может быть, и не совсем те качества, которых ждал Ницше от *Übermensch*, его талант, стиль, сила воли, великодушие и пренебрежение мнением и моральными принципами большинства соответствуют идеалу философа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Karl Pletsch, *Young Nietzsche: Becoming a Genius*. New York: Free Press, 1991. (Плетш К. Молодой Ницше: становление гения.)
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. Ю.М. Антоновского, под ред. К.А. Свасьяна // Сочинения в 2-х тт. М.: МыслБ, 1990. Т. 2.
3. George J. Stack, *Nietzsche and Emerson: An Elective Affinity*. Athens: Ohio Univ. Press, 1992. (Стак Дж. Ницше и Эмерсон: избирательное сродство.)
4. Walter Kaufmann, *Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist*, 3rd ed. New York: Vintage, 1968. (Кауфман В., Ницше Ф.: Философ, психолог, Антихрист.)
5. Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения в 2-х тт. / Пер. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
6. Georg Simmel. *Schopenhauer and Nietzsche*, trans. H. Loskandl, D. Weinstein, and M. Weinstein. Univ. of Illinois Press, 1991. (Зиммель Г. Шопенгауэр А. и Ницше Ф.)
7. M. S. Silk and J. P. Stern, *Nietzsche on Tragedy*. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press, 1981. (Силк М. и Стерн Дж. Ницше о трагедии.)
8. «Кто такой Заратустра у Ницше?» Доклад, прочитанный Мартином Хайдеггером 8 мая 1953 года в Берлине / Пер. с нем. и прим. И.В. Жук. *Цит. по:* Топос. М., 2000. №1.

ХАУС И МОРАЛЬНАЯ УДАЧА

Джейн Драйден

Проблема моральной удачи

В больницу поступает пациент со сложным набором противоречивых симптомов. Команда врачей ставит ему два правдоподобных диагноза, каждый из которых требует своего курса лечения. Каждый курс вылечит пациента, если диагноз верен, но в противном случае, как уже знают все зрители «Хауса», убьет его. Если врачи выберут верное лечение — честь им и хвала, если ошибутся — то будут жалеть о своем решении всю жизнь, хотя дисциплинарного наказания может и не последовать. Семья пациента будет негодовать — доктора убили их любимого дедушку! Доктора во всем виноваты!

Так ли это? Можно ли винить врачей, если у них не было никакой возможности узнать, какой диагноз верен? А если они упустили какой-то маленький симптом? Теперь их можно винить в смерти пациента, даже если другие врачи могли не заметить этот же симптом? Если медики не заслуживают порицания, когда ошибаются с диагнозом, то с какой стати им достаются почести, когда он оказывается верным?

Интуитивно мы чувствуем, что людей нельзя осуждать за то, в чем они не виноваты, или за то, что случилось по вине факторов, которые они не контролируют (назовем это «принципом непод-

контрольное™»). Но - вот ведь парадокс! - мы осуждаем людей больше, когда их поступки ведут к серьезным бедам, чем когда те же поступки, по чистому везению, не имеют последствий. Например, мы чувствуем, что водитель, который сел за руль пьяным и кого-то задавил, сотворил нечто более ужасное, чем пьяный водитель, который благополучно добрался до дому. Этот парадокс - мы ответственны только за то, что в нашей власти, и в то же время ответственны и за вещи, нам неподвластные, - известен в философии как проблема «моральной удачи». Эта проблема сильно усложняет наше представление о механизме моральной ответственности. В то время как осмысление природы удачи и роли неподконтрольных нам факторов издавна составляло часть философии морали, понятие моральной удачи впервые было рассмотрено в двух работах, написанных в 1976 году Бернардом Уильямсом¹ и Томасом Нагелем². Нагель пишет: проблема моральной удачи доказывает, что в фундаментальных понятиях «похвалы» и «осуждения» есть какая-то непоследовательность, но «представление о парадоксальности моральной удачи - не ошибка, этическая или логическая, а осознание одного из путей, какими интуитивно воспринимаемые условия морального суждения грозят подорвать саму его идею»³.

Главное - результат

Учитывая, как неоднозначно Хаус относится к вопросам морали как таковой (взять хотя бы тот случай, когда он подкупом и шантажом добивается от хирурга-трансплантолога согласия на операцию по пересадке печени!), неудивительно, что отдельные нюансы морального суждения его мало занимают. А если вспомнить, что на весах - жизни пациентов, очевидно, что для Хауса важен только результат.

В первом сезоне, в эпизоде «Три истории», Хаус читает лекцию группе студентов и спрашивает у них, как бы они поступили с укушенным змеей фермером, которого уже чуть не убило неправильно назначенное противоядие. Время работает против

пациента, его состояние быстро ухудшается. Назначат ли они ему новую сыворотку, зная, что ошибка на этот раз точно его убьет? Обыщут ли они ферму во второй раз в надежде найти ту змею, что укусила пациента, определить ее вид и действовать наверняка, зная, что за время поисков пациент может умереть? Один из студентов замечает, что неверное решение наверняка убьет пациента, и Хаус кивает. Группа разделяется поровну: одни - за поиск змеи, другие - за новую сыворотку. Испуганная студентка пищит: «Значит, половина из нас только что убила его, а половина - спасла». Хаус снова соглашается. Третий студент начинает говорить, что их нельзя винить за убийство пациента, раз в момент принятия решения не в их власти было знать правильный ответ, и этим демонстрирует свою веру в принцип неподконтрольности, но Хаус обрывает его: «Уверен, это противоречит всему, чему вас учили, но только потому, что вы не знаете правильный ответ или у вас нет возможности его узнать, ваш ответ не становится правильным или хотя бы удовлетворительным. Все намного проще. Вы ошиблись». Критерий правильности - результат. Намерения не имеют значения. Для Хауса принципа неподконтрольности не существует.

Во втором сезоне, в эпизоде «Ошибка» (2/8), Чейз, выбитый из колеи известием о смерти отца, забывает задать пациентке важный вопрос, из-за чего она умирает. Когда Чейз пытается оправдаться тем, что это была небольшая (и поэтому не заслуживающая сурового порицания) оплошность, Хаус отвечает: «Значительность ошибок определяется их последствиями». Если бы женщина не умерла, промашка была бы менее серьезной. Тогда можно было бы говорить о банальной рассеянности, и не было бы оснований для созыва больничного комитета по этике. Но смерть пациента превращает невнимательность Чейза в серьезный проступок. От увольнения его спасает смягчающее обстоятельство - стресс, вызванный сообщением о смерти отца, так что наказание ограничивается недельным отстранением от работы и записью в личном деле.

Непредвиденные, или, говоря юридическим языком, «не охваченные умыслом» последствия поступка определяют, от-

делается ли совершивший его человек («агент действия», далее просто «агент») легким испугом или попадет в ужасный переплет. И эта мысль пугает. Здесь речь идет о такой разновидности моральной удачи, как «результатирующая удача». Мы можем как-то задобрить эту результирующую, попытавшись учесть максимум факторов (как Хаус учитывает возможность обмана со стороны пациентов, придерживаясь твердого правила «Все врут»), но, безусловно, все предвидеть невозможно. Команде Хауса придется рисковать и назначать лечение, которое может не помочь, потому что врачи в любом случае должны что-то предпринимать, а не сидеть сложа руки.

Сожаление агента и чувство вины

И поскольку лечение не всегда помогает, рано или поздно может случиться, что пациент умрет. Что делать, если поступок приведет к печальным последствиям, предотвратить которые не в нашей власти? Бернард Уильямс в своей работе «Моральная удача» (1976) вводит понятие «сожаление агента» (agent-regret). Сожаление агента, как его определяет Уильямс, подразумевает мысли типа «насколько было бы лучше, если бы все было наоборот»⁴. Это чувство, которое мы испытываем, когда наши действия приводят к последствиям, противоположным ожидаемым. В отличие от обычного сожаления случайных свидетелей, сожаление агента связано с поступками, с ситуациями, в которых мы принимали самое активное участие. Сожаление агента отличается и от раскаяния, которое мы испытываем, когда сделали что-то не так и хотели бы вернуть все назад и исправить. Оно может прекрасно уживаться с уверенностью, что мы поступили правильно и поступили бы так снова, несмотря на печаль, вызванную неожиданными последствиями. Чтобы лучше понять разницу, рассмотрим пример из статьи Уильямса: водитель, соблюдавший правила дорожного движения, задавил ребенка⁵. Наверняка этот водитель будет испытывать огромное сожаление, несмотря на отсутствие в случившемся его вины.

Будь водитель нетрезв, заснй он за рулем - его чувства больше напоминали бы раскаяние, сожаление о том, что он вел себя дурно. Друзья и близкие наверняка попытаются его утешить и сделать так, чтобы он меньше переживал из-за случившегося, но Уильяме указывает, что как-то ненормально, если водитель утешится слишком быстро, если его реакция будет слишком слабой. Поскольку смерть ребенка стала результатом его непосредственных действий, водитель должен чувствовать себя ужасно от причастности к гибели ребенка. Зеваки тоже будут сожалеть о смерти ребенка, но со стороны. Их сожаление - это не сожаление агента.

В третьем сезоне, в эпизоде «Воспитание щенков» (3/20), Форман диагностирует у пациентки рак и назначает лучевую терапию. После облучения выясняется, что у девушки на самом деле была инфекция, и из-за того, что лечение уничтожило ее иммунитет, она умрет в течение суток. Вторая часть эпизода посвящена сильному сожалению агента, которое Форман испытывает из-за того, что «убил» пациентку (видимо, его состояние усугублено тем, что она ему не нравилась; по иронии судьбы Форман сказал девушке, что она сама виновата в своих проблемах, потому что постоянно принимает неверные решения).

Чейз пытается утешить Формана, напоминая, что «мы все ошиблись, даже Хаус ошибся». Форман это понимает, но легче ему не становится - ведь он поставил диагноз, объяснил, почему этот диагноз подходит под симптомы, провел анализы и получил одобрение Хауса (Хаус даже назвал решение Формана «клевым»). Процедура принятия решения верна, несмотря на то что пациентка умерла. Остается только переживать «сожаление агента», мечтая, чтобы следующий диагноз оказался верен.

Хаус на свой манер тоже пытается утешить Формана: «Иди домой. Выпей, ложись спать, а завтра встанешь и все начнешь заново, только будешь умнее. А за отпущением грехов иди к священнику или нищим подай - какой ритуал больше нравится». Продолжать действовать как хороший врач важнее, чем испытывать угрызения совести за неверный диагноз, и поэтому Фор-

ман должен справиться с чувством вины, чтобы оно не отразилось на его будущих суждениях (и действительно, в следующих эпизодах Хаус обеспокоен тем, что затянувшиеся переживания Формана делают его слишком осторожным).

Если, несмотря на все старания, пациент умирает, врач должен двигаться дальше. Хаус говорит, что ему не за что прощать Формана, потому что тот ни в чем не виноват. Их команда спасла многих больных, которых другие врачи потеряли бы, но теряла и будет терять пациентов, которых другие, используя иные методы, могли бы спасти. Смерть - это часть процесса. Пациент умер из-за Формана, и наверняка в практике врача такие случаи еще будут. Как Хаус говорит Уилсону, «чувство вины бессмысленно»⁶.

Все же Эрик чувствует, что ему есть в чем себя винить. Когда Кэмерон пытается утешить его, он отвечает: «Я убил женщину. Разве ненормально, что я хотя бы некоторое время буду чувствовать себя хреново?» Хотя пациенты умирали и будут умирать в результате неудачного лечения, Формана это не утешает. Наверняка мы стали бы думать о нем хуже, если бы он с легкостью забыл о случившемся, точно так же, как нам бы не понравилось, что сбивший ребенка водитель в примере Уильямса слишком быстро оправился от потрясения. Форман, кстати, использует то же слово «ненормально», что и Уильяме.

Даже Хауса, что бы он там ни говорил Уилсону и Форману, тревожит (а это совсем для него нехарактерно!) ответственность команды за смерть пациента. Он сам говорит девушке, что в ее смерти будут виноваты врачи. И отчаянно пытается понять причину ее смерти: «Где мы облажались? Что упустили? Мне нужно знать». Реакция Хауса кажется Форману неуместной, но мы видим, что его чувства выходят за пределы научного любопытства. Когда Уилсон уточняет: «Умерла от обычного стафилококка?», Хаус добавляет: «И еще от нескольких неверных решений». В начале эпизода обсуждались «неверные решения» пациентки, а сейчас за «неверные решения» несет ответственность и Хаус, который действительно чувствует что-то похожее на сожаление.

Сожаление агента и легкомысленное отношение к случившемуся

Однако в целом Хаус больше напоминает водителя, который, сбив человека, не проявляет никакого сожаления агента, если не видит в случившемся своей вины. Современный философ Маргарет Уокер пишет: независимо от нашего отношения к моральной удаче и ответственности агента, «одну вещь, я думаю, мы найдем как минимум неправильной, даже категорически неприемлемой - если агент будет вести себя как ни в чем не бывало»⁷. Рассмотрим следующий пример неприемлемой реакции: «Да, это ужасно, кто-то пострадал, но я там оказался по чистой случайности, это все мое проклятое невезение. Я признаю свою небрежность (нечестность, трусость, оппортунизм и т.д.) и согласен, что эта маленькая оплошность заслуживает порицания. Но с вашей стороны было бы абсолютно несправедливо судить, не говоря уж о том, чтобы осуждать, меня за несчастливое стечение обстоятельств, которые я не мог контролировать, а с моей стороны позволить вам это было бы глупостью или чистым мазохизмом»⁸.

Уокер показывает, что такая реакция нас бы разочаровала, возможно, даже шокировала, в зависимости от характера инцидента, и что, каким бы ни было участие агента в случившемся, «мы бы подумали, что с агентом что-то не в порядке и проблема гораздо серьезнее, чем его поступок»⁹.

Когда Чейз в эпизоде «Ошибка» называет умершую мать двоих детей просто «пациентом» и уверяет Стейси: «Я банально поставил неверный диагноз. Но я делал все по учебнику. Я не мог знать, что так получится», Стейси, больничная юрист, предупреждает его, что такая реакция не вызовет сочувствия у комитета по этике, поскольку может создать впечатление, что Чейз не заботится о своих пациентах. Поскольку Чейз действительно допустил ошибку, Уильяме сказал бы, что его чувства ближе к раскаянию, чем к сожалению агента. Но, если бы женщина выжила, ошибка осталась бы маленькой оплошностью,

а во всем остальном Чейз действительно делал все «по учебнику». Желание Чейза признать свою небрежность (незначительную), но нежелание нести ответственность за ее последствия (серьезные) очень напоминает приведенный Уокер пример.

Аналогично, еще до смерти пациентки, когда Хаус говорит Чейзу, что «женщина может умереть только потому, что ты поленился задать один простой вопрос», Чейз огрызается: «Нет, она может умереть потому, что мне повезло рассыпать ваш чертов викодин». Первоначально этой пациенткой должен был заниматься Форман, но капризный Хаус решил перепоручить ее Чейзу в виде наказания за его неловкость. Честно ли винить Чейза в том, что из-за несчастливого стечения обстоятельств женщина оказалась его пациенткой? Отвечай за нее Форман, у Чейза не было бы возможности ошибиться (такую удачу называют «удачей по обстоятельствам» (antecedent luck)).

Насколько интенсивным должно быть сожаление агента, чтобы не мешать врачам, регулярно принимающим решения, от которых зависят людские жизни? Такое чувство не должно парализовать их работу. Как говорит Хаус (о девушке, утратившей способность принимать решения, эпизод «Воспитание щенков»), «Чем была бы жизнь, не будь у нас возможности делать неправильный выбор?». Если органы пациента стремительно отказывают, а результаты анализов придут уже после его смерти, врачам приходится работать с имеющейся информацией, какой бы скудной она ни была, и принимать решение на свой страх и риск. Что делают врачи в «Хаусе», чтобы защититься от непомерного груза эмоций?

Границы врачебной ответственности

В третьем сезоне, в эпизоде «Недоумок» (3/15), Форман предлагает очень опасное, связанное с риском для жизни пациента лечение, и Хаус отвечает: «Именно поэтому Бог создал такие длинные формы информированного согласия на операцию». Речь идет о том, что врачи обязаны предоставить пациенту медицинскую ин-

формацию о лечении, которое ему собираются назначить, и получить его согласие в письменной форме. Если бы Хауса заботила моральная удача, он бы относился к формальностям более серьезно (в «Воспитании щенков» диагност проводит вскрытие еще до того, как Уилсон получил согласие родственников, в других эпизодах он угрозами и чуть ли не силой заставляет пациентов или их опекунов подписать согласие на операцию). Больше чем просто юридическая формальность, такие документы могут быть лучшей защитой врача от превратностей моральной удачи.

Философ Донна Дикенсон полагает, что к оформлению всех бумаг следует относиться серьезно не только потому, что это требование закона, а из соображений морального плана, поскольку «именно получение от пациента информированного согласия остановит движение вероятностной машины и тем самым закроет вопросы о моральной удаче и риске для врача»¹⁰. Вероятность неблагоприятного результата лечения существует всегда, но врач все равно не может противостоять чувству вины или раскаяния в случае неудавшегося лечения. Информированное согласие, если оно получено надлежащим образом, переносит часть ответственности за возможную неудачу с врача на пациента (при условии, что последний осознает возможный риск и что врачи не допустят ошибку). Как пишет Дикенсон, «если информированный пациент согласился на лечение, с этической точки зрения вину за неблагоприятный исход этого лечения нельзя будет возложить на компетентного врача. Сознательно упрощая, можно сказать, что врач в такой ситуации окажется не плохим, а просто невезучим и будет испытывать сожаление, но не раскаяние или чувство вины»¹¹. Если это так, то, действительно, бланк информированного согласия может оказаться для него спасательным кругом.

Разумеется, акцент таким образом смещается с результатов на процедуру лечения. Хаус часто ссылается на итоги применения своих методов: раз больные выздоравливают, к нему не может быть никаких претензий. Это позиция результативиста («результаты поступка определяют, плох он или хорош»), или патерналиста («доктор решает, что лучше для пациента»), или и того, и другого. Как подчеркивает Дикенсон, «аргумент "они

вам потом спасибо скажут" исключительно привлекателен для клиницистов»¹². Проблема в том, что, если Хаус потерпит неудачу, он останется абсолютно беззащитным в первую очередь в этическом плане. И хотя его это, может, и не беспокоит, зато беспокоит тех, кто его окружает, и нас, зрителей. Обходясь без согласия пациента либо сообщая ему не всю информацию, Хаус (даже если назначенное лечение кажется единственно верным) не только нарушает стандарты оказания медицинской помощи, но и рискует с точки зрения результирующей удачи: все будет прекрасно, если лечение поможет (как обычно и бывает у Хауса), но невозможно знать наверняка, что так и будет. И хотя, как Кадди говорит Форману в эпизоде «Обман» (2/9), «Хаусу все время везет», это везение не отменяет риска.

Если оценивать врача, основываясь на принципах результативизма, смерть пациента означает, что врач сделал что-то неправильно и виноват. То же и с патернализмом: если результаты не соответствуют интересам пациента, врачу нечего сказать в свое оправдание. Дикенсон утверждает, что оба принципа сомнительны. Она убеждена: «Обязанность врача состоит не в том, чтобы непременно получить надлежащий результат, но в том, чтобы получить его корректным образом <...> абсолютистская интерпретация информированного согласия пациента защищает и врача, и пациента: врача от моральной ответственности, пациента - от посягательств на его автономию»¹³.

Безусловно, основная проблема с получением информированного согласия состоит в том, что чрезвычайно трудно определить степень «достаточности» информирования, сообщая пациенту о риске. Кроме того, что делать, если пациент не в состоянии дать согласие, а лица, которые могут представлять его интересы, недоступны либо не имеют такого права (в соответствии, например, с законодательствами других стран)¹⁴?

Так, пациентка, которую Форман «убил» в эпизоде «Воспитание щенков», испытывает трудности с принятием решений. Эпизод, собственно, и начинается с ее приступа абулии (абулия - неспособность принять волевое решение, патологическое безволие, возникающее обычно в результате повреждения голов-

ного мозга). Второй приступ случается, когда Хаус просит ее подписать форму согласия на облучение. Из-за приступа пациентка не может решить, что делать. Когда она теряет сознание, Хаус говорит медсестрам, чтобы девушку везли на облучение, а форму она несомненно захочет подписать, как только придет в себя. Кроме того, перечисляя пациентке возможные осложнения, Хаус резко меняет тему и, не дав ей времени обдумать риск, спрашивает, почему ей не нравится Форман. Вряд ли тут можно говорить о сколько-нибудь взвешенном решении. Зрителям не показывают, как девушка подписывает форму, но можно догадаться, что у нее нет возможности отказаться.

Имеет ли какое-то отношение сомнительный характер получения согласия на облучение к сильному сожалению агента и даже раскаянию, которые испытывает Форман? Если бы Форман сам просил согласия у девушки, чувствовал бы он себя по-другому после ее смерти? Легче ли бы он смирился со своей виной? Если бы у пациентки было время подумать о последствиях облучения и обсудить их с врачами, может, она по-другому бы среагировала на сообщение об их ошибке с диагнозом?

Проблема моральной безупречности

Очень может быть, что моральная удача представляет проблему, только если мы оперируем простыми, черно-белыми категориями. Если мы стремимся к моральной безупречности, ищем однозначного ответа на вопрос «кто виноват?» или хотим четко отграничить нашу сферу ответственности, понятие «моральная удача» спутывает нам все карты. Если же безупречность для нас несущественна, то моральная удача может просто послужить лишним подтверждением тому, что жизнь - штука непростая. Согласно Уокер, логичнее выносить моральные оценки людям исходя из их поступков, а не оценивать эти поступки изолированно. Когда мы рассматриваем человека в контексте его жизни (Дикенсон называет такой подход «нарративным»), многое из того, что смущало нас в проблеме мо-

ральной удаче, становится понятным. Для нас имеет значение (и, похоже, так и должно быть), почему превысил скорость водитель, сбивший человека, - спешил ли он домой, где случилась какая-то беда, или был пьян. Узнав, что Чейз в «Ошибке» был рассеян из-за смерти своего отца, а не из-за похмелья, мы уже не можем обвинить его в безразличии к пациентам. Весь эпизод выстроен так, чтобы играть на том, как мы относимся к его оплошности: сначала мы думаем, что он ленив или беззаботен, и только в конце узнаем, что его выбила из колеи смерть отца, и наша реакция на это открытие высвечивает критерии, которыми мы инстинктивно руководствуемся, когда хвалим или осуждаем.

В конечном счете, как пишет Уокер, «агент олицетворяет не самодостаточную рациональную волю, исчерпывающе выраженную в каждом акте принятия решения, но историю осознанных или неосознанных компромиссов, каждый из которых в той или иной степени влияет на его последующие решения, историю развития сквозных тем, значительных и мимолетных проектов, в том числе и всей его жизни»¹⁵. Мы знаем о характере отношений Чейза с отцом. Смятение, которое испытывал Чейз, не освобождает его от ответственности за смерть пациентки, но помогает нам не судить его слишком строго.

Кроме того, мы не можем выбирать - «за это возьмем на себя ответственность, а за это не возьмем». Вспомните, как мы ожидаем, что убивший ребенка водитель будет испытывать сожаление, хотя в случившемся и нет его вины; другими словами, как пишет Уокер, «человек в ответе не только за то, что может контролировать»¹⁶. Общая картина, контекст нашей жизни, требует, чтобы мы несли ответственность за множество решений, которые не принимали. Это необходимое условие человечности, и за его соблюдение мы уважаем тех, кому доброта и цельность характера позволяют с честью вести себя в любых обстоятельствах. И если так, то моральная удача не обесценивает мораль как неотъемлемую характеристику человека, но скорее дает ей больше возможностей для проявления.

Безусловно, «Доктор Хаус» не тот сериал, от которого стоит ждать уроков моральной безупречности. Рассмотрев проблемы, связанные с моральной удачей, понимаешь, что и стремиться-то к такой безупречности не стоит. Вместо этого следует признать, что наши поступки и их последствия подвластны нам лишь до некоторой степени. Хаус учит, что в условиях неопределенности мы должны реагировать решительно, если уверены, что бездействие окажется губительным, должны сделать все, что в наших силах, и быть готовыми нести ответственность за последствия, какими бы тяжелыми они ни оказались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Bernard Williams, "Moral Luck", *Moral Luck: Philosophical Papers 1973-1980*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. Reprinted from *Proceedings of the Aristotelian Society*, supplementary vol. 50 (1976). (Уильяме Б. Моральная удача // Моральная удача: Философские статьи: 1973-1980).
- 2-3. Нагель Т. Моральная удача // *Логос*. 2008.1(64).
- 4-5. Уильяме Б. Моральная удача.
6. Конечно же, эмоции Хауса не всегда соответствуют его убеждениям. Это видно хотя бы из того, что вскоре после заявления «Чувство вины бессмысленно», Хаус признается, что взял к себе старую собаку Уилсона из чувства вины перед бывшей женой друга.
- 7-9. Margaret Urban Walker, "The Virtues of Impure Agency", in *Moral Luck*, ed. Daniel Statman. Albany: State Univ. of New York Press, 1993. (Уокер М. Добродетели небезупречного действия.)
- 10-14. Donna Dickenson, *Risk and Luck in Medical Ethics*. Cambridge: Polity Press, 2003. (Дикенсон Д. Риск и удача в медицинской этике.) Я не пытаюсь осветить юридические аспекты информированного согласия, поскольку на это потребовалось гораздо больше места, чем то, которым я располагаю.
15. Margaret Walker (Coyne), "Moral Luck?", *Journal of Value Inquiry* 19, no.4 (1985). (Уокер (Койн) М. Моральная удача?).
16. Walker, *Moral Luck*. (Уокер М. Моральная удача.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЫСЛИТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕСС!» ЛОГИКА И МЕТОД ХАУСА

ЛОГИКА ДОГАДОК ШЕРЛОКА ХОЛМСА И ДОКТОРА ХАУСА

Джеральд Абраме

Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует губительно на способность логически мыслить.

Шерлок Холмс в «Знаке четырех»¹

Игра началась*

В имени Dr. Gregory House, M.D. («Д-р Грегори Хаус, доктор медицины»), словно в ребусе, зашифрованы имена трех прославленных Артуром Конан Дойлом детективов: Шерлока Холмса, Джона Уотсона и Тобиаса Грегсона. House - «дом», в английском языке синоним home, и так Холмс произносит свою фамилию, «Хоумс», хотя и с «с» на конце. Dr. и M.D. - те же сокращения ставит в своей подписи Уотсон-Уотсон, верный друг и помощник Холмса. Кстати,

*В оригинале «Come, Watson, come! The game is afoot. Not a word! Into your clothes and cote!» В переводах: «Вставайте, Уотсон, вставайте! - говорил он. - Игра началась. Ни слова. Одевайтесь, и едем!» Однако в переводе утеряна отсылка The game is afoot, «дичь поднята» или «зверь поднят», - это прямая цитата из Шекспира, Henry V, act III, scene 1: Before the game is afoot, thou still let'st slip. - *Прим. пер.*

у Холмса и Уотсона есть прототипы. В бытность свою практикующим врачом Конан Дойл с благоговением взирал - как Уотсон на Холмса - на хирурга Джозефа Белла, работавшего в Королевском госпитале Эдинбурга. Характер Белла, биография и блестящая, со стороны казавшаяся сверхъестественной способностью решать сложнейшие загадки достались Холмсу². С именем Хауса - Грегори - дело немного сложнее, но разгадка прямо перед глазами, в 11 первом же рассказе о Шерлоке Холмсе, «Этюд в багровых тонах», - в личности детектива Скотленд-Ярда Тобиаса Грегсона. Холмс говорит Уотсону, что Грегсон - «самый толковый сыщик в Скотленд-Ярде», «он и Лестрейд выделяются среди прочих ничтожеств»³. Грегсон приносит Холмсу самые трудные дела, те, в которых сам не может разобраться, так же, как и Кадди отдает самые трудные случаи Хаусу, когда ни один врач в Принстон-Плейнсборо и предположить не может, что с больным. Интеллектуальная заурядность Грегсона и Уотсона важна, потому что способности Холмса ошарашивают их так же, как читателей. Грегсон и Уотсон смотрят на Холмса с того же ракурса, что и мы, обычные люди. Аналогично, мы вряд ли могли бы симпатизировать блестящему Хаусу, не говоря уж о том, чтобы сравнивать себя с ним, не будь у него личных проблем и физического недостатка. Проблемы делают Хауса ближе к простым смертным, совсем как Уотсон и Грегсон приближают к читателю и зрителю Холмса.

Хаус и Холмс

Хаус, однако, не просто позаимствовал у Холмса некоторые черты. В каком-то смысле он и есть Холмс, ухитряющийся существовать в двух параллельных вселенных, одна - в настоящем, в Принстон-Плейнсборо, другая - в прошлом, в доме 221Б на лондонской Бейкер-стрит. Хаус даже разговаривает как Холмс - глядя на пациентку, спрашивает: «Кто наши подозреваемые?» (пилотный эпизод), а поставив диагноз, гордо заявляет: «Я решил это дело» (там же). Подбираясь к болезням-злодеям, Хаус смотрит на пациентов как на притворщиков, точно так же, как Холмс смотрит на своих

клиентов. Пациенты часто врут и только мешают врачу, поэтому для поиска истины Хаус использует нетрадиционные методы. Он вламывается в их дома, крадет их личные вещи, роется в шкафах и вообще идет на все, чтобы добыть улики, - опять же как Холмс⁴.

И, как у Холмса, у Хауса всегда под рукой верные помощники - команда молодых врачей. Это уотсоны Хауса - Кэмерон, Форман и Чейз, каждый - специалист в своей области. Правда, в отличие от своего коллеги конца XIX - начала XX века, они не являются друзьями или наперсниками Хауса. Эта роль зарезервирована за уотсоном № 4, коллегой Хауса, Джеймсом Уилсоном, у которого те же инициалы, что и у холмсовского Уотсона: Dr. J. W., M.D. Уилсон даже какое-то время делит кров с Хаусом, в точности как Уотсон с Холмсом на Бейкер-стрит. Четыре уотсона постоянно одолевают Хауса вопросами, которые возникают у нас, зрителей, по ходу постановки диагноза - так же, как Уотсон вечно спрашивает у Холмса, как продвигается расследование. Они - наша возможность приблизиться к гению. Не будь их, мы не смогли бы проникнуть в его мир. Хаус и Холмс - закрытые люди. Оба одиночки, холостяки, люди с минимумом социальных связей; их мало волнуют окружающие, они бывают резки и грубы даже со своими помощниками. Фактически единственное, что их по-настоящему волнует, - загадка. Азарт исследователя - единственное, ради чего они живут. Их научные занятия, музыкальные интересы, своеобразный отдых, даже их наркотическая зависимость... - все это средства достижения цели: узнать, кто же преступник.

Логика Хауса

Но самым важным является сходство их методов. Оба считают, что руководствуются дедукцией, и оба глубоко заблуждаются⁵. Все великие детективы мировой литературы принимают свои методы за дедукцию, и большинство, подобно Холмсу, заявившему: «Я никогда не гадаю», с презрением относятся к умозаключениям, построенным на догадках. На самом же деле Холмс, как все детективы и все диагносты, догадки использует⁶. И Хаус - туда же: «Чтобы предпо-

шагать, нужно обладать дедуктивным мышлением» («Принятие» (2/1)) и «Из его слов о том, что у него болит горло, я должен был заключить, что у него простуда» («Бритва Оккама» (1 / 3)). Однако, если бы Холмс и Хаус действительно использовали дедукцию, их умозаключения были бы неизменно безошибочны, поскольку обязательное условие этого метода - следование истинного заключения из истинных посылок. Взяв, к примеру, две истинных посылки: «Все врачи допускают ошибки» и «Хаус - врач», мы с уверенностью заключаем: «Хаус допускает ошибки». Мы уверены, что наш силлогизм верен, ибо знаем обо всех врачах достоверный факт, а именно: они допускают ошибки. Здесь нет места гипотезе или вероятности. Но ни одно из умозаключений Холмса не следует из посылок с неизбежностью. Все они гипотетичны. Это очень хорошие гипотезы, и все же это гипотезы.

В противоположность Холмсу Хаус, что весьма любопытно, хоть и принимает свой метод за дедукцию, никогда не отрицает наличия в нем элемента догадки.

В пилотном эпизоде между Хаусом и Кадди происходит следующий диалог:

Кадди. Нельзя выписывать лекарства, основываясь на догадках. По крайней мере, мы так не делаем со времен Таскиги* и Менгеле.

Хаус. Ты сравниваешь меня с нацистом. Мило.

Кадди. Я отменяю твои назначения!

Фактически Кадди тут дважды неправа. Она неправа в том, что врачи не выписывают лекарства, основываясь на догадках, - на самом деле врачи только так и поступают. Ошибается она и когда приравнивает недостаточную обоснованность вывода к нарушению медицинской этики. Вся медицина, будь она

*В городе Таскиги, штат Алабама, с 1932 по 1972 г. проводилось клиническое исследование сифилиса на неграх-добровольцах из числа бедных арендаторов-издольщиков. Людей без их ведома использовали в качестве морских свинок. Позорная страница в истории медицины США.

Прим. пер.

этической или нет, да и вся наука, если на то пошло, в конечном счете строится на гипотезах.

Хаус знает это так же хорошо, как и то, что на самом деле Кадди беспокоит отсутствие доказательств в его методе. Но сам он принимает бездоказательность своих гипотез как неотъемлемую характеристику медицины вообще - несмотря на то что ошибочно считает свой метод дедуктивным. Пример - еще один диалог из пилотного эпизода:

Хаус. Никогда не бывает доказательств. Пять разных врачей поставят пять разных диагнозов, основываясь на одинаковых доказательствах.

Кадди. У тебя вообще нет никаких доказательств. И никто ничего не знает, так? И как это ты всегда предполагаешь, что прав?

Хаус. Я не предполагаю. Я просто нахожу сложным работать с противоположным предположением. А почему ты так боишься ошибиться?

Защищая свой чреватый ошибками метод, Хаус предстает почти полной противоположностью Холмсу, который гордо заявляет Уотсону, что его метод безупречно верен: «Тут невозможно ошибиться»⁷. У Холмса есть основания так говорить: он практически всегда оказывается прав, так что каждый новый успех только придает ему уверенности в себе, но мы видим, что на всех победах Холмса лежит легкая тень неверного понимания методологии. Хаус, однако же, не повторяет этого заблуждения Холмса. Он постоянно ошибается, но точно знает, что ошибки неизбежны и только приближают его к истине. Поэтому Холмс по крайней мере в этом отношении уступает Хаусу.

С другой стороны, Холмс, к его чести, гораздо больше времени уделяет самоанализу. Поэтому мы многое знаем о его методе, и у нас есть основания для критики, равно как и для восторга. Хаус же, к нашему вящему разочарованию, держит свои методологические карты ближе к груди. Нам хотелось бы услышать, как он описывает свой метод как-нибудь эдак: «Большинство людей,

гели ны перечислите им все факты один за другим, предскажут нам результат. Они могут мысленно сопоставить факты и сделать вывод, что должно произойти то-то. Но лишь немногие, узнав результат, способны проделать умственную работу, которая дает возможность проследить, какие же причины привели к нему. Вот эту способность я называю ретроспективными, или аналитическими, рассуждениями»⁸.

Подобные пассажи помогают нам узнать о Холмсе кое-что важное. Он может неверно трактовать понятие дедукции, отрицать собственные ошибки и недооценивать роль догадок, но его описание «ретроспективных рассуждений» звучит до странного знакомо и раскрывает суть основанного на догадках умозаключения. Мы начинаем с результата в настоящем, со следствия, и движемся назад, в прошлое, в поисках причины. Мы часто ошибаемся, поскольку множество причин могут привести к одному и тому же результату, и найти единственно верную методом дедукции невозможно. Приходится предполагать, и это предположение достигается именно описанным Холмсом способом.

Классическая версия «ретроспективного рассуждения» была разработана американским философом и родоначальником прагматизма Чарльзом Пирсом (1839-1914), который назвал ее «абдукцией»* и определил, в отличие от Холмса,

*Пирс следующим образом демонстрировал различие логических процедур:
ДЕДУКЦИЯ

Правило: Все фасолыны из этого мешочка - белые.

Случай: Эти фасолыны взяты из этого мешочка.

Результат: Эти фасолыны - белые.

ИНДУКЦИЯ

Случай: Эти фасолыны взяты из этого мешочка.

Результат: Эти фасолыны - белые.

Правило: Все фасолыны из этого мешочка - белые.

АБДУКЦИЯ

Правило: Все фасолыны из этого мешочка - белые.

Результат: Эти фасолыны - белые.

Случай: Эти фасолыны взяты из этого мешочка.

Цит. по: Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // НЛО. 1994. № 8. - *Прим. пер.*

именно как логику догадки: «Абдукция есть, в конечном счете, не что иное как построение гипотез»⁹.

Абдукция в действии выглядит так:

Наблюдается невероятный факт С.

Но если А истинно, С было бы чем-то само собой разумеющимся.

Следовательно, есть основания полагать, что А истинно¹⁰.

Процесс абдукции состоит из трех этапов: результат - причина объяснение. Первый этап сюрприз, аномалия. Аномалии топливо для медицины, или, словами Хауса, «врачи обожают аномалии» («Принятие»)¹¹. Столкнувшись с аномалией, Хаус пытается найти ее причину, руководствуясь правилом, которое представило бы эту аномалию чем-то очевидным и естественным. Занимаясь ретроспективными рассуждениями, Хаус выбирает наиболее вероятную причину (второй этап) и назначает анализы, чтобы увидеть, прав ли он. Опять же, это только догадка, предположение, и Хаус может ошибаться. Но даже если так, он, по крайней мере, получает новую информацию и, вооруженный новой гипотезой (третий этап), может переходить к новой абдукции.

С точки зрения логики абдукция - недостоверный метод, и значит нельзя с уверенностью утверждать, что вывод будет истинным, даже если истинны предпосылки. Например, мы можем начать с неожиданного результата и сформулировать отличное правило, объясняющее этот результат, но с тем же успехом можем и ошибиться. Вывод никогда не будет с неизбежностью следовать из посылок, более того выводов может быть несколько. Но абдукция и не обещает единственно правильного заключения. Все, что она дает, - это правдоподобная гипотеза, объясняющая, что могло бы быть причиной какого-то факта. Как метод исследования реальности, абдукция чуть надежнее гадания на кофейной гуще.

Хаусовские абдукции

Во многих эпизодах Хаус имеет дело с двумя медицинскими казусами: один - на амбулаторном приеме; второй, вокруг которого строится эпизод, выбран за его сложность. Эти два типа случаев соответствуют двум типам абдукции, как их определяет Умберто Эко: сверхкодированной и недокодированной*¹². Пациенты, являющиеся в клинику без предварительной записи, требуют сверхкодированных абдукций - их случаи банальны и безынтересны. Пациент еще не успел удивиться, что его кожа оранжевого цвета, а Хаус уже знает почему. И знает не только это, как выясняется из их диалога в пилотном эпизоде:

Хаус. К сожалению, у вас более серьезная проблема. У вашей жены роман.

Оранжевый пациент. Что?

Хаус. Вы, оранжевый, кретин! Ладно бы, если вы этого не заметили. Но если ваша жена не заметила, что ее муж поменял окраску, значит, ей все равно. Кстати, вы случайно не потребляете огромное количество моркови и мегадозы витаминов?

(Пациент кивает.) Морковь делает вас желтым, ниацин делает вас красным. Смешайте краски и получите результат. И найдите хорошего адвоката.

Хаус начинает с первого результата: у человека оранжевая кожа. Если человек в огромных количествах поглощает морковь и поливитамины, его кожа окрасится в оранжевый цвет. Но никто не сказал человеку, что он поменял цвет кожи, а ведь

* Гипотеза, по Умберто Эко, - это сверхкодированная (overcoded) абдукция, в которой правило выводится автоматически или полуавтоматически; в случае же недокодированной (undercoded) абдукции правило может быть выбрано из ряда равновероятных альтернатив. Детективные истории почти всегда построены на недокодированной абдукции: подозреваемых несколько, убийца один. - *Прим. пер.*

он носит обручальное кольцо. Если бы у его жены был роман, это объяснило бы отсутствие интереса к мужу, - и в дальнейшем мы узнаем, что Хаус был прав.

Но гораздо больше интереса представляют случаи, которые Хаус выбирает сам и которые требуют декодированной абдукции. После того как симптомы зафиксированы на доске, в игру вступает команда Хауса, члены которой один за другим предлагают варианты, объясняющие аномалию. Хаус записывает их, какие-то сразу же отвергаются как слишком неправдоподобные, другие - как несоответствующие какому-то из симптомов. Постепенно количество возможных диагнозов сокращается до нескольких, и их организуют в иерархическом порядке в соответствии со степенью правдоподобия и достоверности анализов. Этот цикл «абдукция - анализы - абдукция» повторяется до тех пор, пока на руках у команды не окажется верного диагноза. Хаус закрывает дело.

Однако построение последней декодированной абдукции часто бывает невероятно сложным, и для решения загадки Хаус должен полагаться на свое фантастически богатое воображение. Тут Хаус, этот современный Шерлок Холмс, использует метафоры, позволяющие увидеть проблему свежим взглядом, например в эпизоде «Аутопсия» (2/2):

Хаус. Опухоль - это Афганистан. Тромб - это Буффало. Еще объяснения нужны? О'кей. Опухоль - это Аль-Каида, большие плохие ребята с мозгами. Мы вторглись, мы удалили бяку, но одна клетка успела отделиться - маленькая группа законспирированных террористов, которые притаились в пригороде Буффало и выжидают момента, чтобы убить нас всех.

Форман. Спокойнее, спокойнее! Вы хотите сказать, что от опухоли отделился тромб до того, как мы ее удалили?

Хаус. Это была блестящая метафора. Сделайте пациенту ангиограмму мозга, пока этот тромб не надел пояс шахида.

Так работает абдукция. После удаления опухоли ее симптомы остались. Но, если до операции от опухоли успел отделиться крошечный тромб-террорист, этот тромб может вызывать те же симптомы, что объясняет аномалию¹³.

Чистая игра воображения и абдукция

Подчиненные Хауса слушают его с изумлением и недоверием. Они думают, что он безумен, - и они правы, и это тоже сближает его с Холмсом. Холмс, правда, в два раза безуменее - его разум раздвоен, как будто в нем живут два разных человека. Один из них кипит лихорадочной энергией и не знает покоя, пока не найдет все улики: «Вставайте, Уотсон, вставайте! - говорил он. - Игра началась. Ни слова. Одевайтесь, и едем»¹⁴. Второй Холмс вял, апатичен, погружен в бездеятельное созерцание, словно спит с открытыми глазами. Уотсон так описывает эти состояния: «Его удивительный характер слагался из двух начал. Мне часто приходило в голову, что его потрясающая своей точностью проницательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии»¹⁵.

Поначалу Уотсон не до конца понимает, с чем связаны странные перемены в настроении Холмса, но постепенно узнает, что такое состояние транса, более подобающее зомби, чем человеку, - первейший шаг к распутыванию любого сложного дела. Изучив улики, Холмс возвращается в свою комнату на Бейкер-стрит и, утонув в кресле, музицирует либо застывает «не произнося ни слова и почти не шевелясь. В эти дни я подмечал такое мечтательное, такое отсутствующее выражение в его глазах, что заподозрил бы его в пристрастии к наркотикам, если бы размеренность и целомудренность его образа жизни не опровергала подобных мыслей»¹⁶.

* О, наивный Уотсон! - *Прим. ред.*

(Пирс определяет это предшествующее абдукции состояние как *musement* (что с некоторой натяжкой можно перевести как «чистая игра воображения». - *Прим. пер.*). После того как все улики собраны, детектив должен отойти в сторону, закрыть глаза и расслабиться. Там, в царстве фантазий, перед его мысленным взором вспыхивают безумные картины и схемы причинно-следственных связей. Разложив все результаты и все возможные гипотезы, он разбивает их на пары и выбирает из них самые гармоничные.¹⁷⁾

Таков и Хаус - в нем тоже соединены две личности, хотя выраженные далеко не столь ярко, как у Холмса. Вот он стоит у исписанной диагнозами доски, искрит бешеной энергией, изводит Кадди, издевается над Кэмерон, Форманом и Чейзом, тычет в них своей тростью - и вдруг внезапно замолкает, удаляется в свой кабинет, расслабленно опускается в кресло и впадает в холмсовское состояние чистой игры воображения, дрейфуя в логическом беспамятстве под музыку Джона Генри Джайлса, как в эпизоде «Отказ от реанимации» (1/9). Эта сцена словно сошла со страниц «Союза рыжих»: «Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке: его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о безжалостном хитроумном Холмсе, преследователе бандитов»¹⁸.

Переходя из одной ипостаси в другую, Холмс, как известно, искал поддержки в психостимуляторах. Хаус предпочитает викодин, отчасти потому, что лекарство снимает боль и дает ему возможность сосредоточиться на деталях дела, но так же из-за его эйфоризирующего и расслабляющего действия; другими словами, викодин благоприятствует игре воображения и помогает Хаусу справляться с недокодированными абдукциями¹⁹.

Хаус против Мориарти

В одном случае, однако, Хаус попадает в тупик. Он оказывается отчужденным не только от своей команды, но даже от соб-

(Немного разума - в Хауса дважды стреляет в упор человек по фамилии Мориарти («Без причин» (2/24))²⁰. Фамилия говорящая: Мориарти - заклятый враг Холмса, который появляется в «Последнем деле Холмса» и «Долине ужаса». Настоящий гений преступного мира, профессор Джеймс Мориарти равен Холмсу по интеллекту: ...я вынужден был признать, что наконец-то встретил достойного противника»²¹. Холмс испытывает глубочайшее уважение к способностям Мориарти: «Он - Наполеон преступного мира, Уотсон. Он - организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в нашем городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них»²².

Одержав победу над сонмом лондонских преступников, Холмс оказывается в самом центре этой паутины. Ему противостоит глава всего преступного мира, и финал, в котором великий Холмс погибает от руки столь же великого Мориарти, представляется закономерным. Но эта смерть - иллюзия. В рассказе «Пустой дом» («Возвращение Шерлока Холмса») Холмс, к великому потрясению Уотсона, чудесным образом воскресает. «Холмс! - вскричал я. - Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из той ужасной пропасти?»²³

Этот цикл «убийство и возрождение» имитируется в эпизоде «Без причин», когда Мориарти стреляет в Хауса и считает, что убил его. Хаус, чуть живой, приходит в сознание на больничной койке рядом со своим убийцей, которого ранили охранники. Самоуверенный диагност, Хаус думает, что уже решил свой собственный случай - разгадал причину, по которой Мориарти в него стрелял. Но он ошибается: диагностический гений его оставил, и теперь уже Мориарти читает Хауса, словно книгу. Хаус пытается руководить своей командой, но после ранения что-то случилось с его разумом. Обычно он задает подчиненным направление, но на этот раз Хаус еще не успел подвести теоретическую базу, а они уже сделали нужные ана-

лизы. Даже Чейз, который соображает медленнее остальных членов команды, теперь слишком быстр, слишком хорош. Хаус обеспокоен, Мориарти же упивается положением, в которое поставил Хауса, и язвит: «Может, он знал ответ, потому что вопрос оказался не настолько сложным, как ты думал. Может, это не он становится умнее, а глупеешь ты».

Но даже если Хаус и поглупел, он сознает, что Мориарти знает слишком много. И что с пространственно-временным континуумом что-то не так. И, что совсем уж неожиданно, он может ходить без палки и нога у него не болит. Аномалии берут Хауса в тесный круг, позволяя ему сделать абдуктивное заключение - это галлюцинации. Нет никакого Мориарти, он у Хауса в мозгу. Чейз не стал гениальным, и нога Хауса не перестала болеть. Но результат абдукции неутешителен для Хауса - он не в состоянии вырваться из плена галлюцинаций одним усилием воли. Следует новая абдукция - круг можно разорвать, если атаковать производящий галлюцинации разум. Стремясь встряхнуть свой мозг, доведя иллюзию до абсурда, Хаус хладнокровно убивает пациента. Он использует то, что Лоренцо Маньяни* называет «манипулятивной абдукцией»: «манипулирование наблюдениями с целью получения новых данных и "агрессивное" экспериментирование»²⁴.

И здесь Хаус - наследник Холмса. Перед первой встречей с великим детективом Уотсон узнает, что тот бьет палкой трупы. Приятель Уотсона, Стэмфорд, говорит: «Если дело доходит до того, что трупы в анатомичке он колотит палкой, согласитесь, что это выглядит довольно-таки странно». Уотсон не может поверить, но Стэмфорд продолжает: «Да, чтобы проверить, могут ли синяки появиться после смерти. Я видел это своими глазами»²⁵. Аналогично, часто Хаус назначает пациенту коктейль из препаратов или непомерные нагрузки для того, чтобы выявить новые симптомы.

* Лоренцо Маньяни (р. 1952) - итальянский философ, занимающийся логикой, философией и проблемами искусственного интеллекта. Преподает логику и эпистемологию в университете Павии. - *Прим. пер.*

Теперь же он должен опробовать эту методику на себе: манипулировать собственным сознанием, чтобы получить новые данные. Это срабатывает - Хаус приходит в себя на каталке, сто везут в отделение неотложной помощи. Прошло всего несколько минут после выстрелов, но к этому моменту Хаус пришел к трем абдуктивным заключениям: у него галлюцинации; он может прекратить эти галлюцинации, нарушив клятву Гиппократова; от боли в ноге можно избавиться. Галлюцинируя, он просматривал свою медицинскую карту и обнаружил, что ему назначали кетамин. Кадди, от которой Хаус потребовал объяснений, сказала: «В Германии есть клиника. Там лечат хронические боли, индуцируя состояния комы. Происходит, по сути, перезагрузка мозга». Это объясняет, почему нога больше не болит (но не объясняет внезапное восстановление удаленной мышцы). Хаус понимает, что разговаривал не с Кадди и не с Мориарти - он разговаривал с собой и, даже в бессознательном состоянии, пришел к абдуктивному заключению. Едва вернувшись в сознание, он успевает выговорить только: «Передайте Кадди, что мне нужен кетамин».

Элементарнее моя дорогая Кэмерон

Определенно, самая знаменитая фраза Шерлока Холмса - это «Элементарно, мой дорогой Уотсон!». Все ее знают. Но есть небольшая загвоздка: Холмс никогда не произносил таких слов*. Впрочем, он вполне мог так сказать, учитывая его привычку регулярно оскорблять своего тугодума-адъютанта. Точно так же и Хаус обращается со своей командой. Хуже всех приходится, по-

* Фраза «Элементарно, мой дорогой Ватсон/Уотсон!» не встречается ни в одной из книг Конан Дойля. Ее широкому распространению мы обязаны фильмам о Шерлоке Холмсе и Вудхаусу, впервые использовавшему ее в романе «Псмит-журналист», напечатанном в 1915 году. Холмс говорил «Элементарно» в рассказе «Горбун», «Это лежало на поверхности, мой дорогой Уотсон, я вас уверяю» в «Картонной коробке» и в трех рассказах повторяет: «Вот именно, мой дорогой Уотсон!». - *Прим. пер.*

жалуй, Кэмерон, которая его любит. Однажды они ужинают в ресторане, и у Кэмерон развязывается язык. Это так просто, думает она, они могут быть вместе, надо только, чтобы он постарался. В конце концов, она точно знает, что интересна ему. Но для Хауса очевидно, что они не могут быть вместе. И вместо того, чтобы поддержать романтическую беседу, Хаус-ищейка ставит девушке диагноз, бессердечный и прямой, как будто Кэмерон лежит на больничной койке, а не сидит перед ним, сногшибательно разодетая для ужина при свечах: она ущербна и влюбляется в ущербных мужчин, она относится к ним, как к проектам, с которыми нужно работать. Теперь вот она выбрала его.

Слушая диагноз Хауса, Кэмерон понимает, что он прав. Но чего она не знает, и чего, видимо, не знает и Хаус - почему он ущербен. Это не отсутствие любви, и не боль в ноге, и даже не наркотическая зависимость - это симптомы, а не причины, и, кроме того, Хаус был тем же Хаусом до того, как пережил инфаркт мышцы бедра. Его болезнь носит логический, точнее говоря, силлогический, а еще точнее - абдуктивный характер и является прогрессирующей и дегенеративной. Чем гениальней становится Хаус, тем сквернее его психическое состояние. Абдукции ускоряются, восприятие становится острее. Сверхкодированная абдукция сменяется недокодированной, эту сменяют две сразу, и снова, и снова, словно белка в колесе, весь день напролет: умозаключения о членах команды и их проблемах, о Кадди, крысе, типе в парке, о чем угодно и ком угодно, о Боге и человеческом существовании. Он не может остановиться, и, сколько ни глотай виколина, таблетки не избавят Хауса от его великих даров. Подлинная трагедия Хауса - это абдукции, неистовствующие в мозгу безумного гения, который, как все безумные гении, обречен на саморазрушение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Конан Дойл А. Знак четырех / Пер. М. Литвиновой.
2. Christopher Morley, "In Memoriam," in *The Complete Sherlock Holmes*,

H; and Thomas Sebeok and Jean Umiker-Sebeok, "You Know My Method": A Juxtaposition of Charles S. Peirce and Sherlock Holmes", in *The Sign of Three: Dupin, Holmes, Peirce*, ed. Umberto Eco and Thomas Sebeok. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1983.-(Морли К. In Memoriam // Полная Шерлокиана, и Сибок Т., Умикер-Сибок Дж. Вы знаете мой метод: сравнение Чарльза Пирса и Шерлока Холмса // Знак трех: Дюпен, Холмс, Пирс / Под ред. Умберто Эко и Томаса Сибоба.)

3. Конан Дойл А. Этюд в багровых тонах / Пер. Н. Трениной.

4. Стоит заметить, что познания Холмса в химии «глубокие», как у врача, в то время как в области анатомии они «точные, но бессистемны» («Этюд в багровых тонах»).

5. Еще одна любопытная параллель - использование трости. Хаус вынужден ходить с тростью, Холмс пользуется тростью, но редко. В «Пестрой ленте» Уотсон говорит: «Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру». Ср. в «Союзе рыжих»: «Свет блеснул на стволе револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул своего пленника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол». Упомянутый в переводе охотничий хлыст есть род трости.

6. Eco and Sebeok, eds., *The Sign of Three*; see especially Sebeok and Jean Umiker-Sebeok, "You Know My Method": A Juxtaposition of Charles S. Peirce and Sherlock Holmes" (Эко У. и Сибок «Знак трех», в частности, Сибок Т. и Умикер-Сибок Дж. «Вы знаете мой метод: сравнение Чарльза Пирса и Шерлока Холмса».)

7-8. Конан Дойл А. Этюд в багровых тонах / Пер. Н. Трениной.

9. Charles S. Peirce, "On the Logic of Drawing History from Ancient Documents", in *The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings*, vol. 2 (1893-1913), ed. the Peirce Edition Project. (Bloomington: Indiana Univ. Press, 1998.) Пирс Ч. О логике извлечения исторического знания из античных источников // Основные труды Чарльза Пирса: избранные философские произведения.)

10. Peirce, "Pragmatism as the Logic of Abduction", in *The Essential Peirce*, vol. 2. (Пирс Ч. Прагматизм как логика абдукции // Основные труды Чарльза Пирса. Т. 2.)

11. Часто в медицинской практике, и особенно в той, что мы видим в сериале «Доктор Хаус», такие аномалии представляют собой результаты случайных стечений обстоятельств.

12. Eco and Sebeok, eds. *The Sign of Three*. (Эко и Сибок. Знак трех.)

13. Исполнительный продюсер Дэвид Шор в своих комментариях к эпизоду «Аутопсия» также отмечает значение использования Хаусом метафор: «Эти метафоры - что-то вроде ключевых моментов сериала». Я очень признателен Биллу Ирвину за обсуждение роли использования метафор Хаусом.

14. Конан Дойл А. Убийство в Эбби-Грейндж / Пер. Л. Борового.
15. Конан Дойл А. Союз рыжих / Пер. М. и Н. Чуковских.
16. Конан Дойл А. Этюд в багровых тонах / Пер. Н. Трениной.
17. Пирс пишет, что на стадии чистой игры воображения «...проблемы, что при первом взгляде казались в высшей степени неразрешимыми, с легкостью, как заметил Эдгар По в "Убийстве на улице Морг", разрешаются». ("A Neglected Argument for the Reality of God", in *The Essential Peirce*, vol. 2 (Пирс Ч. Отвергнутый довод в пользу реальности Бога // Основные труды Чарльза Пирса. Т. 2.) Заметьте, что литературным прообразом Шерлока Холмса послужил Огюст Дюпен из рассказов Эдгара По, тоже полагавшийся при расследованиях на чистую игру воображения.
18. Конан Дойл А. Союз рыжих / Пер. М. и Н. Чуковских. Хаус играет на пианино («Метод Сократа», «Куда ни кинь»), как Холмс - на скрипке, чтобы войти в необходимое для игры воображения состояние.
19. Хаус также держит дома шприц для морфина.
20. Дэвид Шор объясняет имя и роль Мориарти в комментарии к эпизоду «Без причин» на DVD.
- 21-23. Конан Дойл А. Последнее дело Холмса / Пер. Д. Лифшица.
24. Lorenzo Magnani, *Abduction, Reason, and Science: Processes of Discovery and Explanation*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001. (Маньяни Л. Абдукция, интеллект и наука.: процессы открытия и объяснения.)
25. Конан Дойл А. Этюд в багровых тонах / Пер. Н. Трениной.

ЭТО ВСЕ ОБЪЯСНЯЕТ!

Барбара Сток

Некоторые вещи происходят сами по себе, беспричинно, не так ли? Грегори Хаус так не считает. Этот неприветливый доктор придерживается точки зрения, которую философы называют «принципом достаточного основания» (ПДО для краткости): для каждого события есть рациональное объяснение. Мы можем его не знать, но оно точно есть. Порой, однако, нельзя ограничиться предположением о том, что объяснение существует - нужно его найти. Хаус в большинстве случаев применяет стандартные научные методы: выдвигает гипотезы, которые объясняют симптомы пациента («это волчанка», «это васкулит»), затем назначает анализы, чтобы узнать, какая из гипотез верна. К сожалению, анализы часто не дают однозначных результатов. В таких случаях для постановки диагноза Хаус использует более спорные критерии.

Принцип достаточного основания

Немецкий философ XVII века Готфрид Вильгельм Лейбниц писал: «Ничего не делается без достаточного основания, т. е. не происходит ничего такого, для чего нельзя было бы при полном познании вещей указать основания, достаточного для

определения, почему это происходит так, а не иначе <*...-> хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны»¹. Принцип достаточного основания категорически отвергает возможность случайных или необъяснимых событий: даже если причина какого-то события нам не известна, она есть. Рассмотрим диалог в эпизоде «Куда ни кинь»:

Уилсон. Я хочу, чтобы ты признал, что иногда пациенты умирают безо всякой причины. Иногда они выздоравливают безо всякой причины.

Хаус. Нет, так не бывает. Мы просто не знаем причины.

Хаус подтверждает свою приверженность ПДО не только на словах. Его в принципе не удовлетворяют частичные ответы или теории, которые объясняют лишь часть симптомов. Он убежден, что где-то есть простой ответ, и твердо намерен его найти, независимо от того, понадобится ли для этого перевернуть вверх дном всю больницу в поисках разносчика инфекции («Материнство» (1/4)) или распотрошить весь аптечный киоск в поисках таблеток, которые можно спутать с таблетками от кашля («Бритва Оккама»). И, разумеется, он терпеть не может заболевания, которые другие доктора называют «идиопатическими»*: «Идиопатический в переводе с латыни значит «мы идиоты», потому что не можем понять, что вызвало болезнь» («Образец для подражания» (1/17)).

Но какие причины следует признать достаточными? Когда люди многозначительно говорят: «На все есть причина» или «Просто так ничего не случается», они часто имеют в виду причины сверхъестественного характера. Например, когда сестра Августина в эпизоде «Куда ни кинь» говорит: «Если я сломаю ногу, я знаю, что на то была причина», она подразумевает Божью волю. Те, кто верит в удьбу или карму, могут видеть при-

* Идиопатический (*греч.* *idiopatheia*, от *idios*, «собственный», и *pathos*, «страдание») - «неизвестного происхождения». Термин используется по отношению к заболеванию или состоянию человека, которое вызвано неустановленной причиной или возникло самопроизвольно. - *Прим. пер.*

И Илу в них. Хаус согласится с тем, что у перелома была причина, но предложит медицинское объяснение, например остеопороз, который вызывает хрупкость костей. Очевидно, что для Хауса ПДО не означает веру в сверхъестественные объяснения или высший смысл. Всегда есть причина... и при этом научно-доказуемая.

По всей видимости, принцип достаточного основания особенно справедлив для повседневной жизни. В эпизоде «Совершенно секретно» (3/16) Хаусу вручают историю болезни морского пехотинца, который приснился ему незадолго до этого. Представьте, что вместо того, чтобы обсуждать отношения Хауса с отцом и сценические костюмы группы Village People, Уилсон сказал бы: «Забудь, это просто совпадение!» Ни Хауса, ни зрителей это бы не удовлетворило. Должно быть какое-то объяснение этому странному совпадению. У любого события есть причины. Падение подброшенной монетки орлом вверх может показаться случайностью. Но если бы кто-то знал все факты (точное положение монеты перед тем, как ее подбросили, силу, с которой большой палец придал ей вращение, силу и направление воздушных потоков и так далее), это могло бы объяснить, почему монета упала именно так. Представим, что в одной комнате с больным находятся три человека. Один заразился, двое - нет. На первый взгляд может показаться, что это вопрос везения, но если бы мы могли увидеть ситуацию на молекулярном уровне (эту возможность нам часто предоставляют создатели сериала), то убедились бы, что пути инфицирования подчиняются законам физики.

Самый серьезный аргумент против ПДО дает рассмотрение событий на еще более глубоком уровне. После школы все, что мы помним из квантовой физики, сводится к утверждению, что на субатомном уровне причинно-следственная связь носит индетерминистический характер, то есть события прошлого создают лишь некоторую вероятность события в будущем. Например, вероятность того, что радиоактивное соединение за определенный период времени испустит субатомную частицу, составляет 50%. Допустим, так и произошло. А почему? Нет от-

вета. Да, испустило в такое-то время, но с тем же успехом могло и не испустить. Следовательно, ПДО не работает. Второй аргумент заключается в том, что, даже если ПДО работает, у нас нет способа это доказать. Вероятно, человек может знать, что в пределах его собственного опыта любому событию находилось объяснение, но это не доказывает, что никогда ничего не случилось без причины.

Альберт Эйнштейн никогда не принимал индетерминистическую интерпретацию квантовой физики, что и выразил во фразе «Бог не играет в кости со Вселенной», ставшей афоризмом. Так что, если и Хаус не принимает такие аргументы, значит, он в хорошей компании. Но, пока пациентом не окажется Стивен Хокинг*, хромым диагност не должен переживать о доказательствах истинности ПДО. Вместо этого он может оправдывать использование ПДО в своей работе его прагматической ценностью. Вспомним обмен репликами из эпизода «Отказ от реанимации», когда пациент вновь стал чувствовать свои ноги, до этого парализованные:

Хаус. Теперь он чувствует свою ногу до самой икры. Вот так и развивалась медицина. Пациентам иногда становится лучше. Ты не знаешь почему, но, пока не дашь обоснование, они тебе не заплатят. Сейчас случайно не полнолуние?

Кэмерон. Вы говорите, что ему просто внезапно стало лучше?

Хаус. Нет, я говорю - давайте исключим лунного бога и продолжим дальше.

Медицину как науку двигают вперед врачи, предполагающие, что выздоровление больных имеет под собой причины. Если, заметив, что состояние пациента улучшилось, команда

"Стивен Хокинг (р. 1942) — один из наиболее влиятельных физиков-теоретиков нашего времени, автор таких научно-популярных бестселлеров, как «Краткая история времени», «Черные дыры и молодые вселенные», «Кратчайшая теория времени», «Теория всего» и др. В результате болезни прикован к инвалидному креслу. - *Прим. пер.*

скажет: «Прекрасно! Он поправляется. Не будем вмешиваться, пойдете домой», знаний не прибавится. Если же искать объяснение этого улучшения, можно продвинуть медицину вперед.

Еще один довод в пользу того, что Хаус использует ПДО, дает современный философ Питер ван Инваген, который предлагает следующий тест для выявления событий, нуждающихся в объяснении. Предположим, что есть некий факт, объяснения которому нет; предположим, что некто может придумать ему объяснение, которое (окажись оно верным) было бы крайне правдоподобным; тогда неверным будет утверждать, что данный факт заслуживает объяснения не больше, чем тот, для которого объяснения нет².

Проще говоря, если вы можете что-то убедительно объяснить, утверждать, что в объяснении нет нужды, непродуктивно. Заметьте, что из того, что интерпретация существует, еще не следует ее истинность. Хотя критерий ван Инвагена не гарантирует, что все события могут быть объяснены, он подтверждает предположение Хауса, что все события, которые он изучает (симптомы), требуют интерпретации, при условии что он в состоянии найти их возможные причины.

В поисках верного объяснения

Предположим вслед за Хаусом, что симптомы в различных сочетаниях не возникают просто так, и этому всегда есть причина, или объяснение. Как определить, какое из объяснений верное? Прежде всего Хаус требует поставить дифференциальный диагноз и устраивает мозговой штурм. Варианты, пережившие первый этап обсуждения (обычно состоящий в том, что Хаус безжалостно критикует версии коллег), становятся гипотезами. Гипотезы порождают прогнозы («если это инфекция, количество лейкоцитов увеличится»), прогнозы проверяются либо диагностическими процедурами, либо назначением лечения и изучением реакции пациента. Затем гипотезы отвергаются

либо корректируются, и так до тех пор, пока команда не придет к правильному ответу.

Допустим, дифференциальный диагноз привел к сотням возможных объяснений и команда Хауса не может проверить все. Такое может случиться, если все имеющиеся симптомы неспецифические, как, например, вопли мальчика-аутиста в эпизоде «Линии на песке» (3/4). Или, как это часто происходит, когда анализы требуют слишком много времени, не позволяют сделать окончательный вывод или врачебное вмешательство, способное подтвердить диагноз, окажется смертельным, если предположение неверно. И так далее. При любом из этих сценариев Хаус и его команда остаются с несколькими возможными гипотезами, каждая из которых в теории подтверждается симптомами. Какими факторами можно воспользоваться, чтобы выбрать одну из них? Хаус использует три критерия.

Простота

В честь этого критерия даже назван один эпизод, «Бритва Оккама». В изложении Формана принцип бритвы Оккама звучит следующим образом: «Самые простые объяснения всегда самые лучшие». Хаус, разумеется, придирается к такой неточной формулировке: сказать, что младенцев приносит аист, гораздо проще, чем объяснять сложный процесс биологической репродукции, но из этого не следует, что гипотеза с аистом лучше. Впрочем, принцип бритвы Оккама этого и не утверждает. Средневековый философ Оккам писал: «То, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего» или, как чаще цитируют: «Сущности не следует умножать без необходимости». Другими словами, не предполагайте больше, чем нужно для объяснения явления. Таким образом, бритву Оккама нужно применять только после того, как доказано, что другие гипотезы объясняют ситуацию не менее убедительно. Постулирование доставки младенцев аиста-

ми паршивое объяснение, поскольку оно на самом деле не объясняет ничего. Где аисты берут детей? Почему в одни дома аисты прилетают, а в другие - нет? Почему никто никогда не находил птичьих перьев рядом с младенцами? Биологическая репродукция, с другой стороны, при всей своей сложности не противоречит наблюдениям и позволяет делать прогнозы, которые подтверждаются экспериментально.

Итак, бритва Оккама гласит, что, если у вас есть две или более теории, каждая из которых соотносится с наличными данными и позволяет делать в равной степени реалистичные прогнозы, следует предпочесть более простую. Что естественным образом ведет к двум вопросам: (1) что есть «простота» и (2) почему мы должны верить, что, при прочих равных, простота лучше? Хаус задается первым вопросом в эпизоде «Бритва Оккама», когда Форман и Кэмерон утверждают, что одно заболевание - более простое объяснение, чем два независимых: «Почему один проще, чем два? Занимает меньше места? <...> У каждого из этих заболеваний вероятность - один на тысячу, а это значит, что вероятность того, что два из них возникнут одновременно - один на миллион. Чейз говорит, что вирусный миокардит - это один случай на десять миллионов, поэтому моя идея в десять раз лучше, чем ваша».

Здесь Хаус справедливо утверждает, что простота это еще не все, нужно рассматривать и вероятность каждого события. Но его первые слова относятся к более абстрактному и трудному вопросу: что делает одно объяснение более простым, чем другое? Рассмотрим ситуацию с морпехом.

Гипотеза А: Хаусу приснился некий абстрактный морской пехотинец, и сознание Хауса задним числом пририсовало лицо пациента персонажу из сновидения.

Гипотеза Б: Хаус видел пациента раньше, но забыл об этом, и примерно в то же время, когда пациента принимали в больницу, что-то вызвало воспоминание о морпехе, всплывшее в форме сновидения.

Гипотеза В: Хаус - экстрасенс.

Как оценивать эти гипотезы с точки зрения простоты? На интуитивном уровне гипотеза А кажется более простой, чем гипотеза Б. Обе требуют допущений о природе памяти, но гипотеза А не зависит от стечения столь многих обстоятельств. А как насчет второй гипотезы? Определенно, она самая простая - два слова. Но эта интерпретация вводит целый пласт понятий, о которых мы знаем крайне мало, и противоречит привычному пониманию процесса познания. По крайней мере, из этого примера следует, что простота не определяется только лишь количеством вещей или фрагментов, необходимых для объяснения, но включает и оценку сделанных допущений. Таким образом, хотя мы часто можем безошибочно отличить более простое объяснение от менее простого, само определение простоты простым не назовешь.

Это приводит нас ко второму вопросу: почему мы должны верить, что чем проще тем лучше? Простую теорию легче понять, но зачем предполагать, что истину понять будет легче? Хорошо, попробуем зайти с другой стороны. Громогким, трудным для понимания теориям легче спрятать свои изъяны и слабые места, тогда как недостатки простой теории все на виду. Следовательно, в случае с простой теорией тот факт, что мы не находим в ней серьезных ошибок, убедительнее свидетельствует об истинности теории, чем в случае сложной теории.

Кроме того, защитники теорий часто усложняют их, добавляя новые элементы в отчаянной попытке спрятаться от неудобных фактов. Классический пример - спор об устройстве Солнечной системы. Древняя теория, в числе сторонников которой был и Аристотель, утверждала, что Солнце и планеты вращаются вокруг Земли. К сожалению, эта модель не могла объяснить попятные движения планет, и тогда защитники геоцентрической модели добавили в нее «эпициклы», орбиты, центр которых движется по другим орбитам, что привело к исключительно сложной картине мира. Напротив, гелиоцентрическая теория успешно избавилась от этих сложностей простым утверждением, что планеты, включая

ЛсмлЮу движутся по эллиптическим орбитам вокруг Солнца. И этом случае сложность являлась признаком того, что теория хромает.

Изящество и другие эстетические критерии

В конце эпизода «Бритва Оккама», когда кажется, что предложенный Хаусом диагноз не находит подтверждения, Хаус сокрушается:

Хаус. А было так идеально. Было так прекрасно.

Уилсон. Красота часто соблазняет нас на дороге к правде.

Хаус. А банальность бьет нас по яйцам.

Уилсон. Как это верно.

Хаус. Это тебя не беспокоит?

Уилсон. Что ты был неправ? Я попытаюсь это пережить.

Хаус. Я не был неправ. Все, что-я сказал, было правдой. Все подошло. Это было элегантно.

Уилсон. Значит... реальность была неправильной.

Хаус (*глота*я *викодин*). Реальность почти всегда неправильна.

Здесь, как и в других эпизодах, Хаус демонстрирует эстетический подход к оценке некоторых гипотез - он испытывает почти физическую боль, когда красивое объяснение падает жертвой уродливых фактов. Когда диагност восклицает: «Подходит! Это все объясняет!», он не просто утверждает, что гипотеза соответствует фактам, - он ловит кайф. В предыдущем диалоге речь шла об элегантности гипотезы с колхицином. У пациента длинейший список симптомов. Ни одно из заболеваний не может их все объяснить, но, говорит Хаус, предположим, что все началось с одного проявления болезни - кашля, от которого пациент по ошибке принимал препарат, подавляющий деление клеток. Это привело бы к появлению всех наблюдаемых симптомов, и именно в том порядке, в каком они

появились, в соответствии с разной скоростью деления клеток в разных органах. Хаус предлагает простую последовательность событий, которая вносит порядок в хаотическую мешанину фактов, и в очередной раз подтверждает такие хаусовские аксиомы, как «Мы назначаем сильнодействующие препараты при простых заболеваниях» и «Все облажались». Он прав - это красивое, изящное объяснение.

Изящество включает простоту, но не ограничивается ею. Изящество = простота + сила + красота + стиль.

Есть ли место эстетическим соображениям в науке или они, как считает Уилсон, только уводят исследователя в сторону? Трудно сказать, но многие выдающиеся ученые стремятся к изяществу решений. Нобелевский лауреат по физике Леон Ледерман как-то заметил: «Я мечтаю дожить до того дня, когда всю физику сведут к формуле столь изящной и простой, что она уместится на футболке»³. Склонность к изящным формулировкам и ее роль в развитии современной теоретической физики являются сегодня предметом не одной дискуссии⁴. Но вряд ли можно объяснить простым совпадением то, что величайшие прорывы в нашем мировоззрении, например кеплеровские законы движения планет или теория относительности Эйнштейна, одновременно являются и триумфом изящества.

Теперь рассмотрим вкратце еще одну характеристику гипотез, которая по духу Хаусу, оригинальность. Сам он это формулирует так: «Обожаю странное» («Детки» (1/19)). Хаус дает убедительное объяснение своей любви к странным симптомам: «Странно - это хорошо. У обычного - сотни объяснений, у странного - практически нет» («Туберкулез или не туберкулез» (2/4)). Это значит, что необычные симптомы соответствуют гораздо меньшему числу заболеваний, чем обычные. Легче понять, что случилось с пациентом, который окрасился в оранжевый цвет, чем с пациентом, который жалуется на быструю утомляемость. Хаус может привести много доказательств того, что в его практике оригинальные объяснения (диагнозы) имеют больше шансов на подтверждение,

чем заурядные, хотя бы потому, что «если бы это была лошадь, добрый семейный врач в Трентоне уже бы произвел очевидный диагноз и этот случай никогда бы до нас не дошел» (пилотный эпизод). Учитывая, что Хаус старается заниматься только пациентами, на которых поставило крест уже целое созвездие врачей, вероятность необычного диагноза крайне высока. Обычно это допущение срabатывает, хотя в эпизоде «Воспитание щенков» привело к смерти пациентки, потому что ее симптомы были вызваны обычной стафилококковой инфекцией.

И, как следствие своей любви к оригинальности, Хаус предпочитает диагнозы, которые... скажем так, забавны: «Значит, воздух не дает ему дышать воздухом. Давайте примем эту версию из-за ее парадоксальности» («Крутой поворот» (2/6)). Забавные объяснения более правдоподобны, чем скучные, потому что у Бога есть своеобразное чувство юмора. Других объяснений я не вижу. В любом случае это определенно идет сериалам на пользу!

Происхождение

И, наконец, происхождение гипотезы. На самом деле это такой хитрый способ сказать, что Хаус предпочитает собственные гипотезы чужим. Стараясь отвлечь внимание команды от своих проблем с Триттером, Хаус беспечно описывает свой подход:

Кэмерон. Что вы собираетесь делать?

Хаус. Я думал выслушать ваши теории, высмеять их и выбрать свою. Как всегда.

Хаус очень доволен, когда оказывается, что он был прав, а кто-то ошибался, а если при этом он еще и выиграл спор, то бывает счастлив как ребенок. Между тем самолюбие, влияющее на оценку гипотез в такой степени, что собственное

объяснение априори предпочитается чужому, может стать серьезным недостатком для диагноста. Но я не думаю, что Хаус угодит в эту ловушку. Разумеется, он хочет быть прав. А кто не хочет? Хаус мог бы сказать, что он всего лишь честнее, чем те, кто считают скромность достоинством. Он всю использует свою правоту как предпосылку, пока не получит доказательств обратного. Поскольку диагност с легкостью переключается на новую теорию при обнаружившейся несостоятельности старой, постоянное предпочтение им собственных гипотез всем альтернативам вполне безобидно. Более того - может, и в самом деле есть смысл предпочитать диагноз только потому, что его поставил Хаус. В конце концов, он «почти всегда в итоге прав» («Без причин»). Как говорит герой другого сериала, Фокс Малдер: «Скалли, сколько раз за шесть лет я ошибался? Я серьезно - смотри, каждый раз, когда я приношу тебе новое дело, мы исполняем этот обязательный танец. Ты говоришь, что у меня нет научных доказательств, что я псих, но кто в конце оказывается, что я прав, прав в 98,9% случаев? Я думаю, что заслужил кредит доверия»⁵.

Огромная головоломка

Вселенная, по Хаусу, - это огромная головоломка. Порой ответы спрятаны, но они есть всегда. Как говорит Хаус в эпизоде «Недоумок», «если что-то непонятно, это еще не значит, что оно необъяснимо». Хаус убежден, что причины заболеваний пациентов всегда можно найти, и при их поиске использует как стандартные научные методы, так и незаурядный творческий подход. Применяя в оценке гипотез такие критерии, как простота, изящество, оригинальность и происхождение, он поднимает интересные философские вопросы: «Что есть простота гипотезы?» и «Должны ли эстетические составляющие, например изящество, влиять на оценку истинности объяснения?». Ответы на эти вопросы найти трудно, но Хауса они и не интересуют - он их задал, забыл и уже подбирает другие кусочки головоломки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме; см. также Лейбниц Г.В. Монадологии / Сочинения в 4-х тт. М.: Мысль, 1982. Т. 1.
2. Peter van Inwagen, *Metaphysics*. Boulder, CO: Westview Press, 1993. (Инваген ван П. Метафизика.)
3. Leon Lederman, *The God Particle: If the Universe Is the Answer, What Is the Question?* New York: Dell Publishing, 1994. (Ледерман Л. Частица Бога: Если Вселенная - это ответ, то каков тогда вопрос?)
4. См. Jim Holt, "Unstrung: In String Theory, Beauty Is Truth, Truth Beauty. Is That Really All We Need to Know?" *New Yorker*, Oct. 2, 2006. (Холт Дж. Расстроенные струны: В теории струн красота - это истина, истина - это красота. И это все, что нам нужно знать?)
5. Командировка / Реж. К. Картер // Секретные материалы. 1999.

ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНИ: САТОРИ ГРУБОГО ДОКТОРА

Джеффри Рафф и Джереми Бэррис

Если вы достигли понимания, вещи таковы, каковы они есть. Если вы не достигли понимания, вещи таковы, каковы они есть.

Дзенская пословица

Хаус, дзен и создание смысла

«Приемли тревоги и тяготы жизни» так сказал один древний мудрец. Не надейся, что на твоей дороге к дзен не будет препятствий. Без преград разум, что ищет Просветления, может сгореть дотла. Как сказал однажды древний мудрец, «до стигни освобождения в смуте».

читель Кён Хо (1849-1912)¹

Слова и дела Хауса ломают все шаблоны. Он груб, плевать хотел на медицинскую этику и ведет себя самым безответственным образом. Он говорит вещи непрофессиональные, резкие и порой безумные. Он нарушает врачебную тайну, игнорирует

Власть больного, утаивает от него важную информацию и не держит слова. Парадоксальным образом в результате этих безнравственных поступков пациенты и коллеги Хауса осознают свои подлинные проблемы, вспоминают об обязательствах или обнаруживают новые пути к их выполнению.

Хотя мы и не знаем достоверно, изучали ли грубый доктор и сценаристы, снабжающие его* великолепными «хаусизмами», восточную философию или нет, следует отметить, что риторика* Хауса соответствует определенным формам выражения мысли в дзен-буддизме, например коанам - дзенским загадкам типа «Как звучит хлопок одной ладони?». Ответа на такой вопрос может и не быть, но размышление над ним расширяет пределы разума, приводя размышляющего к озарению. Как и дзенская традиция коанов, риторика Хауса работает, разрушая представления его слушателей (и, что столь же важно, его собственные) о том, что имеет смысл, а что - нет, так что в результате возникают новые возможности и находятся неожиданные решения.

Хаус не устает повторять, что все врут (в третьем сезоне он договаривается до заявления «Даже зародыши врут»). Он отстаивает это убеждение независимо от того, порождена ложь глупостью или застенчивостью, невежеством или страхом.

Например, в эпизоде «Не будите спящую собаку» (2/18) лесбиянка Ханна собирается уйти от своей подруги Макс, но скрывает от нее свои намерения из страха, что теперь Макс не захочет отдать ей часть печени для пересадки. В конце мы узнаем, что скрытым мотивом согласия на донорство догадававшейся обо всем Макс была надежда, что теперь-то уж Ханна ее не бросит.

В эпизоде «Проклятый» (1/13) Джеффри провел два года в индийском ашраме (где, сам того не зная, подхватил тропическую болезнь), но скрывает это от врачей, потому что стесняется этого периода своей жизни. Такие ситуации наводят на мысль, что хаусовское «Все врут» на самом деле значит «Люди

* Здесь и далее под «риторикой» мы понимаем искусство убеждения, искусство влиять на образ мыслей слушателей. - *Прим. пер.*

не знают, как себя вести в той или иной ситуации» или «Часто пациенты и доктора спешат принять решение, когда еще толком не знают обстоятельств дела, и поэтому не могут отделить главное от второстепенного».

В сложных медицинских случаях отправной пункт для Хауса: никто (даже он сам) не знает или не понимает, что происходит. (Правда, часто он утверждает обратное, но при этом высмеивает тех, кто безоговорочно верит его диагнозам.) Еще хуже, когда врачи не представляют даже, с какой стороны подступиться к делу. Или же каждый, включая Хауса, пытается посмотреть с привычных - и потому, скорее всего, субъективных позиций, поэтому все безумно далеки от понимания истинного смысла происходящего. Значит, они не могут начать подлинное исследование ситуации - производство смысла*, не вырвавшись из плена привычных способов его поиска.

Согласно дзен-буддизму, незнание подходов к проблеме, которую нужно решить, - фундаментальная характеристика повседневного состояния человека. Чтобы разобраться, нужно понимать вещи, которые с нами происходят, и быть в состоянии контролировать их. Однако мы не можем осмыслить жизнь в целом - для этого понадобилось бы выйти за ее пределы и увидеть ее со стороны, а это, очевидно, невозможно. Значит, мышление - это часть нашей жизни. То есть сама идея ее осмысления лишена смысла.

Разум не может охватить сам себя, поэтому дзенская традиция советует идти вперед и вообще выйти за его пределы. Единственная позиция, которая позволит нам взглянуть на жизнь со стороны, лежит за гранью разума и смысла.

Как было сказано выше, ситуации, с которыми Хаус имеет дело, уже непонятны, то есть не имеют очевидного смысла. Поэтому, чтобы узнать суть происходящего, нам нужно найти абсолютно новый способ извлечения смысла, и для этого в первую очередь требуется отбросить старые.

Английское *make sense*, «понимать», буквально переводится как «создавать смысл». О производстве смысла писал, в частности, Бодрийяр. - *Прим. ред.*

Только персетава думать и действовать «здроаво», «подобаво» и «уместно», мы сможем увидеть смысл и действовать целесообразно².

Теперь понятно, что лишь грубость, агрессия и манипуляторство Хауса помогают преодолеть бессмысленность и справиться с ложью, неразберихой и всеобщим хаосом, скрывающими истинные обстоятельства. Его раздражающее поведение в конечном счете позволяет всем понять, что «все не то, чем кажется» и «логические предположения и допущения бесполезны, когда подлинный смысл отсутствует».

Способ этичного поведения

Чтобы сформировалось <...> чистое, непредубежденное суждение, важно отказаться или быть готовым отказаться от всех своих представлений, в том числе об учении и собственных познаниях... Тогда вы сможете отличить добро от зла.

Учитель Сюнрю Судзуки (1904-1971)³

В эпизоде «Отказ от реанимации» Форман ничего не делает для больного музыканта, потому что музыкант отказался от лечения (он думает, что умирает от бокового амиотрофического склероза, или болезни Лу Герига). На протяжении всего эпизода Форман твердит, что Хаус, поддерживая жизнь пациента наперекор его желанию, не видит разницы между добром и злом. В этом (как, впрочем, и в других эпизодах) он критикует Хауса за то, что тот не предпринимает действий, которые другие считают правильными, социально приемлемыми и законными. «Если ничего не делать, неважно, кто из нас прав», - отвечает Хаус. Сам музыкант, обсуждая с Форманом, кто прав, Хаус или его лечащий врач, говорит: «Надо выбрать одно, сынок». Переломить подобную ситуацию человек может только действуя, даже если он не знает, что делает. Бездействовать - значит никогда не узнать, что нужно

было делать, и признать свое поражение. Диалог Хауса и Формана убеждает: для того чтобы ответить на вопрос «что правильно?», необязательно понимать, «что правильно». И уж тем более к ответу на этот вопрос нас не приближают рассуждения. Порой «правильно» - означает просто что-то делать. Более того, ответ обнаруживается только посредством действия и распознается только как его результат. Поэтому то, что человек полагает уместным или неуместным, значит меньше, чем то, что он делает. Хаус всегда активен, не следует за ситуацией, а действует на опережение. Он не подчиняется закону, ожиданиям окружающих, приличиям и формальной логике.

Однако не стоит утрировать: это не значит, что следует всегда действовать или принимать решения наобум. Правильным будет сказать, что иногда бывают такие ситуации, в которых нам нужно действовать на свой страх и риск.

Хаусу постоянно приходится иметь дело с ситуациями, в которых никто не может увидеть суть проблемы и предположить результат. Поэтому самым правильным будет разрушить видимый смысл, открыв истинный. Фактически в результате большинства хаусовских «неуместных» действий (не всегда, разумеется, - и на Хауса бывает проруха!) все вовлеченные в ситуацию осознают свои проблемы и неожиданно решают их.

Способов, которыми Хаус доводит окружающих до такого осознания, всего два. Первый: расширить первоначальный спектр суждений за счет менее вероятных, но не менее важных и влияющих на окончательное решение. Второй - продемонстрировать участникам, в чем состоят их подлинные интересы и обязательства друг перед другом, и дать им возможность по-новому увидеть ситуацию.

В эпизоде «Законы мафии» (1/15) Билл отказывается верить, что у его брата Джо (оба члены мафии) гепатит С, и не позволяет его лечить, ведь гепатит, по его мнению, болезнь геев и нет ничего страшнее для репутации в банде, чем обвинение в гомосексуализме. В действительности, как только Билл признает, что Джо на самом деле гей, который к тому же хочет покончить с

преступной жизнью, его представление о болезни брата и о своих обязательствах перед ним полностью меняется. В этот момент угроза репутации меркнет перед угрозой жизни, увидеть которую Вилл не мог, потому что неверно понимал происходящее.

В эпизоде «Хаус против Бога» (2/19) юный проповедник Бойд отказывается от операции, уповая на Всевышнего, и отец мальчика поддерживает его в этом решении. Но конфликт между наукой и верой теряет смысл, когда Хаус, как всегда грубый и скептический, обнаруживает, что маленький святоша поступался собственными принципами и его герпетическая инфекция - результат случайного секса. Так выясняется, что Хаус был абсолютно прав - с точки зрения каждого участника ситуации, с самого начала отказавшись принимать вопросы веры в расчет.

Важно заметить, что Хаус отнюдь не руководствуется подходом «цель оправдывает средства». Такой подход мог бы навесть, например, на мысль, что дурное обращение с пациентами и манипулирование ими обоснованны, так как способствуют излечению. Но для Хауса оправдание не в этом. Он вообще, как правило, не оправдывается.

Для Хауса действие настолько важнее мысли, что его вообще мало заботит смысл, - и это сильно напоминает дзенскую риторику. В классических притчах дзен-буддизма наставники учат учеников открыться миру «как он есть» и понимать его по-своему. Чтобы добиться этого, учитель может отказаться реагировать на вопросы или отвечать бессмыслицей, давать противоречивые советы в сходных ситуациях, бить ученика, бросать в него обувь, лаять по-собачьи и предпринимать бесчисленное множество других нелогичных и даже оскорбительных действий.

Наставник не передает ученикам информацию в чистом виде, поскольку сатори, или просветление, не может быть достигнуто через приобретение чужих знаний (как алгебра или геометрия). Просветление возможно, только если человек меняет свое восприятие мира и переоценивает свое место в нем.

Хаусовское раздражающее поведение имеет сходный эффект. Цель Хауса не вылечить пациента, а разгадать, в чем проблема. Даже если его действия приводят к излечению, это

второстепенный, побочный результат - и для его целей, как он в таких случаях сетует, неудовлетворительный. Он не знает и не может знать, к чему в конечном счете придет. Изначально он не имеет ни малейшего представления, почему пациенты заболели. Обманывая их, запугивая или подвергая опасным медицинским процедурам, он еще не знает, что произойдет. Хаус разрушает ожидания (его собственные, пациентов, коллег и т.д.). Он переворачивает принятые в обществе установки вверх дном не для того, чтобы добиться конкретного результата, но чтобы дать болезни (или проблеме) проявить себя «как она есть».

Хаус использует эту методику до тех пор, пока кто-нибудь (как правило, он сам, но иногда другие врачи) не проникнет в суть проблемы. Его подход состоит в том, чтобы «раскачивать» ситуацию до тех пор, пока не откроется ее подлинный смысл. Стоит этого добиться, как наши обычные стандарты «этичного» и «правильного» снова включаются и начинают работать в новом контексте. Вот почему мы по-прежнему воспринимаем Хауса как грубого и неадекватного, не вписывающегося и в эту новую ситуацию. Хаус остается верен себе и вновь возвращается к тому, что понимал под смыслом до того, как дестабилизировал ситуацию. Другими словами, он всегда руководствуется нашими обычными, повседневными стандартами смысла и адекватности. Значит, отбрасывая эти стандарты, Хаус и дзен-буддисты заботятся об их же сохранении.

И потому, возможно, самое удивительное и в Хаусе, и в учителях дзен - то, что при всей их странности они при этом остаются абсолютно нормальными и предстают в каком-то смысле мастерами абсурда. Как сказал по этому поводу учитель Сюнрю Судзуки: «[Вы спрашиваете,] нравится ли мне дзадзен*? Спросите лучше, нравится ли мне бурый рис. Дза-дзен - слишком большая тема. Бурый рис - это хорошо. Собственно, особой разницы нет»⁴.

Выходит, что дзен и поведение Хауса вовсе не странные. Этот парадокс объясняется такими дзенскими понятиями, как

* Дзадзен - медитация в позе «лотоса». - *Прим. ред.*

«сознание начинающего» или «повседневный разум»* то сеть разум, который просто делает то, что делает, и затем принимает новое знание, оставаясь открытым и не отягощенным предвзятыми мнениями. Дзенская практика сосредоточена на еде, сне, ходьбе, медитации и разрешении проблем по мере их возникновения. Практикующие дзен утверждают, что, обращая внимание на простые, будничные вещи, человек может в результате понять вещи очень важные или трудные.

Подведем итоги: Хаус обнаруживает верный путь действия, потому что лишен предвзятых мнений, пустых ожиданий и даже самого знания цели. Так хаусовская безответственная риторика оказывается способом жить нравственно.

Установление близости

[Практика дзен] означает возвращение в чистое, нормальное человеческое состояние. Это состояние - отнюдь не привилегия великих учителей и святых, в нем нет ничего таинственного, оно легко доступно каждому. [Практиковать дзен] означает узнавать самого себя и обретать внутреннюю гармонию.

Учитель Тайсэн Дэсимару (1914-1982)⁵

Результатов достигает не сам Хаус, а его риторика. Хаус подчиняется ее воздействию так же, как и окружающие. Согласно дзен, нет активного «субъекта», контролирующего пассивные «объекты» и манипулирующего ими, но есть «хэппенинг», или «путь», с которым «субъекты» и «объекты» неразрывно связаны. Хаус добивается успеха не потому, что он гений, а потому, что использует дзенскую риторику, которая приводит его к ответу независимо от того, на-

* Есть такая притча. Когда Дзесю пришел изучать дзен под руководством Кансэна, он спросил: «Что такое Дао?», Кансэн ответил: «Твой повседневный разум - вот что такое Дао». *Цит. по: Дайсэцу Тэйтаро Судзуки. Введение в дзен-буддизм. - Прим. пер.*

сколько осознанно Хаус ее применяет. Процесс постановки диагноза связывает врача, пациента, болезнь, обстоятельства и смысл, который они все потенциально производят, в единое событие, или «хэппенинг». В результате мы могли бы сказать, что Хаус - всего лишь один из инструментов, использующихся этим процессом. Другими словами, Хаус «внутри» риторики, он элемент спектакля.

Своей жесткостью и показным безразличием к пациентам Хаус делает себя уязвимым для критики, лишаясь защиты, которую дает соблюдение традиционных приличий. То же происходит и с близкими ему людьми. В результате его отношения с друзьями и коллегами лишены скрытых мотивов, и соединяет их сама связь в чистом виде. Когда профессиональный этикет, светская обходительность и даже благопристойность отброшены, остается лишь голая риторика - способ, путь добраться до сути, пролегающий сквозь переживания всех и каждого, - врачей, пациентов и т.д.

Хаус не кукловод, он не контролирует ситуацию. Более того, он развенчивает иллюзию контроля у остальных, подталкивая их тем самым к глубокому и очень личному взаимодействию. Таким образом его риторика устанавливает прочные межличностные связи, способствует сближению людей.

Риторика = путь к истине = метод врачевания

Мастер искусства жизни не делает различий между работой и игрой, трудом и расслаблением, разумом и телом, учением и отдыхом, любовью и религией. Он всегда следует своему представлению о совершенстве, оставляя другим решать, работает он или играет. Сам же всегда делает и то и это одновременно.

Приписывается Шатобриану*⁶

* Кроме того, приписывается оксфордскому профессору философии Лоуренсу Пирсоллу Джексу, американскому писателю Джеймсу Митченеру и, само собой, Лао Цзы. - *Прим. пер.*

11 поскольку риторика Хауса разрушает ожидания и предвзятые мнения, она является собой прямой путь к истине. Кроме того, стиль работы Хауса - еще и путь индивида к себе подлинному, поскольку, как мы увидели, он обнажает истинную суть человека и его отношений с другими.

Странным и любопытным образом стиль Хауса проявляется в том, как он постоянно отвергает гипотезы членов своей команды (при этом требуя других взамен!) и как вечно прерывает поток их мыслей, дурашливо перескакивая с одной темы на другую. Он демонстративно их не слушает и таким манером отменяет собственные ожидания и ломает привычные приемы мышления, открывая для себя (и часто для самих обескураженных собеседников) возможность уловить скрытые смыслы, о существовании которых никто не догадывался.

По сути, те же причины, что делают риторика Хауса дорогой к истине, превращают ее в метод врачевания. Во-первых, обнажая суть проблемы, она способствует правильному выбору лечения. Во-вторых, позволяя участникам открыться, она выступает как иная, глубинная форма психологического воздействия.

Более того, как мы уже обсудили, диагностика (поиск истинного смысла ситуации) связывает всех участников в единый процесс, или событие. Как подчеркивает дзенская философия, эта связь настолько тесная, что все участники становятся по сути просто разными сторонами одного и того же «бытия». Это и есть знаменитая «недвойственность» буддизма* Такая связь подразумевает, что изменение в одной части процесса ведет к изменениям в других его частях. В результате постановка верного диагноза, новый

* Недвойственность - одно из важнейших понятий буддизма, обозначающее отсутствие в истинной реальности каких-либо различий, оппозиций и дихотомий, в том числе и оппозиции субъекта и объекта. «В видении есть только видение. Нет видящего, нет и видимого. В слушании есть только слушание. Нет слушающего, нет и слышимого» (Наставления Будды аскету по имени Бахия). - *Прим. пер.*

этап в понимании врачами болезни, становится благотворной переменной для медицинской проблемы и для пациента. Значит, обнаружение истины позволяет не только взглянуть на пациента и его болезнь по-новому, но и запускает процесс исцеления.

Выходит, что обсуждение открытия истины и «методологии исследования» уже начало лечения. Разделить их нельзя, ибо это единый процесс! К сожалению, этого не могут понять друзья и коллеги Хауса. Уилсон, самый близкий друг Хауса, часто критикует его за то, что тот заботится исключительно о решении загадки и ни о чем другом (вроде пациента, его семьи, коллег и пр.). Обычно Хаус не реагирует на упреки и чаще всего отделяется очередным «хаусизмом». Однако он немного лукавит (хотя не до конца понятно, отдает ли он себе в этом полный отчет) и, отбрасывая Уилсона и других коллег, словно подмигивает зрителям - на самом деле для него нет никакой разницы между разгадыванием головоломки и помощью пациенту.

Здесь также важно отметить, что если «то, что я есть, что я делаю и что знаю - части одного целого», то Хаус выбирает свое поведение - неуместное, глупое, мелочно эгоистическое, грубое и т.д. - не больше, чем оно выбирает его. Сам Хаус и то, что он выбирает, - есть одно. Так что¹ вы вправе сказать, что выбор Хауса вытекает из того, что он есть. Другими словами, Хаус есть сумма всех своих недостатков - и его недостатки есть условие (или часть Дао) его достоинств!

Учитель Судзуки как-то сказал: «Самое важное - правильно представлять себя, не строить свое представление на заблуждении. Однако мы не можем жить без заблуждений. Заблуждение необходимо, но на заблуждении нельзя построить себя. Это как лестница. Без лестницы вы не сможете подняться, но вы не должны на ней стоять. <...> Пусть нас не разочаровывает плохой учитель или плохой студент. Знаете, если плохой студент и плохой учитель стремятся к истине, у них может получиться что-то хорошее. Это и есть [дзен]»⁷.

Хаус медитирующий

Ты должен посвящать себя целиком каждому дню, как если бы пламя уже бушевало в твоих волосах*

Дзенская пословица

Хаус глубоко ущербен, но он и необыкновенно свободный человек. Его совершенная преданность риторике дзен-буддизма позволяет ему свободно находить ответы на неразрешимые вопросы. Его жизнь не назовешь счастливой и беззаботной (хотя именно к такой жизни стремится большинство людей), но, парадоксальным образом, в конце большинства эпизодов нам показывают Хауса спокойным и умиротворенным - он закрыл очередное дело. Его карьера может быть под угрозой, личная жизнь в развалинах - его это мало волнует. Он решил еще одну загадку.

В конце эпизода «Человеческий фактор» (3/24) мы видим, как атеист Хаус курит сигару с глубоко верующим мужем пациентки, которого, как и его жену, он третировал в течение всего эпизода - по крайней мере, так это выглядело. Они обсуждают, как получилось, что все члены команды Хауса или уволились, или были уволены:

Муж. Тяжело терять своих людей. Вы, наверное, расстроены?

Хаус. Да, должен быть.

Муж. Но вы не расстроены.

Хаус. Да вроде нет. По-моему, я в порядке.

Муж. И что будете делать?

Хаус. Только бог знает.

Когда риторика Хауса приносит желанный результат, все остальное он принимает с дзенским спокойствием.

* Пламя, о котором идет речь, - пламя погребального костра. Смысл этой пословицы в том, что нужно жить каждый день так, как будто он последний.

Прим. пер.

Мы можем подытожить эту главу такой почти хаусовской мыслью: важно не то, что ты знаешь, а какого себя творишь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Mu Soeng, *Thousand Peaks: Korean Zen - Traditions and Teachers* (Cumberland, RI: Primary Point Press, 1996. (Му Сён. Тысяча вершин: Корейский дзен - традиции и учителя.)
2. Авторы украдкой протащили в текст «целесообразное действие» и увязали его со «смыслом» не просто так - чуть позже мы увидим, что это очень важный элемент связи Хауса и дзен, и у авторов была серьезная причина слукать и ввести понятие без объяснений. Это намек на то, что их эссе само не чурается хаусовских или дзенских штучек, и они не только не властны над такими штучками, но в той же мере являются их субъектом (или объектом) и следуют за ними, как и ты, дорогой читатель!
- 3-4. Shunryu Suzuki, *Not Always So: Practicing the True Spirit of Zen*. New York: HarperCollins, 2003. (Судзуки С. Не всегда так: Практика подлинного духа дзен.)
5. Taisen Deshimaru, *The Zen Way to the Martial Arts: A Japanese Master Reveals the Secrets of the Samurai*. New York: Compass, 1982. (Дэсимару Т. Путь дзен к боевым искусствам: Японский мастер раскрывает секреты самураев.)
6. Источник неизвестен.
7. Судзуки С. Не всегда так: Практика подлинного духа дзен.

«ВЕЖЛИВОСТЬ СИЛЬНО ПЕРЕОЦЕНИВАЮТ»: ХАУС И СОКРАТ О НЕОБХОДИМОСТИ КОНФЛИКТА

Мелани Фраппье

«Что с ними не так?»:
Хаус и Сократ - двое ненормальных?

Хаус и Сократ. Два случая с одинаковыми симптомами. Лучшие друзья Хауса описывают его как грубого, высокомерного и бесцеремонного. Он никогда не упустит возможности нахамить окружающим. Он отказывается выполнять свои административные обязанности и принимать амбулаторных больных. Острый ум сделал его ведущим диагностом страны, но он не пишет об уникальных клинических случаях из своей практики в медицинские журналы - за него это делают «утята»*, Форман, Кэмерон и Чейз. Единственный человек, который иногда может контролировать Хауса, - Кадди. Хотя Лиза и признает, что Хаус - лучший из ее докторов, порой его одержимость до-

* В сериале так команду Хауса не называют ни разу, «утята» (the Ducklings) пришли с крупного фанатского форума на американском сайте Television Without Pity, где их, очевидно, и обнаружили авторы этого сборника. - *Прим. ред.*

рого обходится больнице. Когда нашему доктору полагается принимать больных в амбулатории, он смотрит телевизор в палате для коматозников. Его нестандартные и порой незаконные методы лечения приводят к искам и судебным процессам. Его отказ рекламировать новое лекарство обошелся больнице в сто миллионов долларов. Он сломал больничной томограф, пытаясь просканировать покойника с пулей в черепе. Приличия волнуют Хауса не больше, чем финансовые вопросы. Он вваливается в кабинеты других врачей во время приема или звонит им среди ночи, чтобы обсудить свои случаи. При этом он не прислушивается к их мнению, саркастически отменяет их гипотезы и получает извращенное удовольствие, унижая их перед коллегами и пациентами. Циник и ерник, для которого нет ничего святого, Хаус то и дело наносит пациентам моральные травмы.

Он просто больной на голову или его несносность - признак чего-то более серьезного? Чтобы ответить, мы слегка перефразируем его собственные слова («Метод Сократа» (1/6)): «Выбрав специалиста, вы выберете свое заболевание. Я гад. Это мой единственный симптом. Я посещаю трех докторов. Невролог говорит, что это гипофиз, эндокринолог говорит, что это опухоль надпочечника, врач со скорой... он слишком занят и отправляет меня к умнику-философу, а тот говорит, что я давлю на других потому, что вообразил себя Сократом».

Сократом? Если древние греки и сравнивали кого с оводом, электрическим скатом и моровой язвой, так это Сократа. Говорят, что по профессии он был каменотесом, но предпочитал проводить свое время в рассуждениях о философии, изводя собеседников вопросами о красоте, истине и справедливости. Он никогда не записывал своих мыслей, но Дельфийский оракул назвал его «мудрейшим из греков». Блестящие афинские юноши, вроде Платона и Ксенофонта, были его «утятами» и обесмертили его в своих диалогах. Сократ забросил работу ради философии и потому был беден. Злоязыкая супруга Ксантиппа преследовала мужа по всему городу, попрекая тем, что он не в состоянии прокормить детей. Хотя она вошла в историю как един-

гпнчший человек, которому удавалось победить Сократа в споре совсем как Кадди, которой порой удается чего-то добиться от Хауса, - брань мало действовала на ее упрямого мужа.

Как и Хаус, Сократ не особо церемонился, втягивая людей в философские споры. И, хотя он, в отличие от Хауса*, ценил дружбу, люди быстро понимали, что беседы с ним «приятные, как удар электрического ската». Сам Сократ оправдывал свои манеры тем, что выполняет волю богов, показывая людям их невежество (часть этой благородной миссии состояла в развенчании софистов, которые учили красноречию, а также искусству побеждать в спорах ради победы, а не ради постижения истины).

Какой же смысл мучить и смущать людей ироническими вопросами, если в конце ты только оскорбляешь их и высмеиваешь их ответы? Все дело в сократическом методе.

«И как всегда, зря»: узнай сначала, что ты ничего не знаешь

Сократический метод основывается на идее, что знание нельзя получить от кого-то - к нему нужно прийти самому. Поэтому единственный способ помочь человеку чему-то научиться - это задавать вопросы, которые позволят ему добраться до истины. Учители, практикующие сократический метод, не читают лекций. Вместо этого они подвергают учеников «сократическому вопрошанию», помогая им понять слабость их позиций. Такой метод, считает Хаус, - «лучший способ обучения всему... кроме жонглирования бензопилами».

Хороший пример сократического вопрошания, чем-то напоминающего перекрестный допрос, мы видим в эпизоде «Три истории». Хаус, вынужденный подменить заболевшего преподавателя, спрашивает у студентов, почему моча наркомана,

* Тут мы (переводчик и редактор, посмотревшие все отснятые на момент сдачи книги эпизоды) согласиться с автором никак не можем и очень надеемся, что он пересмотрит свое мнение, копнув характер Хауса чуть поглубже.

Прим. ред.

мучающегося от невыносимой боли в ноге, была цвета чайной заварки.

Студентка. Камень в почке.

Хаус. Камень в почке вызвал что?

Студентка. Кровь в моче.

Хаус. Какого цвета твоя моча?

Студентка. Желтого.

Хаус. Какого цвета твоя кровь?

Студентка. Красного.

Хаус. Какие цвета я использовал? *(Показывает круг на листе бумаги покрашенный разноцветными фломастерами.)*

Студентка. Красный, желтый и коричневый.

Хаус. ...и коричневый. Что дает коричневый цвет?

Студентка. Продукты распада тканей.

Студентка прошла путь от мысли, что у пациента две разные проблемы - камни в почках и боль в ноге, - к убеждению, что необычный цвет мочи объясняется не камнями в почках, а их отказом, который может быть как-то связан с болью в ноге. Обратите внимание, как Хаус действует. Сначала он предлагает студентке понять, «почему моча была цвета чайной заварки». Первый ответ - «Из-за камней в почках» - только предположение, и оба они, Хаус и студентка, это знают. Поэтому нужно его проверить. Сначала Хаус задает невинные вопросы, ответы на которые, казалось бы, подтверждают умозаключение студентки: «камень в почке вызвал кровь в моче», «кровь красная», «моча желтая». Затем Хаус поступает так, как поступил бы Сократ, - подводит студентку к следующему заключению, которое показывает, что первый ответ был неверным: если бы проблема заключалась в камне, в моче не было бы продуктов распада тканей.

Поверить, что первоначальная теория - лучшая, не изучив внимательно все свидетельства, - самое опрометчивое, что можно допустить. Наши верные проводники в хитросплетениях жизни - разум и логика - помогают нам при каждом столкнове-

мни с противоречиями или невежеством. Но первым делом мы должны осознать, что встретились с чем-то неизвестным.

Например, в диалоге «Менон» Сократ задает юному рабу вопросы, которые заставляют мальчика понять, что он не знает, как решить задачу удвоения квадрата. Сократ доволен таким результатом: «Замечаешь, Менон, до каких пор он дошел уже в припоминании? Сперва он, так же как теперь, не знал, как велика сторона восьмифутового квадрата, но думал при этом, что знает, отвечал уверенно, так, словно знает, и ему даже в голову не приходила мысль о каком-нибудь затруднении. А сейчас он понимает, что это ему не под силу, и уж если не знает, то и думает, что не знает. <...> Значит, судя по всему, мы чем-то ему помогли разобраться, как обстоит дело? Ведь теперь, не зная, он с удовольствием станет искать ответа, а раньше он, беседуя с людьми, нередко мог с легкостью подумать будто говорит правильно, утверждая, что удвоенный квадрат должен иметь стороны вдвое более длинные»¹. В эпизоде «Три истории» Хаус подтверждает - более резко - эту же идею. Студентке, которая признается, что не знает, чем вызвано появление в моче наркомана продуктов распада тканей, Хаус говорит: «Ты бесполезна. Но, по крайней мере, ты это знаешь». Студенту, пытающемуся использовать уже забракованную теорию, он презрительно бросает: «Знаешь, что хуже, чем бесполезность? Бесполезность и невнимательность».

«Относитесь ко всем так, будто у них синдром Корсакова»: роль иронии в сократическом методе

Хотя и Хаус, и Сократ часто беспощадны к своим ученикам, оба, как правило, не оскорбляют их прямо, предпочитая использовать иронию, придающую их словам противоположный смысл. В эпизоде «Истории» (1/10) Хаус вручает толстенный медицинский словарь двум студенткам, озадаченным несоответствиями в анамнезе пациентки, чтобы они нашли там диагноз, и говорит: «Ох, я такой добрый... Начинается на букву С».

Ирония (во многом теряющаяся при переводе. - *Прим. ред.*) тут двойная. Во-первых, все мы знаем, что Хаус добрым не бывает. Во-вторых, он вводит студенток в заблуждение насчет заболевания повреждения мозга, известного как синдром Корсакова, при котором пациенты не запоминают недавние события и вынуждены, используя визуальные подсказки, заполнять пробелы в памяти ложными воспоминаниями. И, конечно же, в английском языке Korsakoff пишется через К, а не через С. Хаус глумится над студентками, и это забавно (по крайней мере, для зрителей), но для Хауса, как и для Сократа, ирония играет гораздо более важную роль: ошеломить и озадачить²!

Студентки и так уже в замешательстве и сомневаются в своих знаниях. Зачем Хаусу играть с ними такую злую шутку? Он предлагает им головоломку, которая заставит их снова думать, и одновременно намек, который поможет решить их проблему - если они разгадают загадку. Слова «я такой добрый» дают понять всем, даже студенткам, что Хаус злонамерен. Но почему? В этом и состоит загадка. Наивные студентки думают, что жестоко заставляя их искать ответ, когда Хаус уже знает правильный диагноз. Они недооценивают коварство Хауса - он дал им словарь вовсе не для того, чтобы они нашли там ответ. Представьте, названия скольких заболеваний начинаются с буквы С! Этот жест ироничен сам по себе: глупо слишком полагаться на авторитет, будь то Хаус или энциклопедия. Изучать симптомы и добираться до сути - вот единственный способ постановки диагноза. Знай студентки больше о методах обучения и рассуждения, они бы поняли намек.

Как мы уже говорили, для сократического метода не характерна информативность. Не в этом его цель. Скорее он направлен на то, чтобы заставить учеников понять, что они знают меньше, чем думали. Это идет вразрез с современной системой образования, которая пытается внушить ученикам уверенность в себе, акцентируя внимание на их успехах, а не ошибках. Но, возможно, мы учим их не тому. Так называемые «факты» постоянно опровергаются, одни теории сменяются другими.

Ученикам нужно не зазубривать, а учиться думать в условиях почти полной неизвестности.

«Дифференциальный диагноз, народ!»: проверка гипотезы

Понять, что мы мало знаем, - только первая часть сократического метода. Видимо, здесь самое большое различие между Сократом и Хаусом. Сократ старался помочь согражданам осознать, как на самом деле ограничено их понимание мира, Хауса больше интересуют решение медицинских загадок, которые уже поставили всех в тупик. Но и здесь Хаус следует сократическому методу, его второй части - «проверке гипотезы», какой она представлена в диалоге Платона «Федон». В нем Сократ объясняет своему ученику Кебету, что нельзя начинать исследование мира с наблюдения за всем, что этот мир составляет. От колоссального количества информации, которую пришлось бы рассматривать, можно было бы, как говорит Сократ, «ослепнуть душою», точно так же, как наблюдение за солнечным затмением ослепило бы глаза. Обратимся снова к эпизоду «Три истории». Хаус подкидывает студентам еще одну диагностическую задачку, случай фермера с болью в ноге. Студенты наперебой предлагают узнать у пациента, не было ли в семье похожих случаев, сделать клинический анализ крови, анализ на Д-димер, магнитно-резонансную томографию и, пожалуй, еще позитронно-эмиссионную томографию. Когда Хаус говорит, что пациент умер бы, не дождавшись результатов анализов, один из студентов вскрикивает: «Но у нас не было времени на тесты, мы ничего не могли сделать!»

Но что им нужно было сделать? Сократ говорит Кебету, что двигался в своих рассуждениях вперед, «каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным»³.

Похоже на дифференциальный диагноз Хауса: сначала рассмотреть возможные причины симптомов, затем исследовать ту, что кажется наиболее правдоподобной. Внезапная острая

боль в ноге может быть вызвана физическим перенапряжением, варикозной болезнью, травмой или укусом животного. По словам фермера, он почувствовал боль, когда находился в поле, и, судя по виду ранок на ноге, змеиный укус представляется наиболее вероятной причиной. Приняв это направление исследований за «рабочую гипотезу», Хаус сосредотачивается на ранке и выясняет (после того как противозмеиная сыворотка не помогла), что на самом деле это собачий укус.

«Сделайте пометку: я никогда не должен сомневаться в себе»: защита наиболее вероятного решения

Если учесть, что и Сократ, и Хаус настаивают на необходимости признать, что мы ничего не знаем, следующий шаг кажется очевидным: найти новые доказательства в пользу выбранного диагноза, при этом постоянно держа в уме свое невежество, и быть готовыми отбросить нашу версию, как только появятся не соответствующие ей симптомы. Однако в «Федоне» Сократ рассказывает Кебету, как поступает при выборе гипотезы: ...именно этим путем двигаюсь я вперед, каждый раз полагая в основу понятие, которое считаю самым надежным; и то, что, как мне кажется, согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное - идет ли речь о причине или о чем бы то ни было ином, - а что не согласно с ним, то считаю неистинным»⁴.

Значит ли это, что следующим нашим шагом должно стать предположение, что мы правы? Когда такое говорит человек, утверждавший «я знаю, что я ничего не знаю», звучит очень самоуверенно, прямо по-хаусовски! Однако самоуверенность, что демонстрируют Сократ и Хаус, - неотъемлемая часть сократического метода. Когда расстроенный Форман упрекает Хауса в самонадеянности после того, как они раз за разом ошибались с диагнозом Джона Генри Джайлса, Хаус пренебрежительно фыркает: «Скромность - важное качество. Особенно если ты часто ошибаешься». В ответ на формановское: «Вы ошибались

на всех этапах!», Хаус парирует: «Когда ты прав, неуверенность п себе только мешает, верно?»

Хаус пытается сказать Форману, что сомнение удерживает нас от шагов, которые помогли бы докопаться до истины. Чтобы убедиться, что мы правы, нужно принимать риск ошибки. Если мы готовы отбросить нашу лучшую гипотезу при первом затруднении, мы никуда не придем, потому что сомнениям («да, но...») всегда найдется место. Прежде чем отказываться от одной гипотезы в пользу другой, надо обеспечить первой лучшую, самую убедительную защиту из всех возможных, точно так же, как обвиняемому в суде - хорошего адвоката. Например, в случае с Джайлсом Хаус считает, что у того гранулематоз Вегенера, болезнь излечимая, поэтому игнорирует отказ пациента от реанимации. Хэмилтон, лечащий врач Джайлса, напротив, убежден, что у того неизлечимая болезнь Лу Герига, и отключает его от аппарата. Если бы Хаус не нарушил волю пациента, Джайлс бы умер. Если бы Хэмилтон не отключил Джайлса от аппарата, Хаус не узнал бы, что это не болезнь Вегенера и Джайлс может дышать самостоятельно. Благодаря тому, что оба стойко держались своих гипотез, ситуация разрешилась благополучно.

**«Подчиненные могут не соглашаться со мной
сколько угодно, это нормально»:
потребность в конфликте**

Сократический метод парадоксален. С одной стороны, чтобы его практиковать, мы должны признать, что не знаем истины. С другой стороны, мы должны действовать так, словно уверены, что знаем ее. Но что, если мы ошиблись?

Вот почему, когда мы выдвигаем гипотезу, нам нужно, чтобы другие оспорили ее, устроили перекрестный допрос: не сделали ли мы каких-то некорректных допущений, достаточно ли доказательств собрали в поддержку наших умозаключений или же выбрали гипотезу, основываясь на личных предубеждениях

и стереотипах, не отдавая себе в этом отчет* В эпизоде «Метод Сократа» Хаус с командой исследуют загадочные симптомы – кровотечение на фоне тромбоза глубоких вен у женщины, больной шизофренией.

Несмотря на заключение множества специалистов, Хаус сомневается, действительно ли у Люси шизофрения. Когда он ночью вызывает свою команду в больницу, чтобы обсудить свои сомнения, Форман возмущается:

Форман. Если бы кто-нибудь из нас так рассуждал, вы бы уволили нас.

Хаус. Забавно - я думал, что поощрял вас подвергать все сомнению.

Форман. Вы не сомневаетесь. Вы надеетесь. Вам хочется, чтобы это была болезнь Уилсона. Ура, дадим ей пару таблеток, она выздоровеет.

Хаус отдает себе отчет в том, что может ошибаться. А как же уверенность в своей правоте? Подождите, все по порядку. Он пришел к выводу, что у Люси нет шизофрении, основываясь на том, что ему показалось самым убедительным доказательством. Другие должны найти слабые места в его аргументации. Поэтому для него так важно, что Уилсон с ним не согласен и указывает, что и возраст Люси, и ее решение передать сына социальной службе не являются достаточными основаниями, чтобы принять гипотезу Хауса, поскольку иногда симптомы шизофрении выявляются и в 36 лет и шизофреники порой принимают разумные решения. И хотя Хауса это не убедило, теперь ему ясно, что его собственная аргументация тоже слаба. Когда он говорит Уилсону: «Ты думаешь, я сумасшедший», тот отвечает не раздумывая: «Ну да, но проблема не в этом».

Тут Уилсон ошибается – суть проблемы как раз в том, что он считает версию Хауса абсолютно неверной. Есть еще одно предположение, которое Хаус и Уилсон в своем споре упуска-

Сократу приписывают афоризм «В споре рождается истина». - *Прим. ред.*

Речь о симптомах: Уилсон полагает, что опухоль печени не-существенна и является следствием алкоголизма; Хаус считает, что опухоль имеет какое-то отношение к психическим проблемам Люси. Пока это допущение не будет принято во внимание (и они не узнают, что организм Люси не может усваивать медь), оба убеждены только в том, что один из них не смотрит на ситуацию объективно... но кто? Пока Хаус и Уилсон не выработали общую позицию, они живут в разных реальностях.

**«Реальность почти всегда неправильна»:
предвзятые мнения скрывают истину**

Мысль о том, что люди, не имеющие точек соприкосновения в своих мировоззрениях, живут в разных реальностях, блестяще разработана в эпизоде «Без причин». Раненый Хаус лежит в отделении интенсивной терапии рядом с человеком, который в него стрелял. Когда Хаус понимает, что по крайней мере часть времени он галлюцинирует, он спрашивает у своего несостоявшегося убийцы, как можно поставить диагноз в реальном мире, исходя из нереальных данных. Ответ на удивление прост: «Бросайся идеями, как и раньше, и если в основе их будут лежать ложные послы, твоя команда это заметит».

Другими словами, мы хотим, чтобы наши аргументы были объективными, основанными на фактах. Но, галлюцинируя или нет, мы всегда в рассуждениях пользуемся неподкрепленными предположениями какие-то из них верны, какие-то нет. Как убедиться, что мы отталкиваемся от достоверных фактов? Часто наши знания столь прочно въелись в образ мышления, что мы даже не отдаем себе в этом отчет. Например, когда Хаус спрашивает, какие версии есть у команды по поводу мужчины с распухшим языком, Форман честно отвечает: «У нас их нет. Мы просто гадаем на анализах». Но, как быстро обнаруживается, команда не «гадает», а ищет подходящее под симптомы объяснение, исходя из следующих соображений: (1) медицинские анализы корректны, если три раза подряд дают одни и те же

результаты, (2) биопсия обеспечивает репрезентативный образец органа, из которого взята, (3) если у людей кровь течет из тех мест, откуда не должна, у них проблемы со свертываемостью и (4) опасно оперировать человека, у которого проблемы со свертываемостью. Какое из этих утверждений верно описывает ситуацию? В одиночку Хаусу этого не понять - он не знает, видит ли сон, бредит или просто некритически относится к реальности. Его единственный шанс - «сравнивать записи», вступать в полемику с командой и смотреть, единодушны ли «утята» в предположениях. Как выясняется, нет. Кэмерон готова усомниться в результатах анализов, Чейз им доверяет, а сам Хаус вообще не уверен в репрезентативности биопсии. Теперь они могут оценить свои разногласия и попытаться найти единственно верное решение. Но если бы Хаус был вежливым, предварял каждое свое предположение словами «Мне кажется, что» или «Возможно, вы правы», не требовал от коллег аргументировать свои мнения, они бы никогда не докопались до этих противоречий и не нашли бы способ их разрешить.

Галлюцинируя, Хаус продолжает вести себя в своей обычной манере: использует сократический метод, чтобы помочь команде приблизиться к истине, а его грубость и самоуверенность заставляют с ним спорить. Хаус всегда строит свои гипотезы на основе конкретных посылок, порой верных, порой нет. Чтобы узнать, прав он или ошибается, эти послышки и надо проверить.

**«Вы можете не соглашаться со мной,
но это не повод перестать думать»:
трудности интеллектуального конфликта**

Но роль оппонента, которую Хаус и Сократ просят собеседников взять на себя, очень трудна. Нам с детства вдалбливали, что наши учителя, начальники, лидеры всегда правы. Каждый из нас в каком-то смысле Форман, отказывающийся в эпизоде «Гаденыш» (3/23) от своего решения, чтобы выполнить указание Хауса - держать пациента на иммунодепрессантах, - после того

как босс говорит ему: «У тебя два варианта на выбор - еще поспорить и сделать, что я велел, или просто сделать, что я велел». И так большую часть времени мы просто перестаем мыслить: мы либо безоговорочно принимаем чужое мнение, даже если с ним не согласны, либо «проявляем толерантность» и позволяем другим «верить в то, во что они хотят верить». Мы почти никогда не вспоминаем о третьей возможности (той самой, которую, как надеялся Хаус, использует Форман) - оспорить чужое мнение.

Как Сократу и Хаусу, нам нужны оппоненты. Если другие соглашаются с нами или уходят от конфликта, оставаясь при своем мнении, мы остаемся запертыми в нашей маленькой реальности. Нам нужен кто-то, кто бы нам возразил. Однако очень немногие сделают это для нас, поскольку знают, что б'й^ ответим тем же и будем требовать доказательства уже их правоты. Когда наши самые фундаментальные представления подвергаются сомнению, это неприятно, это нервирует и в нашем обществе считается проявлением агрессии. Большинство людей просто откажутся так поступать, если... если их не вынудить - изводить вопросами и ироническими замечаниями, пока кто-нибудь наконец не «очнется от дремоты» и не перейдет в контратаку.

Надо ли осуждать такое поведение? Если вдуматься, образование, которое не бросает вызов идеям учеников и не меняет их, - плохое образование. И врач, если он не относится к медицине со здоровым скептицизмом, будет не более чем больничным торговым автоматом, выдающим лекарства в соответствии со встроенной программой. Да, интеллектуальные стычки болезненны не меньше, чем физические. Но они ведут к великим открытиям. По крайней мере в отношении получения знаний хаусизм «Вежливость сильно переоценивают» безусловно верен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Платон. Менон // Сочинения в 3-х тт. М.: Мысль, 1968. Т. 1.
2. Грегори Властос подчеркивает роль иронии в педагогике в статье «Сократическая ирония», опубликованной в: Gregory Vlastos. Socrates, Ironist and Moral Philosopher. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1991). (Властос Г. Сократ - насмешник и философ морали).
- 3-4. Платон. Федон // Сочинения в 3-х тт. М.: Мысль, 1970. Т. 2.

ДАОСИСТ ИЗ ПРИНСТОН-ПЛЕЙНСБОРО

Питер Вернеззе

Во многих отношениях Хаус отлично вписывается в западную философскую традицию. По тому, как он лихо управляется с диагнозами, видно, что он придает огромное значение разуму, этой основе основ западной философии, а его рационально-дедуктивный метод - один из факторов популярности сериала. Кроме того, Хаус воплощает еще одно центральное понятие западной мысли - эго. Мама дорогая, какое у Хауса огромное эго! Представляясь пациенту, он говорит: «Я тот, кто сегодня будет спасать вашу жизнь» («Внешность обманчива» (2/13)); поставив правильный диагноз, объявляет: «Сделайте пометку: я никогда не должен сомневаться в себе» («Бритва Оккама»); а когда топ-менеджмент крупной компании решает, что никто лучше Хауса не вылечит их исполнительного директора, довольно заявляет: «Кто крутой? Я крутой!» («Контроль»).

«Разум» и «я» (или «эго») - две области, в которых восточная философия разительно отличается от западной. Признавая граничность человеческого разума, шедевр китайской классической философии «Дао дэ цзин» говорит, что мудрец, «осуществляя учение, не прибегает к словам»¹, или, в другом переводе, «наставляет безмолвием».

Подчеркивая значение скромности, «Дао дэ цзин» учит: «Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы»². Поэтому попытка разглядеть в Грегори Хаусе даосиста представляется довольно странной. Тем не менее, Хауса, при всей его «западности», трудно понять до конца, не обращаясь к восточной философии и, в частности, к даосизму. В Древнем Китае даосизм был, пожалуй, универсальным мировоззрением величие от конфуцианства, остававшегося «уделом ученых людей». По преданию, легендарный основоположник даосизма Лао Цзы был современником Конфуция (VI в. до н. э.), хотя современные ученые считают, что приписываемый Лао Цзы текст «Дао дэ цзин» был написан несколькими столетиями позже. В отличие от конфуцианства, сосредоточенного на совершенствовании государства, где каждый обязан занимать положенное место и следовать правилам и предписаниям, даосизм придавал главное значение обретению своего места во Вселенной и ставил спонтанность и естественность выше обычая и условности. Это уже больше похоже на Хауса.

Меньше книг, больше телевизора

Доминирующую роль разума лучше всего, пожалуй, иллюстрирует аристотелевское определение человека как «разумного животного». По Аристотелю, разум есть самая суть нашего бытия, то, что определяет нас в том качестве, что мы есть. Сформулированное на заре западной философии, это положение уже никогда не покидало сцену.

Спустя две тысячи лет отец современной философии Рене Декарт (1596-1650), желая вывести абсолютно достоверные истины, пришел к выводу, что на чувственный опыт нельзя полагаться, ведь окружающий мир может оказаться сном, галлюцинацией или иллюзией наподобие той, что мы видели в «Матрице», и единственное, в чем нельзя сомневаться, - это мышление. «Я, - говорит Декарт, - строго говоря, - только

мыслящая вещь». Согласно западной философской традиции, только разум позволяет постичь фундаментальную природу реальности. Платон считал, что физический мир, данный в ощущениях, реален только отчасти и слишком зыбок и изменчив, чтобы принимать его всерьез. Подлинную реальность для Платона представляет вечный, неизменный мир идей, таких, как идея прекрасного, познаваемых чистым разумом, без помощи органов чувств. Обладавший столь же сильной верой в возможности человеческого разума, средневековый философ и теолог св. Фома Аквинский (1225-1274) был убежден, что разум может доказать существование Бога и вывести все этические и религиозные истины. Однако следует признать, что и на Западе время от времени появлялись философские школы, протестовавшие против наделения разума столь высокой ценностью, например романтизм, возникший как антитеза Просвещению.

Как и положено персонажу, созданному по образу и подобию Шерлока Холмса, доктор Хаус доверяет разуму. Когда Эдвард Воглер говорит Хаусу: «Я так понимаю, что вы ставите рационализм превыше всего», он выражает мнение всех, кто знает Хауса («Образец для подражания»). Хаусовский рационализм носит не только теоретический, но и практический характер, что нам и демонстрируют в каждой серии, где Хаус вовсю использует свои дедуктивные способности.

Что у такого человека общего с характерным для Востока скептическим отношением к попыткам рационального познания реальности? Нигде этот скептицизм не проявляется так явно, как в даосизме - «Дао дэ цзин» начинается такой фразой: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао»³. Понятие Дао - сердце китайской философии. Достаточно сказать, что это слово около восьмидесяти раз встречается в «Суждениях и беседах» Конфуция. Как подчеркивают Эймс и Роузмонт, «это, по всей вероятности, самый важный термин в [китайском] философском словаре, и понять, что и как подразумевает мыслитель, когда он использует понятие Дао, значит понять философию этого мыслителя». Увы, эта задача не из легких. Мы можем сказать,

что китайский иероглиф для Дао означает «дорогу» или «путь», и вслед за Эймсом и Роузмонтом повторить: «Представляется, что на своем самом фундаментальном уровне Дао означает ведущееся сейчас "строительство дороги" и, по ассоциации, предполагает путь, который уже проложен и которым, следовательно, уже можно следовать»⁴. Воистину, Дао для восточной философии то же, что «Бог» для западной - фундаментальная реальность, лежащая в основе всего сущего, с той лишь разницей, что Дао следует рассматривать не как персону или вещь, отделенную от мира, но как первопричину всего сущего, неразрывно с ним связанную. В таком случае сказать, что эта фундаментальная реальность не может быть выражена словами, значит признать, что она непознаваема, не ухватываема разумом.

Казалось бы, о чем тут рассуждать - Хаус ассоциируется с западным мировоззрением с его верой в интеллект и никак не с восточным, подчеркивающим ограниченность человеческого разума. Но нет, отношение Хауса к разуму намного сложнее, чем может показаться. Мы впервые задумываемся над этим, когда его интерес к случаю с женщиной-шизофреничкой заставляет Формана недоумевать: «Я думал, ему нравится рациональность» («Метод Сократа»). Нет, говорят нам, ему нравятся головоломки. А также мыльные оперы, видеоигры и шоу грузовиков-монстров.

Вместо того чтобы читать медицинские журналы или записывать истории болезней, Хаус устраивается с гамбургером в палате коматозника, чтобы посмотреть мыльную оперу из жизни врачей. Такое занятие с трудом можно определить как рациональное времяпрепровождение, однако оно прекрасно вписывается в восточное мировоззрение, признающее ограниченность разума. Как говорит «Дао дэ цзин», «знание предела позволяет избавиться от опасности»⁵. Поведение Хауса, на первый взгляд ошарашивающее, - это, собственно, способ отключить разум. Этим способом он не только пользуется сам, но и рекомендует его другим, например советует Кэмерон меньше читать и больше смотреть телевизор («Контроль» (1/14)). Его совет - вовсе не шутка, а попытка применить на практике свое понимание пределов разума. Как всякий хороший даосист, Хаус знает, когда нажать на тормоза.

Мудрец как эталон

Западная философия, как правило, рационализирует этику - правила и принципы, в соответствии с которыми должен поступать добродетельный человек. Самый известный пример такого подхода к этике категорический императив великого немецкого философа Иммануила Канта (1724-1804): «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Смысл кантовского императива в том, что мерилom моральности действия является его справедливость для всех, кто находится в такой же ситуации.

До меня универсальность моральных норм дошла в нежном возрасте, когда я гулял с псом в парке. Пес сделал кучку, на что я решил не обращать внимания, и мы было отправились дальше, но тут нас нагнал какой-то мужчина и потребовал, чтобы я вернулся и убрал следы робачьей жизнедеятельности. «Что, если все будут позволять своим собакам гадить в парке?» возмущался он. Уже тогда, склонный к умозрению, я попытался представить эту картину и быстро понял логику прохожего. Мне нравился парк, и я не хотел бы, чтобы мою любимую бейсбольную площадку покрывал слой собачьих экскрементов. ...Я вернулся и убрал за собакой. Тогда я не догадывался, что на меня подействовала упрощенная версия кантовского категорического императива. Правда, он все-таки содержит нечто большее, чем вы могли предположить из описанного случая. Воспользуемся одним из примеров самого Канта.

Представим, говорит он, что некто хочет взять займы, но не собирается возвращать долг. Предположим, что этот человек спросит у себя: что, если каждый будет поступать так же: давать обещания, которые не собирается сдерживать? Тогда, должен будет признать некто, ему и в голову не придет просить деньги займы, ибо никто не примет всерьез его - или кого бы то ни было - обещание вернуть долг. Если принцип невыполнения обещаний превратить в универсальный закон, на прак-

Икс возникнет противоречие, которое уничтожит этот закон. Именно это противоречие, а не просто факт, что широкое распространение принципа невозвращения денег приведет к неприятным последствиям, было для Канта верным признаком аморальности этого принципа. Ложь аморальна, потому что мы не можем сделать ложь универсальной нормой.

Рассмотрим, важен ли этот принцип для Хауса. Список кандидатов на трансплантацию существует для того, чтобы принимать трудные, но необходимые решения - как распределять донорские органы из ограниченного запаса. Чтобы эти решения были моральными (по Канту, и большинство людей с ним согласятся), их следует принимать в соответствии с универсальными для всех кандидатов принципами. В общем, так это обычно и происходит. Эти принципы «Тем, у кого шансы на выживание выше, отдается предпочтение перед теми, у кого эти шансы ниже» и «При прочих равных условиях предпочтение отдается тем, чье состояние представляет большую угрозу для жизни» - выглядят соответствующими категорическому императиву, а такая система распределения донорских органов представляется «моральной» и «справедливой».

Напротив, если эта система допускает исключения (орган получает тот, кто богаче, даже если его шансы на выживание ниже, чем у человека со скромным доходом), мы сочтем ее несправедливой. Действительно, если бы врачи могли по своему желанию выбирать кандидатов на пересадку органов независимо от того, отвечают ли они установленным критериям, список потерял бы всякий смысл. В этом случае он не давал бы гарантии, что выбор обусловлен медицинскими показателями и (что более важно, с точки зрения Канта) перестал бы быть моральным. Врач, намеревающийся нарушить принципы внесения пациентов в такой список, оказался бы в той же ситуации, что и человек, собирающийся просить займы, не планируя отдавать долг. В обоих случаях универсализация действия несовместима с существующей практикой - никто не поверил бы ни единому обещанию, будь ложь нормой, и список кандидатов на

донорский орган стал бы обычной бумажкой, раз в него можно включить кого угодно.

Однако Хаус нарушает принципы отбора очередников, чтобы внести в список своих пациентов. Зная, что молодая бизнес-леди, нуждающаяся в пересадке сердца, страдает булимией, он нагло врет комиссии по трансплантации, утверждая, что никаких психологических факторов, дисквалифицирующих ее как кандидата, нет, хотя булимия считается серьезным психическим расстройством («Контроль»). В другом случае он с помощью гениального, но незаконного приема уменьшает размеры опухоли, чтобы женщине не отказали в операции («Метод Сократа»). Но, если каждый врач будет так поступать, это подорвет основную идею списка. Короче говоря, этические стандарты нашего любимого доктора несовместимы с медицинской этикой в ее западном понимании, основанной на правилах и здравом смысле. Вот почему даже Уилсон говорит, что Хаусу «следует перечитать этический кодекс» («Дети и вода в ванне» (1/18)).

Конечно, тот факт, что наш герой в своих поступках не руководствуется категорическим императивом, еще не делает его даосистом. Но Хауса нельзя отнести и к последователям другой великой этической системы Запада, утилитаризма, - есть парочка деталей, которые этому мешают. Начнем с того, что утилитарист сознательно старается поступать так, чтобы его действия принесли счастье максимально возможному числу людей. Сериал не дает оснований заподозрить Хауса в том, что он вообще задумывается о таких вещах. Диагност и к самой-то идее альтруизма относится с пренебрежением. Про врача, который в лучших традициях утилитаризма лечит туберкулез в Африке, он говорит: «Великий филантроп так же эгоистичен, как все остальные, только менее откровенен» («Туберкулез или не туберкулез»). Так что утилитарист из Хауса никакой.

Но, оставив Запад и обратившись к Востоку, мы видим кое-какие параллели между хаусовским процессом принятия решений и даосистской этикой. «Дао дэ цзин» говорит, что мудрецы равнодушны к общепринятым представлениям о морали⁶, а поступки людей должны подчиняться естественной необходимости. Далек

от общепринятой морали и Хаус, который не только учит свою команду «лгать, хитрить и красть», но и сам не чурается таких методов. Еще показательнее, что некоторые из самых шокирующих заявлений Хауса, касающиеся его отношения к пациентам, - отголоски «Дао дэ цзин». Когда у него спрашивают, как он может лечить тех, кого даже не видел, он отвечает: «Это просто, если вам на них наплевать» («Бритва Оккама»), а человеку, который только что принял самое тяжелое в жизни решение, может заявить: «Мне нужно сердце вашей жены» («Секс убивает» (2/14)).

Такое равнодушие, без сомнения, многим зрителям кажется одной из самых неприятных черт Хауса, но поразительно напоминает одно место из «Дао дэ цзин»: «Мудрецы относятся к простым людям как к соломенным собакам»^{7*} Соломенные чучела собак были жертвенными объектами, «к которым во время обряда жертвоприношения относились с почтением, а после церемонии бросали как мусор, и люди топтали их ногами»⁸.

Сходным образом, хотя Хаус порой и рискует ради своих пациентов карьерой, он явно поступает так не из-за личной заботы о человеке, которого он вскорости выбросит из головы.

Какие доводы можно привести в защиту такого подхода? Мудрец-даосист заменяет существовавшую мораль своим суж-

* Встречающиеся в переводах «Дао дэ цзин» «соломенные собаки» восходят к примечанию из «Хуайнань-цзы» («Философы из Хуайнани») - философского трактата, написанного во II в. до н.э. при дворе Хуайнаньского князя. Само наличие комментария говорит о том, что выражение не было идиоматичным и нуждалось в объяснении. Возможно, мы имеем дело с заблуждением, которому почти XXII века, и стоит предпочесть другой перевод: «трава и собаки». Ср. перевод Ян Хин-шуна: «Небо и Земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам возможность жить собственной жизнью. Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью» и его примечание: «В оригинале содержатся два иероглифа «чу гоу», которые в одних комментариях трактуются как «трава» и «собака», а в других - «соломенная собака», которая по древнекитайскому обычаю используется при похоронах, после чего выбрасывается. В том и в другом случае «чу гоу» в данном контексте означает существ, в жизнь которых не вмешиваются ни небо, ни земля, ни совершенномудрый». *Цит. по:* Хин-шун Ян. Дао дэ цзин / Пер. с древнекитайского // Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972. Т 1. - *Прим. пер.*

дением не просто потому, что это его суждение, но потому, что оно гармонирует с путем Неба, Дао. В Дао-вселенной мудрый становится мерилем добра и зла, хорошего и дурного. На Западе многим трудно принять такую идею, и не без оснований, но в восточной культуре у концепции «мудреца как эталона» долгая и славная история. Но что насчет Хауса? Мы знаем, что ложной скромностью он не страдает и считает себя высшим авторитетом в своей области, экспертом, чьему суждению следует доверять. Такой авторитет может не занимать себя общепринятой моралью и не тревожиться из-за того, как отразится его поведение на окружающих, ибо знает, что поступает в соответствии с высшим законом. Конечно, это уж очень хорошее мнение о себе. Но для того, кто называет себя Миком Джаггером диагностики («Спортивная медицина» (1/12)), сравнение с мудрецом-даосом не будет сильной натяжкой. Возможно, даже наоборот.

Дао диагностики

Для чего мы живем? Начиная с Аристотеля⁹, западная философия единодушно отвечает: цель человека - счастье. И хотя в определении счастья консенсуса нет и не предвидится, достаточно популярен ответ, данный философами-утилитаристами XIX века Иеремией Бентамом и Джоном Стюартом Миллем. Согласно философии утилитаризма, счастливая жизнь та, что приносит максимум удовольствия и минимум страдания. Похоже, что этим определением руководствуются коллеги, сотрудники, друзья, пациенты и даже случайные встречные, когда называют Хауса «несчастливым». Действительно, ни одно другое слово, ни «наглый», ни «грубый», ни даже «гад», не используется так часто для описания Хауса, как «несчастный». Несомненно, многие считают хромого доктора несчастным потому, что он постоянно испытывает сильную физическую боль, но люди понимают, что он страдает и душевно: закрытый, раздражительный, одержимый и, как он сам говорит, «без лич-

мой жизни» («Проклятый»). В конце третьего сезона Форман уходит от Хауса именно потому, что диагност не в состоянии жить в соответствии с утилитаристскими стандартами благополучия: испытав минутное счастье от решения очередной загадки, он снова возвращается к привычному для него состоянию неудовлетворенности. Но, хотя в общепринятом понимании Хаус - неудачник, чья жизнь не соответствует критериям счастливой, стоит прислушаться и к мнению меньшинства, самым убедительным образом выраженному знаменитым джазовым исполнителем, распознавшим в Хаусе родственную душу: «У нас одна общая черта: мы оба одержимые. У нормальных людей есть работа, жена, дети, хобби - потому что им не досталось страсти, той единственной, жестокой и настоящей вещи, ради которой стоит жить. У меня есть музыка, у вас - это [диагностика, разгадывание медицинских головоломок - прим. ред.]» («Отказ от реанимации»). Жизнь Хауса здесь оценивается как более счастливая, чем существование большинства людей. С точки зрения утилитаристского и прочих западных стандартов счастья это утверждение доказать было бы очень трудно, но оно идеально вписывается в философию Дао. Фактически даосизм говорит очень мало о счастье или о родственных ему понятиях, а цель жизни видит в постижении Дао.

Кипы томов посвящены рассуждениям о том, что именно под этим подразумевается. Остановимся только на одном примере, который часто используют для описания Дао деятельности - Дао настоящего мастера. В классическом даосском трактате «Чжуан-цзы» рассказывается о поваре Дине. Хороший повар меняет нож каждый год, обыкновенный - каждый месяц, но Дин так умело разделывает туши, что его нож уже девятнадцать лет остается острым, будто только что сошел с точильного камня. Дин действительно необычный специалист, он разделывает тушу, полагаясь не на глаза, а на дух: «Когда я <...> стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я смотрю на него, а понимаю его разумом, не воспринимаю его органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными

волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо...»¹⁰ Каким бы необычным ни казался такой *modus operandi*, он работает, а повар Дин считается настоящим приверженцем Дао. Поскольку у всех занятий есть свои Дао, мы вправе ожидать, что есть и Дао диагностической медицины. Взяв за образец повара Дина, можно предположить, что в Дао диагностики личная страсть сочетается с объективным опытом и нестандартной методологией.

Выходит, Хаус и вправду даосист? Нет, конечно. В даосизме много такого, что к Хаусу неприменимо, но, по правде говоря, я сомневаюсь, что героя Хью Лори удастся втиснуть в рамки какого-то одного философского течения (и этим в значительной степени объясняется его притягательность). Но, выйдя за пределы западного мировоззрения, мы, может быть, получим более полное и сбалансированное представление об этом неуравновешенном, но необыкновенно интересном индивиду¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1-3. Dao De Jing, перевод и комментарии Роджера Т. Эймса и Дэвида Л. Холла (New York: Random House, 2003). Пер. на русский: Ян Хин-шун. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия. В 2-х тт. М.: Мысль, 1972. Т. 1.
4. The Analects of Confucius, перевод и предисловие Роджера Т. Эймса и Генри Роузмонта (New York: Random House, 1998).
- 5-8. Дао дэ цзин.
9. «Относительно названия сходятся, пожалуй, почти все, причем как большинство, так и люди утонченные называют [высшим благом] счастье». *Цит. по:* Аристотель. Никомахова этика // Сочинения. В 4-х тт. М., 1975—1984. Т. 4.
10. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуан-цзы (VI-IV вв. до н.э.) / Главная редакция восточной литературы. М., Наука, 1967.
11. Я написал это эссе, когда в составе Корпуса мира работал в Сычуаньском университете Чэнду в Китае, и хочу поблагодарить всех, кто помогал мне понять даосизм и вдохновлял. Моя особая благодарность Спенсеру Брейнару и Софи Тонг.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«ТАКОВА ПРИРОДА МЕДИЦИНЫ - ОДНАЖДЫ ВЫ ОБЛАЖАЕТЕСЬ»: ХАУС И ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

«ТЫ ЗАБОТИШЬСЯ ОБО ВСЕХ» КЭМЕРО И ЭТИКА ЗАБОТЫ

Rene Kайл

Ребекка. Он хороший человек?

Уилсон. Он хороший врач.

Ребекка. Разве может быть одно без другого?

Разве вы не должны заботиться о людях?

Уилсон. Забота - хороший мотиватор. Он нашел кое-что другое.

Пилотный эпизод

Хаус не любит пациентов. Он вообще не любит людей. Он циничный, самоуверенный и мрачный тип. Временами он совершает бесчеловечные поступки. Но, если есть медицинская загадка, Хаус то, что нужно. И все же, окажись мы на смертном одре, захотим мы, чтобы рядом был Хаус? Такого ли доктора мы предпочтем?

Ответ на этот вопрос, скорее всего, будет отрицательным, и предпочтем мы, наверное, Эллисон Кэмерон. Хаусу плевать на пациентов, Кэмерон заботится о каждом. Она выполняет свою работу и обдумывает моральные проблемы, которые работа перед ней ставит, чисто по женски. Такой подход свойственен феминистской этике.

Доктору не «виднее»

Этика - раздел философии, изучающий вопросы морали, добра и зла, жизненных ценностей и принципов. Феминистский подход к этике заключается в том, что проблемы морали рассматриваются через призму гендера, или «социального пола», - той совокупности общественных и культурных норм, которые общество предписывает людям в зависимости от их биологического пола. Так, традиционный подход к этическим проблемам суррогатного материнства сосредоточится на выяснении, является ли оно «продажей ребенка», феминистский же анализ, кроме этого, рассмотрит его влияние на жизнь участвующих в нем женщин.

Все феминистские подходы к этике направлены на то, чтобы после пристрастного изучения покончить с системами, подавляющими и притесняющими женщин. Феминистки специалисты по биоэтике - привлекают внимание общества к способам, какими система здравоохранения вносит свой вклад в угнетение женщин. Сферы их особого интереса - исследования генома, прерывание беременности и отношения «доктор - пациент». Природа таких отношений и лежащие в их основе ценности наглядно выявляют разницу между врачебной деятельностью Хауса и Кэмерон.

Традиционно отношение «доктор - пациент» наделяет первого властью, основанной на научном (медицинском) знании, и отвергает субъективное, экспериментальное знание второго. Поскольку большинство врачей - мужчины, а большинство пациентов - женщины, это отношение укрепляет тендерное неравенство, отдавая предпочтение «маскулинному» знанию над «фемининным»¹. Хаус, как мы все прекрасно знаем, крайне редко прислушивается к мнению пациентов об их болезнях. В эпизоде «Будь что будет» (3/6) страдающий от ожирения мужчина предлагает свою версию причин его загадочного заболевания. Хаус презрительно отмахивается, спрашивая: «В гастрономах в нагрузку к индейкам теперь стали выдавать ме-

дицинские дипломы?» В пилотном эпизоде диагност грубостью подкрепляет свою власть над пациенткой, отказывающейся от очередных анализов. По мнению Хауса, ее отказ ставит под вопрос его опыт и авторитет:

Хаус. Я доктор Хаус.

Ребекка. Приятно познакомиться.

Хаус. Вы ведете себя как идиотка. У вас ленточный червь в мозгу. Это неприятно, но, если ничего не делать, вы умрете к концу недели.

Ребекка. Вы видели этого червя?

Хаус. Когда вам станет лучше, я покажу вам мои дипломы.

Ребекка. Перед этим вы говорили, что у меня васкулит. Теперь я не могу ходить и мне приходится носить подгузники. Что со мной сделает ваше новое лечение?

В эпизоде «Семья» Хаус выговаривает Уилсону, доказывая, что врачам виднее, что именно с пациентами не так, следовательно, непосредственная врачебная обязанность - убедить пациента принять «правильное» решение:

Хаус. Нужно было всего лишь сказать: «Да, рекомендую». Бог свидетель, эту фразу ты достаточно часто говорил.

Уилсон. И каждый раз был не прав. Хватит уже, они сказали: «Да».

Хаус. Тебе же этого мало! Тебе нужно еще, чтобы они при этом хорошо себя чувствовали.

Уилсон. Я лечу пациентов месяцами, годами, а не неделю, как ты.

Хаус. А я ростом выше.

Уилсон. Без их доверия я не смогу работать.

Хаус. Единственный прок от доверия пациентов - в том, что врач может ими манипулировать.

Уилсон. Тебе бы поздравительные открытки сочинять.

Хаус. Давать родителям шанс сделать неверный выбор - плохое решение.

Уилсон. По крайней мере, они бы сами сделали выбор.
Хаус. И пожалели бы об этом на похоронах сына.

Хаусовский подход «доктору виднее» кажется особенно неэтичным, потому что сам он отказывается общаться с пациентами. Вместо этого он рассчитывает, что отношения с пациентами установит его команда, поэтому посылает своих «утят» собирать информацию, объяснять суть лечения и получать согласие. Свободный от обязательств, налагаемых заботой о пациентах, Хаус может заняться складыванием кусочков медицинского пазла. Когда же ему все-таки приходится говорить с больными, их беседа редко напоминает те, что вел добрый доктор Айболит.

Хаус пребывает в постоянном конфликте с Кэмерон, самым заботливым «утенком». Не случайно все стычки босса с подчиненной из-за отношения к пациентам разыгрываются по тендерным нотам. Кэмерон в своей профессиональной деятельности руководствуется этикой, в рамках которой решения принимаются на основе взаимоотношений между людьми, а это типично женское поведение.

«Он выглядит так, как будто ему... не наплевать»: этика заботы

Первой тему этики заботы подняла Кэрол Гиллиган, написавшая в своей книге «Иным голосом», что моральное развитие у женщин происходит иначе, чем у мужчин. Гиллиган и другие феминистки утверждают, что этическая теория заиклена на традиционном (мужском) подходе к моральному суждению, требующем применения абстрактных, универсальных правил и апеллирующем к идеям беспристрастности, независимости и законности, тогда как для женщин главное - забота о ближнем². Например, рассмотрим ситуацию, когда бедняку не на что купить хлеб и он раздумывает, не украсть ли ему буханку, чтобы накормить семью. Человек, рассуждающий с традиционных позиций этики справедливости, наверняка придет к вы-

воду, что, хотя накормить семью важно, воровать хлеб нельзя, поскольку воровство безнравственно. (Стоит отметить, что Хаус не следует этике справедливости - его манипулирование Кадди и Уилсоном и обман, на который он идет, чтобы удовлетворить свою зависимость от викодина, показывают, как мало его заботит нравственность в традиционном понимании.)

В ходе нескольких опросов Гиллиган обнаружила, что женщины реже, чем мужчины, руководствуются этикой справедливости и зачастую выражают свое суждение исходя из взаимоотношений с окружающими. Таким образом, Гиллиган доказывает, что этика справедливости тяготеет к маскулинному языку и действиям, а поэтому не должна возводиться в абсолютную норму. По ее мнению, философия морали, игнорируя на протяжении всей своей истории точку зрения женщин, сослужила самой себе плохую службу, не сумев найти альтернативных путей нравственного развития. В надежде, что голоса женщин хотя бы теперь будут услышаны, Гиллиган и разрабатывает понятие этики заботы.

Этика заботы утверждает наши обязанности перед другими людьми, придает значение переживаниям тех, кто заботится, и тех, о ком заботятся, и доказывает, что самоидентичность достигается через отношения человека с другими³.

Работа Кэмерон убедительный пример влияния этики заботы на врачебную практику. Она из всех сил старается установить доверительные отношения с пациентами, последовательно выступает на их стороне и отказывается хитрить, лгать и давить на них ради чего бы то ни было, даже когда ей приказывают так делать. Как отмечает Хаус, Кэмерон, столкнувшись с проблемой, всегда пытается найти решение, которое причинило бы минимальный вред всем сторонам: «Несложно догадаться, что ты бы попыталась придумать такое решение, при котором никому не будет больно» («Тяжелая» (1/16)).

Эллисон ценит свои отношения с пациентами, и ее способность искренне о них заботиться забавляет, обескураживает и раздражает Хауса. В своей профессиональной деятельности она руководствуется чувством ответственности за пациентов, несмотря на их недостатки, сомнительный моральный облик и темное

прошлое. В «Информированном согласии» Хаус рассказывает Кэмерону, что их пациент, Эзра Пауэлл, ученый с мировым именем, когда-то проводил опыты на младенцах, вводя им в кровь радиоактивные вещества. Хаус подкидывает эту информацию в надежде, что Кэмерон перестанет так печься о пациенте:

Кэмерон. И вас это не возмущает?

Хаус. Неважно, что я думаю. Важно, что думаешь ты.

Кэмерон. Развенчали его в моих глазах и думаете, что я буду вам помогать? Ошибаетесь. Пациент поступил плохо, но это ничего не меняет. Он по-прежнему заслуживает право распоряжаться собственным телом.

Кроме того, Эллисон умеет распознавать и удовлетворять специфические потребности других людей, возникающие в контексте отношений «доктор - пациент». Похоже, Хаус завидует этой способности, но не может (или не хочет?) развивать ее у себя. Так, в эпизоде «Материнство» команда наперегонки со временем пытается определить возбудителя эпидемии, поразившей новорожденных. Чтобы не дать инфекции распространиться, родителям запрещено контактировать с детьми. Кэмерон, в защитной одежде и перчатках, вместе с Чейзом снимает показания приборов у одного из младенцев и замечает, что из-за стеклянной стены изолятора на них смотрят родители девочки. Мы понимаем, что она мгновенно прониклась их переживаниями, когда говорит Чейзу: «Представь, каково это - не иметь возможности прикоснуться к собственному ребенку!» Чтобы обеспечить родителям хотя бы мимолетный контакт с больным ребенком, Кэмерон просит их поддержать девочку, пока медсестра меняет ей пеленки. Хаус предполагает, что эмпатия Кэмерона объясняется скорее тем, что она сама побывала в сходной ситуации, чем особенностями ее характера:

Хаус. Чейз рассказал мне, как ты предложила родителям поддержать младенца. Откуда ты это взяла? Потеряла кого-то? Потеряла ребенка?

Кэмерон. Умееете вы быть настоящим ублюдком...

Вторую попытку Хаус делает в «Будь что будет»:

Хаус. Ладно, сдаюсь! Так кто это был? У кого в твоей семье были проблемы с лишним весом?

Кэмерон. Вы думаете, что я могу заботиться о пациенте, только если знаю кого-то с такой же проблемой?

Хаус не верит, что отношения между врачом и пациентом обязывают первого заботиться о последнем. В тех редких случаях, когда Хаус проявляет заботу о пациенте, это объясняется неким сходством между ними. Например, на возникновение связи между Хаусом и Патриком («Недоумок») влияет общая любовь к игре на пианино. Аналогично собственный опыт внезапно обрушившейся инвалидности помогает Хаусу найти подход к Марку («Принцип необходимого знания» (2/11)). Если же такой параллели Хаус провести не может, пациент его, похоже, вообще не заботит.

В то время как для нашего любимого доктора (в абсолютном большинстве случаев) пациент - абстрактный индивид, Кэмерон видит каждого в сложной сети семейных и социальных отношений. Когда речь идет о принятии моральных решений, этика заботы заставляет прислушиваться к требованиям тех, о ком мы заботимся, и избегать причинения им вреда. Для Кэмерон этот принцип настолько важен, что она приходит в ярость, когда лесбиянка Ханна соглашается на пересадку части печени от своей подруги Макс, с которой втайне уже решила расстаться («Не будите спящую собаку») и упрекает Ханну в эгоизме и отказе признать свои обязательства перед Макс.

Кэмерон. Тебя совсем не волнует, через что сейчас проходит Макс? Ей в прямую кишку засовывают трубку. Потом из ее желудка возьмут мазок. Ей будет больно, очень больно. Но это ничто по сравнению с тем риском, на который она идет, ложась на сррерацию. Ты ведь совсем не любишь ее, так ведь?

Ханна. Я от нее ухожу не потому...

Кэмерон. Я не говорю о разрыве, я говорю об операции.

Если бы ты хоть немного о ней заботилась, ты бы не позволила ей пойти на это вслепую.

Ханна. А ты бы сказала?

Кэмерон. Да.

Ханна. И умерла бы?

Вопрос Ханны подводит нас к еще одной важной проблеме:

Не чрезмерна ли забота Кэмерон?

Большинство феминисток оценили концепцию этики заботы как важный вклад в философию, поскольку она описывает женский опыт и вводит его в ту область знаний, где женщинам, по большей части, до сих пор не находилось места. Разумеется, и у этики заботы нашлись критики. Многие феминистки беспокоит (и вполне оправданно!), что, если теорию, базирующуюся на такой типично женской черте, как заботливость, ставить выше других видов морального суждения, женщины могут решить, что они должны заботиться о других всегда и везде, даже во вред себе⁴.

Поведение Кэмерон в некоторых ситуациях хорошее этому подтверждение. Снова обратимся к эпизоду «Материнство». Хаус требует, чтобы Эллисон сообщила родителям, что их ребенок очень болен и вряд ли доживет до следующего дня. Кэмерон не говорит родителям о всей серьезности ситуации, и Уилсон упрекает ее:

Уилсон. Эллисон, их ребенок умирает! Если родители не плачут после того, как ты ушла, значит, ты не сказала им правду.

Кэмерон. Мне так не кажется.

Уилсон. Ты хочешь, чтобы они оставались в неведении? Хочешь, чтобы они потом пришли и сказали: «Боже, наш ребенок умер, почему же вы нас не предупредили?»

Кэмерон. Значит, теперь мы беспокоимся, будут ли они на нас кричать?

Уилсон. Нет, мы беспокоимся о том, готовы ли они к возможной смерти их ребенка.

Кэмерон. Если их сын завтра умрет, думаете, их будет волновать то, что я им сегодня сказала? Им уже будет все равно, для них все изменится навсегда. Дайте этим бедным людям несколько часов надежды.

В дальнейшем мы узнаем, что муж Кэмерон умирал от рака на ее глазах, и понимаем, что этот опыт влияет на ее взаимоотношения с умирающими и их близкими. Этика заботы побуждает тщательно обдумывать каждое решение, особое значение придавая эмпатии⁵. Во взаимоотношениях Кэмерон с умирающими пациентами смущает не то, что они основаны на ее личном опыте, а то, что она позволяет эмоциям взять верх над способностью рассуждать здраво и действовать профессионально. В эпизоде «Принятие» (2/1) Кэмерон должна сообщить молодой женщине по имени Синди, что у той последняя стадия рака. Увидев в палате смеющихся Синди и Кэмерон, Уилсон подозревает, что Эллисон не сказала женщине правду о ее диагнозе:

Уилсон. Я так полагаю, ты ей это сейчас сообщала?

Кэмерон. Ну... я еще не дошла до главного, но я просто...

Уилсон. Чем ты занималась? Налаживала дружбу?

Кэмерон. Синди разведена. Ни детей, ни братьев и сестер, родители умерли...

Уилсон. Быть подругой - это не твоя работа. И оно этого не стоит. Понимаешь?

В этот момент Кэмерон и признается Уилсону, что, если бы она не вышла замуж за своего друга, он умер бы в одиночестве - совсем как Синди. В этой ситуации Кэмерон не решает абстрактную моральную проблему в новом контексте - она воскрешает в памяти собственный опыт и не может отделить эмоции от ситуации, требующей ее вмешательства. Ее личная история мешает выполнять врачебные обязанности. Разумеется, Кэмерон не следует совсем игнорировать роль эмпатии при

решении нравственной проблемы: эмоции действительно могут помочь определить потребности других, научить иному видению. Тем не менее, чрезмерная заботливость Кэмерон часто дорого ей обходится. По мере развития сериала эта чрезмерность все чаще подталкивает ее к использованию хаусовских приемов во имя «заботы» о пациентах. В эпизоде «Будь что будет» Кэмерон тайно (и нарушая закон!) делает укол пациенту, чтобы не дать ему покинуть больницу: «Я думала, что ему нельзя выписываться, и ввела три грамма фенитоина. Я не могла позволить ему уйти». Увы, чрезмерная забота о пациентах делает Кэмерон похожей на Хауса.

«По сути ты плюшевая игрушка, сшитая доброй бабушкой»

Видимо, самым разумным будет признать отсутствие универсального подхода к моральному суждению, который гарантировал бы благополучие всех сторон. Но Кэмерон привлекает наше внимание к этике заботы и являет собой столь желанный контраст Хаусу. Давайте же надеяться, что, прикрываясь заявлениями вроде того, что Кэмерон - не больше чем «плюшевая игрушка, сшитая доброй бабушкой», Хаус чему-то учится у нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Susan Sherwin, "The Relationship of Feminism and Bioethics", in *Feminism and Bioethics: Beyond Reproduction*, ed. Susan M. Wolf. New York: Oxford Univ. Press, 1996. (Шервин С. Взаимосвязь феминизма и биоэтики // Феминизм и биоэтика: Проблемы репродукции.)
2. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // *Этическая мысль: Научн.-публицист. чтения*. 1991. М.: Республика, 1992.
3. Virginia Held, *The Ethics of Care: Personal, Political and Global*. New York: Oxford Univ. Press, 2006. (Хелд В. Этика заботы на личном, государственном и глобальном уровне.)
4. Sandra Lee Bartky, *Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression*. New York: Routledge, 1990. (Бартки С. Фемининность и доминирование: Исследования феноменологии подавления.)
5. Хелд В. Этика заботы на личном, государственном и глобальном уровне.

ИНТУБ РОВАТЬ ИЛИ НЕ ИНТУБИРОВАТЬ: ПРИНЦИПЫ И ПРИ РИТЕТЫ ХАУСА

Барбар Сток и Тереза Берк

Принципы

В эпизоде «Отказ от реанимации» Хаус интубирует знаменитого трубача Джона Генри Джайлса, несмотря на просьбу пациента позволить ему спокойно умереть. Члены команды, особенно Форман, протестуют:

Форман. Вы ввели ему трубку, а он не хотел, чтоб его интубировали! У него Официальная бумага с отказом от реанимации!

Хаус. Интубировать|или не интубировать - вот в чем большой этический вопрос! Я вообще-то надеялся, что мы сможем избежать этого. Может, просто займемся лечением?

Разумеется, Хаус поставит Джайлсу верный диагноз, вылечит его, все закончится наилучшим образом и благодарный музыкант подарит доктору свой саксофон. Но счастливый конец не отменяет того факта, ^то с точки зрения закона Хаус нанес

пациенту «оскорбление действием», засунув в горло трубку без (*то согласия. Был ли этот поступок безнравственным?

«Большой этический вопрос» возникает из-за конфликта двух идей, каждая из которых по отдельности не вызывает возражений: 1) врачи должны делать то, что наилучшим образом отвечает интересам пациентов, и 2) пациенты имеют право контролировать то, что врачи делают с их телами. Разрешение этой дилеммы невозможно без присвоения приоритета нашим идеалам. Тут мы вступаем в сферу биоэтики - области философии, включающей этический анализ медицинских решений.

Принципизм*, хорошо известный в биоэтике подход, сводит этическое поведение к следующим правилам: никому не вредить, помогать людям, позволять им принимать собственные решения и быть справедливым. Биоэтики часто называют эти принципы «благодеянием», «невреждением» (или «непричинением вреда»), «автономией» и «справедливостью»¹. Большинство самых ярких моментов сериала («Поверить не могу, что он это сделал!») связаны с тем, что Хаус беспечно эти принципы нарушает.

Непричинение вреда, самый древний принцип этического поведения, возводят к античной врачебной заповеди *primum non nocere* - «Прежде всего - не навреди!». Его можно трактовать узко («никогда не наноси вред») или широко («не рискуй, наноси только тот вред, который однозначно оправдан медицинскими показателями»). Врач, понимающий этот принцип буквально, не станет, к примеру, ампутировать гангренозную конечность, в то время как приверженец более свободной трактовки сочтет вред от ампутации оправданным. Когда Хаус намеревается сделать биопсию спинномозгового нерва пациентке с врожденной нечувствительностью к боли, что неоправданно диагностически

*Principlism - термин не настолько популярный в России, чтобы его перевод на русский устоялся, и в литературе можно встретить и «принципизм», и «принципализм», и даже «принциплизм». Переводчик ориентировался на перевод статьи Оноры О'Нил «Практические принципы и практическое суждение», опубликованной в сборнике «Этическая мысль» (Вып. 3. М: ИФ РАН, 2002). - *Прим. пер.*

и может вызвать паралич, он нарушает этот принцип в обеих его интерпретациях («Бесчувственная» (3/14)).

Если принцип невреждения требует просто стараться не сделать хуже, принцип благодеяния требует действовать и помогать. Как правило, Хаус придерживается принципа благодеяния, хотя пациент с тараканом в ухе наверняка рассчитывал на более расторопное применение этого принципа. Чтобы в очередной раз увильнуть от своих обязанностей в амбулатории, Хаус вызвал у этого пациента паралич и устроил показательный дифференциальный диагноз, хотя знал ответ заранее («Один день, одна комната»).

Автономия, принцип уважения к пациенту, гласит, что люди должны иметь право контролировать свою жизнь. Врачи не могут просто начать лечить пациента - они должны сообщить обо всех существующих возможностях и подчиниться его решению - этот процесс называется получением информированного согласия. Интубируя Джайлса, Хаус нарушает этот принцип.

Принцип справедливости требует, чтобы медицинские ресурсы были равно доступны всем, а затраты на их поддержание в должном объеме не ложились бременем на какую-то одну часть общества. Понятно, что следовать ему трудно: потребности людей в медицинском обслуживании различны. Принцип утверждает справедливое распределение ресурсов, но не объясняет, как эти ресурсы поделить. В качестве иллюстрации этого принципа (а точнее - его несоблюдения) вспомним ситуацию с МРТ-сканером, дорогостоящим аппаратом, который Хаус и его команда так любят ломать («Эйфория, часть I» (2/20)):

Чейз. Магнитно-резонансный сканер вышел из строя по меньшей мере на две недели.

Хаус. Уже не важно. Мы явно не сможем сделать МРТ этому пациенту.

Кэмерон. Нет... но в больнице есть другие врачи и другие пациенты.

При справедливом подходе Хаусу следовало бы принимать во внимание потребности окружающих.

Благодеяние важнее невреждения

Принципы и приоритеты Хауса не всегда ясны, но один кажется очевидным: Хаус уверен, что благодеяние важнее, чем непричинение вреда. В «Куда ни кинь» он заявляет, что клятва Гиппократова его «не впечатлила» (при этом он и слов ее толком не знает) и что почти все выписываемые им лекарства либо опасны, либо вызывают привыкание. Другими словами, он всегда готов рискнуть причинить вред пациенту ради того, чтобы в перспективе ему помочь. Хаус игнорирует принцип непричинения вреда не только в строгой его трактовке, но и в мягкой, ибо осторожность не входит в список хаусовских достоинств. Мы видели, как он назначает очень болезненную колоноскопию без анестезии, стирает память электрошоком, намеренно ухудшает состояние больного ребенка. Тем не менее первенство благодеяния перед непричинением вреда не означает, что Хаус только и делает, что вредит своим пациентам. В эпизоде «Отвлекающие раздражители» (2/12) обширные ожоги пострадавшего делают обычные диагностические тесты слишком опасными, поэтому Хаус и его команда ищут альтернативные методы получения необходимой информации. Но, как бы то ни было, уменьшение вреда не является его главным приоритетом. Если страдания, причиняемые процедурой, уравниваются потенциальной пользой, Хаус назначает процедуру.

Благодеяние важнее автономии?

Когда доходит до выбора между благодеянием и автономией, приоритеты Хауса менее четки. Чаще всего он выбирает благодеяние, относясь к процедуре получения информированного согласия как к очередной нелепой помехе. Порой он нагло игнорирует решения пациентов, как в случае с интубацией Джайлса или с введением в кому Эзры Пауэлла, чтобы провести процедуру, от которых тот недвусмысленно отказался («Официаль-

ное согласие» (3/3)). Порой он просто лжет, например говорит бейсболисту, что назначенный ему гормональный препарат люпрон - все равно что витаминная добавка, «молочко с кальцием» («Спортивная медицина»). И конечно, Хаус не прочь запугать пациентов и их родных, чтобы быстрее получить согласие, или заручиться помощью Уилсона в манипулировании ими.

Хаус явно не считает автономию своих больных чем-то заслуживающим первостепенного внимания; для него важнее их благополучие. Он скорее сделает то, что для пациентов лучше, чем то, чего они хотят. Почему между желаниями людей и их действительными потребностями часто такая пропасть? Да потому что они идиоты!

Но порой и Хаус готов принять решение пациента, даже если оно не удовлетворяет его интересам. Яркий пример - Ребекка Адлер из пилотного эпизода.

Хаус предполагает, что у девушки свиной цепень в мозгу. Хотя у него нет доказательств, он готов подтвердить свою гипотезу относительно безопасным лечением. Ребекка, которая после нескольких неверных диагнозов скептически относится к идеям Хауса, отказывается от терапии, предпочитая выписаться из больницы и умереть дома. Хаус пытается переубедить ее, но не особо настаивает, даже когда члены команды предлагают способы принуждения:

Форман. Может, нам получить решение суда? Пойти против ее желания, сказать, что она не способна принять решение...

Хаус. Но она способна.

Кэмерон. Но мы можем сказать, что болезнь сделала ее неменяемой.

Форман. Так часто бывает.

Хаус. Не в этом случае.

Уилсон. Хаус на это не пойдет. Она больше не медицинский случай для него. Он ее уважает.

Кэмерон. Так из-за того, что вы ее уважаете, вы позволите ей умереть?

Хаус. Я решил это дело. Моя работа здесь закончена.

Отличает ли что-то Ребекку от других пациентов или это просто каприз Хауса? Объяснение Уилсона не выдерживает критики. Хаус уважает Джайлса и Пауэлла больше других своих пациентов, но игнорирует их решения.

Да, Хаус занимает твердую этическую позицию, но основана она на исключительно своеобразном понимании принципа автономии. Так, в традиционной трактовке доктрина информированного согласия требует, чтобы согласие пациента на медицинское вмешательство было сознательным, добровольным и информированным. Для получения такого согласия медики должны сообщить пациенту диагноз, разъяснить цели, риски, альтернативные методы и возможные последствия лечения и спрогнозировать дальнейшее развитие событий в случае отказа от предлагаемых назначений. Тут как минимум два узких места: соглашение может оказаться недобровольным, как в случаях, когда пациента вынудили его дать, либо недостаточно информированным, если данные, предоставленные пациенту, были неточными или неполными.

Хаус считает, что пациент не является полностью информированным, пока болезнь не диагностирована. У Эзры Пауэлла нет диагноза. Поскольку он не знает, что именно с ним не так, его решение умереть не является обоснованным. Лечащий врач Джона Генри Джайлса диагностировал у него болезнь Лу Герига, но Хаус считает, что врач ошибся. Поэтому Джайлс, принимая решение об отказе от реанимации, был дез-информирован, и его отказ недействителен. Ребекка же обладает всей информацией, которую Хаус может ей предоставить. Главное отличие случая Ребекки от двух других сформулировано в последней реплике Хауса: «Я решил это дело. Моя работа здесь закончена».

Вдобавок к своеобразному пониманию информированности пациента, Хаус еще и крайне невысокого мнения о так называемом согласии по доверенности, когда за человека, который не может реализовать свое право выбора самостоятельно, решение принимает его представитель, обычно член семьи. Задача представителя пациента состоит в том, чтобы действовать

так, как, по его мнению, действовал бы сам пациент, будь у него возможность. У Хауса есть основания с подозрением относиться к этому процессу потому, что он знает, к каким последствиям это привело в его случае: согласившись на операцию по удалению омертвевшей мышцы, Стейси, представитель Хауса, поступила наперекор его решению («Три истории»). Доверенное лицо больного может и не нарушить выраженные пациентом желания напрямую, но может просто их не знать. Поэтому согласие по доверенности часто основывается на том, что сам человек считает лучшим для своего подопечного.

Хаус, никогда не забывающий о скрытых мотивах и способности людей к самообману, сомневается, что члены семьи знают, что действительно лучше для их родственника. Одно из редких исключений - эпизод «Недоумок», в котором гениальный диагност доверяет принятие решения об удалении поврежденного полушария мозга отцу пациента-саванта* В этом случае отец действительно лучше, чем кто бы то ни было, включая Хауса, может определить, что пойдет на пользу его сыну.

Благодеяние важнее справедливости?

Итак, мы знаем, что Хаус старит благодеяние выше непричинения вреда и, как правило, выше автономии. А как насчет справедливости? В реальном мире этот вопрос больше всего занимает людей при распределении ограниченных ресурсов. В мире сериала «Доктор Хаус» ресурсов почти всегда хватает.

*Савант - человек с синдромом саванта (savant syndrome). Это заболевание характеризуется экстраординарными способностями в одной или нескольких узких областях на фоне общей задержки умственного развития. Встречается у аутистов («аутистические саванты», яркий пример - герой Дастина Хоффмана в фильме «Человек дождя») и больных с синдромом Аспергера или является следствием повреждения мозга. Ранее таких людей называли «учеными идиотами» (калька с французского idiot savant), или «гениальными идиотами». «Синдром саванта», хотя столь же неточен терминологически, как и «ученый идиот», звучит более политкорректно. - *Прим. пер.*

11 и кто не задумывается о том, во сколько обходится Принстон-11лейнсборо содержание команды из четырех врачей, которые ведут пару-тройку пациентов в месяц и заказывают для каждого уйму дорогостоящих анализов. Никто - кроме председателя правления больницы Эдуарда Воглера. К несчастью для сторонников справедливого здравоохранения, Воглер по замыслу создателей сериала служит скорее личной Немезидой Хауса, чем средством исследования неравного доступа к медицинским ресурсам.

В тех редких случаях, когда Хаус задумывается о финансовой стороне здравоохранения, он с готовностью манипулирует системой, чтобы помочь тем, кто действительно нуждается, но нетерпим к халявщикам. Первая из этих взаимодополняющих установок показана в эпизоде «Трудности перевода» (2/10), где мы узнаем, что Хаус выписывает лекарства, оплачиваемые по программе Medicaid*, для нестандартного применения (например, виагру для улучшения работы сердца пожилой женщине), так что его пациенты получают то? что им нужно. В эпизоде «Ошибка» мы наблюдаем вторую тенденцию: Хаус в свойственной ему манере запугивает молодого человека, который тратит деньги на дорогие наручные часы и электронные игрушки типа MP3-плеера, но экономит на медицинской страховке. Раздражение Хауса может усиливать тот факт, что пациент использует бесплатный ресурс - больничное время, - которое мог бы с большей пользой использовать кто-то, кому помощь нужнее.

В тех редких случаях, когда в сериале затрагиваются вопросы распределения ресурсов, внимание сосредоточено не на больничном бюджете и не на вопросах медицинской страховки (зрителям было бы скучно!), но на куда более драматичной теме донорских органов. Принцип справедливости требует, чтобы этот ресурс распределялся беспристрастно. «Беспристрастность», однако, не означает случайного порядка. Донор-

* Medicaid - в США государственная программа бесплатной или льготной медицинской помощи малоимущим и членам их семей; осуществляется на основе компенсации затрат на лечение. - *Прим. пер.*

ские органы можно разыгрывать в лотерею или раздавать по принципу «кто первый встал, того и почки», но такие методы не гарантируют, что органы получат те пациенты, которые больше всего в них нуждаются. Так как же соблюсти справедливость?

Философ Джон Роулз (1921-2002) говорил, что мы можем оценить справедливость системы, задав вопрос: одобрит ли ее здравомыслящий человек, не зная, каким будет его статус в этой системе²? Представьте, что в какой-то момент вам может потребоваться пересадка и вы ничего не знаете о своем социальном и финансовом положении и о состоянии здоровья. Какую систему вы предпочтете? Вероятно, такую, где 1) приоритетом пользуются пациенты с самыми неотложными потребностями, 2) богатство пациентов и их положение в обществе не принимаются во внимание и 3) пациенты с хорошими шансами на успешный результат пересадки пользуются преимуществом перед теми пациентами, чьи шансы на выживание пересадка повышает незначительно либо не повышает вовсе. Учебная больница Принстон-Плейнсборо стремится проводить в жизнь политику распределения органов, удовлетворяющую всем перечисленным условиям. Поэтому комиссия по трансплантации всегда рассматривает целый комплекс факторов³. Некоторые обстоятельства, например болезнь, вызванная образом жизни пациента или его нежеланием лечиться, автоматически исключают его из списка кандидатов на пересадку, поскольку снижают шансы на долгосрочные положительные результаты (так, пациенту с зависимостью от виколина вряд ли дадут новую печень, чтобы он мог и ее разрушить).

В двух эпизодах мы видим, как Хаус борется за право своих пациентов на пересадку. Когда у Карли, энергичной бизнес-леди, страдающей булимией, находят тяжелую форму застойной сердечной недостаточности, спровоцированной приемом рвотного, Хаус идет в комиссию, чтобы защитить интересы Карли («Контроль»). Понимая, что поведение пациентки лишает ее права на пересадку сердца, Хаус лжет комиссии, чтобы спасти женщине жизнь, ставя благодеяние выше справедливости. Мы никогда не узнаем, привела ли ложь врача к тому, что другой кандидат на

мгресадку (полностью отвечавший критериям комиссии) умер 6-л* /донорского сердца. В эпизоде «Секс убивает» Хаус не доходит до обмана комиссии, чтобы его пожилой подопечный Генри получил новое сердце, но ясно дает понять, что роль врача - заботиться об интересах пациента, а не о мировой справедливости. После того как Генри отказывают в пересадке, между Хаусом и Кэмерон происходит следующий разговор:

Кэмерон. Я написала апелляцию совету директоров по решению комиссии по трансплантации. Сослалась на то, что предубеждение против вас повлияло на их врачебное мнение. Нужна ваша подпись.

Хаус. Они сделали правильный выбор.

Кэмерон. Вы же так не считаете. Вы сказали комиссии...

Хаус. Я защищал своего пациента. *(Подписывает апелляцию.)*

Кэмерон. Тогда почему вы...

Хаус. Защищаю своего пациента.

Хаус выступает скорее на стороне принципа благодеяния, чем справедливости, в обоих случаях он демонстрирует нехарактерную для него нерешительность. В первом он сам идет в палату, чтобы убедиться, что Карли действительно хочет жить, во втором - прямо говорит, что комиссия приняла верное решение. Это можно расценить как сомнения в том, что благодеяние важнее справедливости, но мы думаем, что точка зрения Хауса не столь однозначна: он считает, что, даже если приоритет принадлежит справедливости, не врачебное дело помогать ее торжеству. По Хаусу, дело врача - помогать своим пациентам, а не забивать себе голову идеями всеобщей справедливости.

Оценка риска: математический расчет

Прав ли Хаус, заявляя, что его не впечатлил принцип «не навреди»? Вероятно, лучше переформулировать этот вопрос: на-

сколько осторожным должен быть врач, если он рискует нанести пациенту вред своим вмешательством? Принцип непричинения вреда, даже в его мягкой (и, полагают авторы, более приемлемой) интерпретации, требует не рисковать без необходимости и всегда здраво оценивать возможные последствия. Даже самый осторожный человек согласится на небольшой вред или пойдет на небольшой риск, если в результате получит большое благо. Например, мало кто отказывается от прививок, хотя они приносят небольшой вред (боль) и сопряжены с невысоким риском очень серьезного вреда (смерть). Но осторожный человек воспротивится рискам, превышающим эти минимальные уровни.

Хаус идет на риск, зашкаливающий по меркам обычных людей: он не только с готовностью принимает небольшой вред или ничтожно малый риск очень серьезного вреда, но и назначает процедуры, которые сопряжены с высоким риском самых ужасных последствий. Так, в «Аутопсии» диагност останавливает сердце маленькой девочке (фактически убивает ее, хоть и на время), чтобы спасти ей жизнь. Разумеется, Хаус делает это в надежде, что пациенты в итоге получают большую выгоду - им поставят диагноз и вылечат. И он добивается своего. Его методы могут быть радикальными, но они спасают жизни - жизни, которые при более консервативном подходе были бы, скорее всего, потеряны.

Принцип «Полезность действий определяется их вкладом в общее благо» лежит в основе этической теории, известной как утилитаризм. Согласно этой теории, моральная ценность поведения или поступка определяется его полезностью. Идеал утилитаризма - наибольшая польза для максимального количества людей, поэтому иногда следует причинить вред, если это позволит увеличить потенциальное благо или избежать большего вреда. В этом месте многие начинают воображать всякие страсти, например, что утилитарист одобрит убийство бродяги с последующим распределением его органов между четверью людьми, которые нуждаются в пересадке, на том основании, что четыре живых человека лучше, чем один. В действительности рассудительный утилитарист не одобрит таких акций. Разделка бомжей «на

запчасти» приведет к непредусмотренным негативным последствиям, включая широкое распространение в обществе недоверия к системе здравоохранения.

По крайней мере по отношению к своим пациентам Хаус - лучший утилитарист на телевидении со времен Спока из «Стар Трек», заявлявшего: «Потребности большинства превыше потребностей меньшинства». Как говорит Хаус в эпизоде «Детоксикация» (1/11): «Я беру на себя риск, и порой пациенты умирают. Но, если не рисковать, умирает больше пациентов, так что моя самая серьезная проблема - я проклят способностью считать». Хаусовская «способность считать», когда речь идет о человеческих жизнях, может показаться холодной и циничной, но в конце концов его готовность нанести вред пациентам дает лучшие результаты.

Что же до приоритета благодеяния над автономией, мы видим, что решения пациентов могут повлиять на Хауса только в случае, если он считает их информированными, а для этого нужен точный диагноз. Этот принцип, мягко говоря, - полное безумие. Он означает, что пациенты полностью предоставлены на милость своего врача, пока он не узнает, что с ними не так. Пациенты обратились за помощью, и они определяют, соглашаться ли на лечение после постановки диагноза, но все решения в промежутке между двумя этими моментами принимает Хаус! Конечно, Кадди никогда не поддерживала и не поддержит Хауса в этом вопросе. Похоже, и сам диагност понимает, что с прагматической точки зрения выгоднее объяснять пациентам и их родственникам, что он собирается делать. Их сопротивление может подсказать ему, как быстрее получить нужную для диагноза информацию.

Однако хаусовская концепция «информированного согласия» помогает нам поставить еще один важный вопрос. Отбросим такой критерий информированности, как «Вы не являетесь информированным, пока Хаус не признает вас таковым». Какое количество информации вообще является достаточным? Форман, пытаясь объяснить далеким от медицины родителям пациента детали лечения, быстро понимает бесполезность своих попыток: «Простите, я объясню это как смогу, но рассчитывать, что вы пол-

ностью поймете, как мы собираемся лечить вашего сына, и сможете дать информированное согласие... - это с моей стороны безумие. Хорошо, вот то, что вам нужно знать: это опасно, это может убить его, вам следует согласиться» («Отцовство» (1/2)). Положа руку на сердце, можно ли ждать от пациентов и их родственников полного понимания медицинских тонкостей? Форман прав, сосредоточившись на наиболее значимой информации - на риске, связанном с операцией (хотя зритель надеется, что он все же сообщил родителям немного больше подробностей за кадром).

Тем, кто принимает решение, не нужно знать все медицинские тонкости, но необходимо понимать, что может пойти не так и с какой вероятностью. Но, приняв это допущение, мы сталкиваемся с новым вопросом: сколько информации нужно сообщать пациенту? Скажем, если пациенту предстоит операция на сердце, должен ли он знать, сколько таких операций провел его хирург и сколько из них закончились неудачно? Или какова статистика таких операций по больнице в целом? Для разбирающегося в математической статистике пациента эта информация может оказаться существенной, остальных же приведет в еще большее замешательство в ситуации и без того сложной.

Ну и под конец о справедливости. Как мы поняли, Хаус считает, что врачи должны защищать своих пациентов, не отвлекаясь на рассуждения о всеобщем благе. В реальном мире врачам приходится не только горой стоять за своих пациентов, но и периодически сталкиваться с администраторами, отстаивающими свою обязанность справедливо распределять больничные ресурсы. В сериале эту сторону больничной жизни нам почти не показывают. Даже при том, что Хаус и Кадди часто конфликтуют из-за хаусовских экстремальных методов диагностирования, Кадди редко разыгрывает бюджетную карту. Тем не менее, похоже, это удачное разделение труда: одни - лечат, другие - считают деньги. От мысли о докторам, занимающихся рационализацией* у постели больного, становится не по себе,

* Рационализация (от *англ.* ration - ограничение, паек) представляет собой ограничение в объеме и качестве медицинской помощи, производимое по экономическим соображениям. - *Прим. пер.*

но должен же кто-то следить, чтобы ресурсов хватало. Проблема в том, что, освободив лечащих врачей от забот о больничном бюджете, мы можем лишиться лучших сторонников перемен в здравоохранении. Например, система распределения донорских органов устроена так, чтобы предоставлять органы тем пациентам, кто быстрее умрет без пересадки и с большей вероятностью выживет после: учитывая утилитаристскую жилку Хауса, она должна его устраивать. Но он все равно постоянно обманывает эту систему, и трудно его за это винить - ведь он делает это ради блага своих пациентов.

Диагноз

Хаус любит нарушать правила, дресс-код, скоростной режим, приличия и даже принципы биоэтики. Его нравственные приоритеты зачастую спорны, а решения порой просто возмутительны. Но за всем, что он делает, лежит на удивление последовательное мировоззрение.

Хотя никто из авторов этой главы не хотел бы, чтобы Хаус был их лечащим врачом, они бы не отказались поработать вместе с ним в комитете по этике. Подумать страшно, какой спор пришлось бы проиграть Хаусу, чтобы заставить его на это пойти...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Tom L. Beauchamp and James F. Childress, *Principles of Biomedical Ethics*, 5th ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. (Бошамп Т. и Чилдресс Дж. Принципы биомедицинской этики.)
2. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.
3. На самом деле, решения о трансплантации органов не входят в компетенцию больницы (как показано в сериале «Доктор Хаус»), но принимаются централизованно в рамках финансируемой на федеральном уровне программы United Network for Organ Sharing (UNOS).

ХАУС И ПАТЕРНАЛИЗМ*: «НЕ ВСЕГДА ПОЛУЧАЕШЬ ТО, ЧТО ХОЧЕШЬ»

Марк Уиклер

Последний эпизод первого сезона, «Медовый месяц» (1/22), заканчивается песней Мика Джаггера «Не всегда получаешь то, что хочешь»:

Не всегда получаешь то, что хочешь,
Ты не можешь всегда получать то, что хочешь,
Но иногда, если постараться, ты поймешь, что получил
То, что тебе нужно.

Таким ненавязчивым способом создатели сериала в очередной раз напоминают: пациенты не всегда получают то, что хотят (их мнению и желаниям не придают значения), но получают то, что им, по мнению Хауса, нужно (анализы и процедуры, которые позволят успешно диагностировать и лечить их болезни). Хаус постоянно практикует патернализм, без согласия пациентов решая, что для них лучше.

* Патернализм (*лат.* *paternus* - отцовский, отеческий) - в основном значении - покровительство, опека старшего по отношению к младшим, подопечным. В эссе речь пойдет о медицинском патернализме. - *Прим. ред.*

«Доктор Хаус» и концепция патернализма

Патернализм явно противоречит общепринятым нормам медицинской этики, в частности принципу информированного согласия¹. Однако Хаус убежден: он знает, что лучше для его пациентов, и раз за разом демонстративно игнорирует их желания. Для него информированное согласие - бессмысленный ритуал и помеха в назначении процедур, для пациентов, по его мнению, совершенно необходимых. Для Хауса цель - возвращение пациенту здоровья - оправдывает средства, в число которых входит давление, утаивание информации, манипулирование, ложь и даже проникновение в жилище со взломом. Эти средства являются патерналистскими при соблюдении двух условий: 1) направлены на благо пациента, а не других лиц (например, самого Хауса или больницы Принстон-Плейнсборо в целом) и 2) объектом принуждения, обмана и т.д. является тоже сам пациент.

Эпизод «Медовый месяц» иллюстрирует важность первого условия. Марк, муж бывшей возлюбленной Хауса Стейси, полностью парализован. Хаус считает, что знает причину паралича - острая перемежающаяся порфирия. Чтобы подтвердить диагноз, он предлагает спровоцировать у Марка судорожный припадок и взять во время него мочу на анализ. Это рискованно, и Марк отказывается. Однако Хаус (Стейси на его стороне и просит провести тест) все-таки вызывает приступ, несмотря на протесты пациента и всех членов своей команды.

Проведение процедуры против воли Марка - пример патернализма, но только при условии, что главной целью Хауса было принести ему пользу (диагностировав и вылечив заболевание). Поступок Хауса нельзя было бы назвать патерналистским, если бы он стремился укрепить репутацию и продвинуться по службе либо задобрить Стейси.

Создатели сериала показывают нам Хауса как врача, который, как бы ужасно он себя ни вел, всегда стремится вылечить своих пациентов. Парадоксально, но, несмотря на кошмарное

обращение с больными, диагност готов практически на все, чтобы вернуть им здоровье. Поэтому, когда мы видим, что он применяет давление и обман, чтобы обеспечить пациентам анализы и лечение, то, в отсутствие доказательств обратного, можем предположить, что его поступки удовлетворяют первому условию патернализма.

Однако необходимо выполнение и второго условия - принуждать и обманывать именно самого пациента. Так, в эпизоде «Принцип необходимого знания» Хаус вынуждает пациентку признаться в приеме риталина, заставив поверить, что держит в руках положительный анализ на токсины (на самом деле - меню больничного кафетерия). Это пример патерналистского обмана, цель которого - получение информации, необходимой для постановки диагноза и лечения. Однако Хаус часто обманывает не пациента, а других людей (например, врачей или членов семьи больного), что не может рассматриваться как патернализм. Сравним сцены из эпизодов «Яд» (1/8) и «Любовь зла» (1/20). В первом случае Хаус полагает, что симптомы подростка объясняются отравлением каким-то пестицидом. Если его диагноз верен, показано лечение гидролазой. Узнав, что в случае неверного диагноза гидролаза может повредить, мать подростка отказывается от терапии. Чтобы добиться согласия, Хаус зачитывает ей текст отказа от лечения, вставляя в стандартную форму провокационные фразы типа «Если мой сын отбросит коньки, то это не вина больницы» и «Я понимаю, что врачи расценивают мое решение как абсолютно идиотское». Разумеется, под таким давлением мать соглашается на лечение. В эпизоде «Любовь зла» у пациента по имени Харви Пак долгая садомазохистская связь с девушкой-«госпожой». Когда Харви отказывается от операции, Чейз пытается добиться его согласия, используя характерные для садиста приемы психологического давления. Когда это не помогает, команде приходится звать на помощь девушку Харви, у которой гораздо больше опыта в таких делах, чем у Чейза. Тактики, использованные в сериях «Яд» и «Любовь зла», далеко заходят за черту, отделяющую «убеждение» от «незаконного воздействия». И только

и последнем случае поведение врачей можно назвать патерналистским, поскольку оно направлено на пациента².

Этика патернализма в сериале

Как и следовало ожидать, сериал предлагает зрителям сразу несколько причин занять сторону Хауса. Результат насильственных действий хромого доктора почти всегда оказывается лучше, чем если бы пациент получил желаемое. Соответственно, нам последовательно внушают, что врачи - по крайней мере Хаус - действительно знают, что нужно больным. Эта мысль лишь укореняется в наших головах, когда сами пациенты признают, что довольны хорошим результатом и не выказывают ни гнева, ни сожаления. Некоторые даже благодарят Хауса.

В «Медовом месяце» тест, проведенный Хаусом вопреки воле Марка, подтверждает предполагаемый диагноз, и диагност назначает лечение. Мы видим, как Марк, к которому вернулась чувствительность, шутливо предлагает Стейси заняться арм-рестлингом. Оба счастливы, и Марк не держит зла на Хауса. Единственный комментарий, который он отпускает: «Он все-таки маньяк». На случай, если кто-то из зрителей не до конца понял послание авторов сериала, песня Rolling Stones в конце эпизода прямым текстом говорит, что давать пациентам то, что им нужно, важнее, чем выполнять их желания.

В другом эпизоде Хаус, несмотря на письменный отказ от реанимации, подключает парализованного саксофониста Джона Генри Джайлса к аппарату искусственного дыхания, чтобы сделать анализы. Два годами ранее известный врач диагностировал у музыканта неизлечимое генетическое заболевание - болезнь Лу Герига. Хаус не соглашается с диагнозом, ставит свой и назначает лечение. В конце эпизода выздоровевший Джон Генри говорит Хаусу: «Спасибо, что не сдались». Если бы Хаус пошел навстречу желанию пациента, Джайлс умер бы парализованным, а не покинул больницу на своих ногах. Нам снова демонстрируют - «Хаус знает, что делает», его патерналистский подход предотвратил не-

нужную и преждевременную смерть, и пациент ему благодарен.

Наиболее ярко патернализм показан в эпизоде «Три истории», где Хаус сам оказывается в положении пациента. Читая студентам лекцию, Хаус рассказывает о собственном опыте, и мы наблюдаем описываемые события в коротких ретроспекциях. Ишемический инфаркт мышцы правого бедра привел к ее некрозу, и Хаус постоянно испытывает сильнейшие боли. Кадди, в то время еще не администратор, а врач, рекомендует ампутацию, утверждая, что операция спасет Хаусу жизнь, но он не соглашается. Он хочет рискнуть ради шанса полностью сохранить функции ноги и требует провести операцию шунтирования. Операция сделана, но улучшения нет, и герой Хью Лори испытывает едва ли не более сильную боль. Он все еще не соглашается на ампутацию и просит, чтобы его ввели в медикаментозную кому: получить передышку от боли. Когда Хаус отключается, его невеста Стейси просит Кадди удалить мертвую мышцу - эта операция сохранит Хаусу и жизнь, и ногу, но сделает его инвалидом. Обе знают, что Хаус не хочет этой операции, но с одобрения Стейси Хауса оперируют. Он получает лечение, в котором, по мнению Кадди и Стейси, нуждается, а не то, которое он хочет. Проведенная[^]против воли Хауса операция прошла успешно, однако он испытывает жестокую хроническую боль и не может ходить без трости.

Несмотря на такой результат, обмен репликами между студентами и Хаусом в конце лекции демонстрирует скорее одобрение принятого решения:

Хаус. Из-за объема удаленной мышечной ткани подвижность ноги пациента была серьезно нарушена. Пациент продолжает испытывать хронические боли.

Первый студент. Она не имела права так поступать!

Студентка. У нее была доверенность.

Первый студент. Она знала, что он не хотел операции.

Студентка. Она спасла ему жизнь.

Второй студент. Мы не знаем этого. Возможно, с ним все было бы в порядке.

Первый студент. Это неважно. Это выбор пациента.

Студентка. Пациент - идиот.

Хаус. Все они в основном идиоты.

Типичная для Хауса оценка умственных способностей пациентов - провокационная и утрированная. Тем не менее она подтверждает патерналистский вывод, что пациенты, включая самого Хауса в этой роли, не знают, что им нужно на самом деле.

Очень редко в сериале желания пациентов ставят во главу угла, однако отказ от патернализма в этих случаях предстает сомнительным решением. Например, в эпизоде «Навсегда» (2/22) молодая женщина по имени Кара убивает своего грудного сына Майкла. У женщины комплекс вины, но Хаус пытается убедить ее в том, что убийство произошло из-за вызванного пеллагрой психоза и Кара не может нести ответственность за свой поступок. Однако она все равно отказывается от лечения со словами: «Я не хочу жить». В следующей сцене Хаус сообщает о ее решении Форману, и между ними происходит следующий диалог:

Хаус. Она сказала: «Нет».

Форман. Объявим недееспособной, назначим медицинского поверенного...

Хаус. Она была недееспособной. Теперь она в здравом уме и имеет право отказаться от лечения.

Форман. Вы не можете уйти просто так! Вы должны отговорить ее!

В этом случае желанию пациента как раз не надо было идти навстречу. Возможно, Кара и не безумна, но она явно эмоционально неадекватна, в результате чего ее мышление и способность принимать решения нарушены. Зрители, вероятно, согласятся с Форманом: перед тем как «просто уйти», следовало рассмотреть другие возможности.

Этика патернализма в реальном мире

Хотя представленные в сериале аргументы в пользу патернализма могут казаться убедительными, приемлемость этого принципа в реальном мире остается под вопросом. Во многих отношениях вымышленная среда, в которой существуют врачи и пациенты Принстон-Плейнсборо, - сказка. Почти каждый эпизод заканчивается спасением еще одной жизни. К сожалению, в действительности диагнозы и прогнозы значительно менее точны, а неизлечимые и смертельные болезни встречаются гораздо чаще. Например, в «Медовом месяце» Хаус оказывается прав с диагнозом, Марк получает положенное лечение и к концу эпизода уверенно движется к выздоровлению. Но в реальном мире врач может ошибиться и процедура, назначенная против воли пациента, может оказаться смертельной. В эпизоде «Отказ от реанимации» Хаус доказывает, что у Джайлса нет болезни Лу Герига, и операция избавляет саксофониста от паралича. В реальном мире первый диагноз мог быть верен, а повторно назначенные анализы и процедуры только прибавили бы пациенту страданий.

Разумеется, зрители задумались бы над патерналистским подходом Хауса, если бы Марк умер от приступа или у Джона Генри действительно оказалась бы неизлечимая болезнь. Когда врачи выбирают диагностические методы и терапию в реальном мире, результаты всегда неизвестны. В лучшем случае можно предположить вероятность того или иного исхода и взвесить потенциальные пользу и вред каждого. Поэтому оценивать патернализм Хауса и его команды нужно в момент принятия решения, а не по факту выздоровления пациента.

В мире сериала больные, желания которых были проигнорированы, обычно благодарны Хаусу за верную постановку диагноза и терапию. Но в реальной жизни бывает иначе. Сравним реакции Марка и Джона Генри с реакцией человека, которого лечили против его воли, Дональда (Дакса) Кауарта³.

В 1973 году двадцатипятилетний Дакс в результате взрыва пропана получил ожоги значительной поверхности тела. Не-

смотря на его настойчивые и неоднократные протесты и заключение психиатра о его вменяемости, Даксу назначили лечение, причем исключительно болезненное. Он выжил, но остался изуродованным, потерял зрение и возможность пользоваться руками. Со временем Дакс свыкся со своим положением, получил юридическое образование, женился и сейчас удовлетворен качеством своей жизни, но по-прежнему не может простить тех, кто проигнорировал его желания, и активно занимается защитой прав пациентов, в частности права на отказ от лечения.

Почему Дакс до сих пор зол на врачей? В конце концов, он признает, что радуется жизни и что умер бы, если бы не их патернализм. В документальном фильме «Случай Дакса»⁴ он приводит два аргумента. Во-первых, считает, что средства (несколько месяцев страшной боли и невыносимых страданий, сопровождавших лечение ожогов) не оправдывали цель (спасение его жизни) и, если бы ему пришлось снова делать выбор, он, даже зная, каким будет результат, снова отказался бы от лечения. Во-вторых, он ценит свободу личности и возможность делать выбор самостоятельно и испытывает ярость от того, что другие (мать и врачи) приняли решение за него. Первый аргумент Дакса помогает выявить изъян в утверждении, что блестящий клиницист (каким является Хаус) знает, что лучше для пациентов. Благодаря медицинскому образованию и опыту, врачи могут спасти пациента, однако сохранение жизни не всегда отвечает его интересам. Если есть варианты лечения (а невмешательство - один из вариантов), определение приоритетов конкретного пациента (оценка потенциальных благ и потерь) зависит от предпочтений и ценностей самого больного. Для Дакса избавление от боли и страданий, связанных с лечением ожогов, было важнее сохранения жизни. Поэтому, несмотря на хороший результат, нельзя сказать, что лечение вопреки его воле было лучшим выбором, чем отказ от лечения вообще.

Случай Дакса ставит под сомнение аргументы в пользу патернализма команды Хауса. В чем нуждаются пациенты? Уверенный ответ диагноста: в здоровье и долголетию. Но, как мы

видим, цели и ценности человека, оказавшегося в больнице, могут быть совсем иными. Дакс ставил свободу и отсутствие боли выше здоровья и долголетия. Случай самого Хауса в этом отношении показателен: он ценил телесную целостность больше, чем жизнь, и готов был пойти на риск летального исхода ради сохранения ноги. Для доктора Эзры Пауэлла, пациента из эпизода «Официальное согласие», важнее всего было умереть с достоинством. В эпизоде «То, что нужно» летчик ВВС Грета настолько ценит возможность летать, что отказывается проходить процедуры, которые спасут ей жизнь, но приведут к запрету на полеты. Приведенные примеры доказывают: хотя люди могут нуждаться в медицинском вмешательстве для сохранения жизни, из этого вовсе не следует, что они на него согласятся.

Было бы ошибкой думать, что есть хоть какие-то объективные стандарты, позволяющие определить истинные потребности пациента. Действительно ли Марку нужен анализ, рекомендованный Хаусом? Если здоровье - единственная цель, и анализ - единственное, что может помочь Марку ее достичь, Хаус убедительно докажет, что тест нужен. Но в реальном мире ситуации намного сложнее. Диагностические процедуры связаны как с потенциальными выгодами, так и с потенциальными рисками, - равно как и отказ от них. В случае Марка анализ может обеспечить диагноз, но может и не обеспечить, совершенно точно вызвав дальнейшее ухудшение его здоровья или даже смерть. Если анализ и подтвердит диагноз, лечение может оказаться неэффективным. С другой стороны, без этого анализа Марк может умереть или его состояние может не ухудшиться или даже станет лучше. Хаус может ошибаться. Не существует объективного способа взвесить все плюсы и минусы предложенного Хаусом теста. Следовательно, правильного ответа на вопрос «Нужен ли Марку этот анализ?» также не существует. Ответ требует оценочных суждений, а они субъективны, и версия Марка не обязательно совпадет с мнением Хауса. В сериале выбор обычно происходит между жизнью и смертью: без медицинского вмешательства пациент определенно умрет. В реаль-

пом мире выбор не всегда так жесток. Решения, касающиеся лечения больного колена, шишки на лбу, искривления носовой перегородки, простатита и т.д., далеко не так трагичны. И если после тщательного рассмотрения всех «за» и «против» пациент решил, что не хочет предложенного лечения, врач не имеет права настаивать.

Вторая проблема, затронутая Даксом в фильме, связана с важным понятием - автономией личности и соответствующим этическим принципом, который врачи Хауса также регулярно нарушают.

Ценность автономии личности подтверждает эксперимент, проведенный философом Робертом Нозиком⁵. Представим себе, пишет Нозик, что существует «машина ощущений», которую можно подключить прямо к мозгу, чтобы вызывать у людей чувство счастья. Например, если для счастья вам надо выбить триста очков в боулинге, победить в реалити-шоу «Американский идол», покататься на «Ламборгини» и окончить Гарвард, машину можно запрограммировать на производство этих ощущений. «Вы будете верить во все, что якобы с вами происходит. Остальные тоже могут подключиться, поэтому совершенно необязательно возвращаться в реальность, чтобы пообщаться со знакомыми. (Не думайте о том, кто будет обслуживать эти машины.) Согласитесь ли вы подключиться к такой машине навсегда, заранее запрограммировав ваши заветные мечты?»

Нозик выяснил, что большинство людей ответят отрицательно, - это доказывает, что у нас есть другие, более важные ценности, чем ощущение счастья. Подключение к машине лишает чувства власти над своей судьбой: раз ощущения - продукт деятельности машины, человек не реализовал свою автономию, ничего не сделал и ничего не добился. В конечном счете патернализм, практикуемый Хаусом и его командой, может делать пациентов счастливыми, но, как машина ощущений, не дает им проявлять свободную волю. Эксперимент Нозика и случай Дакса доказывают, что для людей независимость важнее счастья.

Есть основания надеяться, что большинство врачей, в отличие от Хауса, не считают пациентов идиотами. Порой ува-

жение к автономии личности требует признать решение пациента, кажущееся врачу ошибочным. Значит, цена за право осуществлять автономию личности - риск принятия неверных решений, и многие люди готовы платить эту цену.

Таким образом, в реальном мире существуют веские основания сомневаться в приемлемости патернализма. Однако нельзя сказать, что этически патернализм никогда не бывает оправданным. Важно проводить различие между случаями, когда пациенты полностью автономны и способны сами принимать решения, и случаями, когда такая способность у них ограничена или отсутствует⁶. Соответственно, неприятие патернализма господствующей медицинской этикой верно в отношении к дееспособным взрослым, но не к младенцам, маленьким детям и взрослым с серьезной задержкой в умственном развитии. Более того, самостоятельные люди могут испытывать временное ограничение автономии в результате заболевания, воздействия лекарств, физических или психологических травм, - как в описанном случае из эпизода «Навсегда». Даже если Хаус прав и Кара уже не «недееспособна», она не может рассуждать здраво и есть серьезные основания задуматься, соответствует ли сиюминутное решение ее долгосрочным целям и ценностям.

В целом, возражения против патернализма лучше оставить при себе, когда его применяют, чтобы не нанести пациенту вред. При этом следует принимать во внимание такие факторы, как масштаб и неизбежность вреда, вероятность причинения вреда без медицинского вмешательства, наличие альтернативных методов и средств предотвращения вреда. В некоторых ситуациях на основании анализа этих факторов можно однозначно одобрить патернализм. В других, однако, разумный человек может не согласиться с патерналистским ответом. Опыт Хауса-пациента в «Трех историях» и существенный разброс мнений трех студентов - хорошая иллюстрация такой ситуации. Как бы то ни было, врачи в реальном мире не могут оправдывать патернализм идиотизмом больного. Этическая оправданность ограничения автономии пациента требует куда более глубокой рефлексии, чем показано в вымышленном мире сериала «Доктор Хаус».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Tom L. Beauchamp and James F. Childress, *Principles of Biomedical Ethics*, (6th ed. New York: Oxford Univ. Press, 2008. (Бошамп Т. и Чилдресс Дж. Принципы биомедицинской этики); и Ruth R. Faden and Tom L. Beauchamp, *A History and Theory of Informed Consent*. New York: Oxford Univ. Press, 1986. (Фейден Р. и Бошамп Т. История и теория информированного согласия.)
2. Попытки игнорировать решение родителей ради блага ребенка хотя и не подпадают под понятие патернализма, должны рассматриваться врачебной комиссией по этике.
3. См. Lonnie D. Kliver, *Dax's Case: Essays in Medical Ethics and Human Meaning*. Dallas: Southern Methodist Univ. Press, 1989. (Клейвер Л. Случай Дакса: Эссе о медицинской этике и человечности.) Кауарт изменил имя с Дональда на Дакса в 1982 году.
4. Фильм *Dax's Case* снят Unicorn Media, Inc. по заказу общественной группы Concern for Dying, Inc. Вышел на экраны в 1985 году.
5. Нозик Р. *Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН, 2008.
6. Некоторые философы проводят различие между «сильным» и «мягким» патернализмом, или «патернализмом в широком смысле слова» и «ограниченным патернализмом». Первый тип характерен для тех случаев, когда решения принимаются за автономного, или дееспособного, пациента, второй - когда автономия, или дееспособность, ограничена. См. James F. Childress, *Who Should Decide? Paternalism in Health Care*. (Чилдресс Дж. Кому решать? Патернализм в здравоохранении.)

ЕСЛИ НЕ РЕЗУЛЬТАТ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА, ТО ЧТО?

Кэтрин Сартин

Слава богу, Хаус всегда (или почти всегда) ставит правильный диагноз - обычно в заключительные десять минут эпизода, когда результат назначенной сомнительной процедуры дал либо ключ к разгадке, либо решающее доказательство и позволил исключить альтернативные диагнозы. Несмотря на это, Хаусу постоянно приходится защищать свои сомнительные (и часто опасные) действия перед другими. Легко представить, как он говорит: «Если не результат оправдывает средства, то что?»

Кто такой утилитарист?

На первый взгляд Хаус со своим подходом «результат оправдывает средства» поступает как последователь утилитаризма этической теории, разработанной Иеремией Бентамом (1748-1822) и Джоном Стюартом Миллем (1806-1873). Утилитарист считает пользу основой нравственности и критерием оценки человеческих поступков; для него поступок хорош

или нравственен, если он приносит наибольшую пользу максимальному количеству людей. Поэтому утилитарист оценивал бы, как назначенная Хаусом процедура повлияет не только на пациента и его семью, но и на врачей, и даже на всю больницу. Нравственные поступки - это поступки, которые приносят в целом пользу, безнравственные - это поступки, которые приносят в целом вред.

Похоже, во многих случаях Хаус оценивает свои действия с позиций утилитаризма - оправдывает их хорошими результатами. Например, в эпизоде «Смысл» (3/1) он хочет сделать инъекцию кортизола пациенту, который уже восемь лет парализован и лишен возможности общаться с людьми. Хаус говорит Кадди, что, если его диагноз верен, кортизол вернет пациенту возможность ходить, обнимать сына и танцевать с женой. Если же Хаус ошибается, хуже от укола не станет. Он четко дает понять, что потенциально хороший для всех результат оправдывает инъекцию.

Теперь вспомним его рассуждения в эпизоде «Не будите спящую собаку». Ханне требуется немедленная пересадка печени. Ее любовница Макс подходит для донорства и хочет отдать часть печени Ханне. Но команде становится известно, что перед болезнью Ханна планировала разрыв с Макс. Это ставит врачей перед дилеммой: если они расскажут об этом Макс, та может передумать и Ханна умрет; если не расскажут - обе женщины останутся живы. Хаус считает, что говорить не надо, потому что две живых и здоровых женщины лучше, чем одна, даже если кому-то из них придется пережить душевную травму. Хаус снова оправдывает свои действия тем, что они ведут к наилучшему результату из возможных.

Утилитаризм правила против утилитаризма действия

Но чем мы должны руководствоваться при оценке последствий? Утилитарист действия считает, что следует судить поступок

в соответствии с последствиями, которые он вызовет для всех участников ситуации. Это позволяет нам принимать в расчет уникальные обстоятельства каждого поступка. Однако такой подход требует немало времени и усилий. Представьте, что вы пытаетесь выбрать - купить вам груши местные или импортные, привезенные из страны третьего мира. Чтобы доставить в магазин местные груши, понадобилось сжечь меньше горючего, следовательно, в атмосферу попало меньше двуокиси углерода. Это определенно большое благо для всех жителей планеты и для будущих поколений. Но и бедные крестьяне надеются, что заграничные потребители купят их фрукты. Может, эти плоды - единственное, что спасает их от полной нищеты. Пытаюсь определить, что лучше, вы надолго застрянете у прилавка. Утилитаристу действия приходится оценивать каждую покупку в отдельности, изучать каждый фрукт на каждом рынке - откуда его привезли, насколько бедны те, кто его вырастил, и так далее, чтобы определить, какая покупка приведет к наилучшим результатам для наибольшего количества людей.

Поэтому некоторые утилитаристы, так называемые утилитаристы правила, полагают, что следует определить, какой набор конкретных установок обеспечит максимум блага, и всегда руководствоваться ими. В ситуации с грушами утилитаристу правила пришлось бы решить, что принесет наилучшие результаты - уменьшение парникового эффекта или помощь неимущим. Приняв решение, утилитарист правила сможет в дальнейшем всегда руководствоваться одним принципом. Выработка правила займет какое-то время, но далеко не так много, как ежедневный выбор утилитариста действия.

Иммануил Кант (1724-1804) разработал теорию, похожую на утилитаризм правила. Кант и сторонники его философии считают, что мы должны подчиняться правилам, но их совсем не занимает вопрос последствий наших поступков. Напротив, кантианцы уверены, что поступок плох или хорош сам по себе, вне зависимости от его последствий. Так, лгать нельзя никогда, даже в тех случаях, когда ложь - единственный способ спасти жизнь ближнего. Кант также писал, что «человек... существу-

it как цель сама по себе» и никогда не должен использоваться как средство. Например, когда вы идете к доктору за рецептом и используете его опыт, дурно будет относиться к доктору как к инструменту и не видеть в нем личность.

Хаус предпочитает принимать во внимание конкретные обстоятельства, поэтому рассуждает скорее как утилитарист действия. Вспомним ситуацию) из эпизода «Дети и вода в ванне». Чтобы спасти женщину и ее будущего ребенка, Хаус должен назначить кесарево сечение на раннем сроке беременности. Это позволит женщине принять участие в клиническом исследовании лекарства от мелкоклеточного рака легкого и получить наибольший шанс выжить.

К несчастью, исследование начнется задолго до естественных родов и повредит ребенку либо убьет его. В то же время раннее кесарево сечение снизит шансы ребенка на выживание с почти 100 процентов до 80. Хаус в своей грубой, но безукоризненно прямой манере убеждает пациентку сделать кесарево сечение и начать принимать экспериментальный препарат. При этом он знает, что женщину не допустят к участию в исследовании, поскольку по правилам должно пройти не меньше месяца после серьезной операции. Такая политика призвана защищать не только здоровье пациента, но и объективность результатов испытания. Несмотря на это, Хаус записывает пациентку на исследование, скрыв и ее беременность, и предстоящую операцию. (До администрации больницы доходят слухи о его планах, и операцию отменяют в последнюю минуту.) Хаус учитывает уникальные обстоятельства этого случая, рассуждая, что один участник, не соответствующий критериям отбора, не сделает результаты всего исследования недействительными или бесполезными. Препарат выдержит (или не выдержит) испытание, независимо от того, как на него отреагирует один пациент. Кроме того, он убежден, что кесарево сечение не должно помешать участию женщины в исследовании. Хаус не следует правилам - он создает свои.

Представьте теперь, что каждый врач решит пристроить своего пациента в исследование. Положим, больной не отвечает условиям, прописанным в протоколе испытаний, но ведь

один-единственный человек не сделает результаты исследования некорректными! Да, но если в группу попадет значительное число таких «единственных», на исследовании и препарате, пусть и очень хорошо, можно ставить крест...

Утилитарист правила будет соблюдать принцип недопущения исключений, потому что этот принцип, при условии его соблюдения всеми, ведет к наилучшим результатам. Так же поступит и кантианец, поскольку альтернатива подразумевает, что исследователям лгут, а это абсолютно неприемлемо.

Похожую ситуацию мы наблюдаем в эпизоде «Контроль». Молодой женщине срочно требуется пересадка сердца. В обычных условиях ее поместили бы в начало списка кандидатов на донорский орган, но Хаус обнаруживает, что Карли страдает от булимии. Более того, именно булимия привела к тому, что ей понадобилось новое сердце. Если об ее нервном расстройстве станет известно, пациентку переместят в самый конец списка (а может, и вообще из него исключат) и она умрет задолго до своей очереди. После жесткого и откровенного разговора с пациенткой Хаус убеждается, что та не хочет умирать и изменит свое поведение. В свете этого он скрывает факт булимии от комитета по трансплантологии (и от своей команды). Женщина попадает в начало списка, получает донорское сердце и выздоравливает.

Здесь Хаус добивается лучшего из возможных для пациентки результатов. Карли получает шанс начать новую жизнь, и к ней возвращается надежда. О булимии никто не узнает, пока не становится слишком поздно отменять операцию, и даже тогда остается неясным (или, по крайней мере, недоказуемым), знал ли о заболевании Хаус. Все это означает, что система распределения донорских органов не пострадает, врачи и пациенты не потеряют веру в нее и у других врачей не будет соблазна последовать примеру Хауса. Отчасти диагност скрывает булимию пациентки от своей команды именно из этих соображений, но есть и другая, более прагматичная причина - не допустить утечки информации. В конце концов, не все подчиненные ему врачи - утилитаристы (взять хотя бы Кэмерон). В этом случае поведение Хауса ориентировано исключительно

на достижение определенного результата, и его нисколько не волнует то, что он использует других людей как средство его достижения. Определенно, Хаус не кантианец.

Лучшие результаты из возможных

Несмотря на его кажущийся утилитаризм, нельзя сказать, что Хаус всегда добивается лучших результатов из возможных. Вспомните эпизод «Принятие», где заключенного-смертника спасают после попытки суицида. В больнице выясняется, что у него опухоль в районе гипофиза, объясняющая внезапные приступы ярости. К сожалению, это вряд ли поможет отменить смертный приговор, и заключенный возвращается в тюрьму дожидаться казни. Еще пример: в эпизоде «Линии на песке» мальчика-аутиста лечат от убивающих его паразитов только для того, чтобы вернуть к прежнему безрадостному существованию.

Ясно, что ни в том, ни в другом случае Хаус не способен добиться лучшего из мыслимых результатов - результатов на грани чуда. Для заключенного это была бы отмена смертного приговора, а для мальчика - излечение от аутизма. Хаус не волшебник, так что поставим вопрос по-другому: добивается ли он лучшего из возможных результатов?

В первом случае мы должны решить, будет ли продление жизни (даже если эта жизнь пройдет в тюремной камере) лучше, чем немедленная смерть. Кто-то скажет, что, если заключенный выживет, он получит шанс подать апелляцию и добиться отсрочки казни. Но, как замечает Форман, это маловероятно. Другой предположит, что без лечения человек будет умирать долго и мучительно, и уж лучше смерть на электрическом стуле*, чем от перитонита. Следующий этап рассуждений: если бы не лечение, заключенный никогда не узнал бы,

* Кстати, в 2007 году в штате Нью-Джерси, где по сценарию находится больница Принстон-Плейнсборо, смертную казнь заменили пожизненным заключением. - *Прим. пер.*

что причиной его вспышек агрессии была крохотная опухоль, а не врожденная страсть к убийству. С другой стороны, за примирение с самим собой и возможность умереть «лучшей смертью» заключенный заплатит психологическими страданиями, которые будет испытывать в последние дни перед казнью. Так и остается неясным, был ли достигнут лучший из возможных для заключенного результат. И, кстати, не стоит забывать, что преступник - не единственный человек, которого следует рассматривать в этой ситуации. То, что ему помешали покончить с собой, видимо, лучший из возможных результатов для тюремного начальства и, не исключено, что и для родственников убитых им людей. Узнав об опухоли, они получают ответ на вопрос «Как такое могло случиться?», и это, возможно, поможет им обрести покой и притупить боль утраты.

Как бы то ни было, Хаус считает, что был достигнут лучший результат. Хромой диагност высоко ценит жизнь, по крайней мере жизнь человека, находящегося в сознании, ориентирующегося в окружающей обстановке и т.д. Даже если жить приходится с ужасной болью, жить все равно стоит, считает он. Самого Хауса постоянно гложет незатихающая боль, но в сериале нет никаких намеков на то, что он рассматривал возможность самоубийства. Пока есть хоть один шанс, Хаус - яростный противник эвтаназии. В эпизоде «Официальное согласие» старый и тяжело больной ученый просит Хауса помочь ему умереть. Все видят, что пациент страдает, и все, кроме Хауса, уверены, что он обречен. Но, только когда диагност убеждается, что пациент неизлечим и мучительная смерть неизбежна, он соглашается помочь старику уйти без страданий. Другие, включая Кэмерон и Чейза, не разделяют взгляды Хауса. Они считают, что иногда разумно предпочесть смерть постоянной, беспощадной боли.

Случай с мальчиком-аутистом из «Линий на песке» демонстрирует, что, принимая решения, мы должны учитывать их результаты не только для пациента, но и для других людей. Невозможно представить, что испытывает человек с такой формой аутизма, и все же разумно было бы предположить, что даже такая жизнь предпочтительнее смерти. Настоящая труд-

мость - оценить, что лучше для его родителей. Если мальчик умрет, это, безусловно, причинит им боль. С другой стороны, *то смерть позволит им начать жить своей жизнью. Если мальчик выживет (как это и происходит в эпизоде), им придется либо по-прежнему отдавать ему все свое время и силы, либо поместить его в специальное заведение. Забота о мальчике осложняется тем, что он не способен на эмоциональную привязанность и родители не получают ответа на свою любовь. На них лежит огромный груз. Поручив ребенка опеке специального заведения, они избавятся от этого груза, но будут испытывать сильную эмоциональную боль.

Хаус, похоже, считает, что для всех вовлеченных в ситуацию будет лучше, если мальчик умрет. Он думает, что страдания родителей перевешивают положительные эмоции ребенка. Хаус вообще не верит, что интеллект мальчика позволяет ему испытывать хоть какое-то удовольствие. Такая позиция соответствует мировоззрению нашего мизантропа - вспомните его рассуждения в эпизоде «Положение плода» (3/17): Хаус не считает, что плод (он отказывается называть его «ребенком») вообще следует брать в расчет. Для него жизнь еще нерожденного человека, как и жизнь аутиста, не имеет особой ценности. Конечно, из этого не следует, что Хаус поддержал бы убийство ребенка, он просто думает, что наилучший возможный результат в этом случае не может быть достигнут. Уилсон, как и следовало ожидать, занимает другую сторону. Он считает, что смерть мальчика стала бы большим эмоциональным бременем для родителей, чем его жизнь.

В описанных случаях, как и во многих других, Хаус, может быть, и не добился лучших из возможных результатов, но, как говорит Кадди Триттеру: «Он спасает намного больше жизней, чем теряет».

Хаус - нравственный человек?

Но действительно ли Хаус заинтересован в достижении лучших из возможных результатов для всех участников ситуации?

Может, и нет. Главная причина апелляций Хауса к положительным последствиям своих поступков в том, что он знает: такой ответ удовлетворит человека, перед которым ему приходится оправдывать свои действия. Хаус всегда старается быстро и эффективно убрать со своего пути любое препятствие. Если бы Кадди волновал больничные бюджет, Хаус доказывал бы ей, сколько денег они сэкономят в перспективе. Если бы Уилсона занимало развитие медицины, он упирал бы на то, что это поможет получить новую информацию.

Кажется, по-настоящему Хауса интересует только решение головоломки - постановка правильного диагноза, и только по чистой случайности оно почти всегда полезно для пациента. Но даже если так, даже если он порой не достигает цели, даже если им руководят эгоистические соображения - в большинстве случаев его действия ведут к получению наилучших результатов из возможных. Нравственный человек не перестает быть нравственным, если он допустил одну или две ошибки, - даже самым лучшим из нас, таким, как мать Тереза или Махатма Ганди, доводилось совершать поступки, последствия которых оказывались далеко не благими. Скорее бездействие человека может дать основания усомниться в его нравственности.

Однако вспомним эпизод «Один день, одна комната»: жертва изнасилования приходи! в больницу и попадает на прием к Хаусу. Ее случай не представляет для доктора загадки, Если бы Хаус интересовался только головоломками, он отказался бы даже разговаривать | девушкой и сразу перешел бы к следующему больному. Он в самом деле начинает с того, что пытается передать пациентку другому врачу, но только потому, что считает себя неподходящим для нее собеседником, а не потому, что ему неинтересно с ней говорить. После того как девушка глотает пригоршню таблеток, только чтобы поговорить с Хаусом, он соглашается. Но диагност не просто говорит с ней, он старается помочь ему посоветовали расспросить о случившемся, и он пытается подтолкнуть ее к этой теме. Когда она старается перевести разговор на другую, Хаус теряет-ся. Не зная, как ответить ни а один из ее вопросов, он дает

гй снотворное, чтобы выиграть время, и просит у всех совета. Снова и снова, вместо того, чтобы уйти, он старается помочь. Наконец она начинает говорить об изнасиловании. Казалось бы, цель достигнута, но Хаус расстроен тем, что довел девушку до слез и заставил вновь пережить случившееся.

Правда, наш доктор нечасто помогает пациентам, не представляющим для него медицинской загадки. Но и одного примера достаточно, чтобы мы задумались. Может, не стоит торопиться с выводом, что Хаус - безнравственный человек. Может, в своих поступках он действительно руководствуется нравственными целями, несмотря на видимость обратного. Правду знает только сам Хаус.

ХАУС ПРОТИВ ТРИГГЕРА: СТОЛКНОВЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО АВТОРИТЕТА

Кеннет Эренберг

В эпизоде «Без ума от любви» (3/5) мы встречаемся с Майклом Триттером, который будет определять развитие событий всего третьего сезона. Триттер приходит в больницу с жалобой на сыпь в паху. Хаус сразу ставит диагноз: раздражение. Причина - повышенная сухость кожи, побочное действие антеникотинной жвачки, которую Триттер постоянно жует (ирония, которую мы оценим позже). Пациент требует, чтобы Хаус взял мазок; диагност, которому все и так ясно, отмахивается. Происходит неприятная сцена, и все заканчивается тем, что врач ставит ректальный термометр и уходит из больницы, сделав вид, что просто забыл о нем. Позднее Хауса вызывают в кабинет Кадди, где Триттер ждет от него извинений. Хромой диагност (естественно) отказывается, пострадавший говорит, что ожидал этого и на самом деле заинтересован не в хаусовом покаянии, а в том, чтобы унижить его в ответ. В конце эпизода Триттер, оказавшийся полицейским детективом, арестовывает своего обидчика за хранение наркотиков.

Чем лучше мы узнаем Триттера, тем больше находим у него сходств с нашим любимым доктором (оба свято верят в свою правоту, идут до конца, готовы игнорировать правила...

у них даже выражение общее - «Все врут»). Это сближение
•толь разных людей поднимает философский вопрос, который
мы и рассмотрим в этом эссе.

Два вида авторитета

Все мы с детства сталкиваемся с двумя видами авторитета. Первый основан на компетентности: мы должны верить и следовать советам человека, потому что он лучше разбирается в каком-то предмете. Представителей этого вида авторитета мы видим в аналитических телепрограммах и в суде - в роли экспертов, дающих заключение по тому или иному вопросу. Человек, обладающий вторым видом авторитета, требует подчинения просто потому, что у него есть право нас контролировать. С таким авторитетом мы сталкиваемся, когда дорожный регулировщик говорит: «Проезжайте, проезжайте, не задерживайтесь». Родители представляют особую комбинацию обоих типов авторитета.

Хаус - непревзойденный специалист в области диагностики. В этом качестве он представляет первый вид авторитета, который американские философы называют «теоретическим», а европейские - «эпистемическим»*. Причина такого названия в случае с Хаусом более чем очевидна. Члены его команды помогают ставить диагнозы, предлагая собственные гипотезы.

* Швейцарский философ Юзеф Бохеньский пишет: «Есть два вида авторитета: авторитет знатока, специалиста, называемый по-научному «эпистемическим», и авторитет вышестоящего лица, начальника, называемый «деонтическим». В первом случае некто является для меня авторитетом, когда я убежден, что он знает данную область лучше меня и что он говорит правду. Например, Эйнштейн для меня - эпистемический авторитет в физике, школьный учитель для своих учеников - эпистемический авторитет в географии и т.д. Некто является для меня деонтическим авторитетом, когда я убежден, что смогу достичь цели, к которой стремлюсь, только выполняя его указания. Мастер - деонтический авторитет для работников мастерской, командир отделения - для рядовых и т.д.». *Цит. по:* Бохеньский Ю. Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков. Издательская группа «Прогресс»: VIA, 1993. - *Прим. пер.*

Но только Хаус решает, какие из них стоит проверить, а какие изначально ошибочны. У нас есть достаточные основания верить в его компетентность. Это авторитет знатока.

Триттер, похоже, не является знатоком ни в одной конкретной области (даже, как мы увидим, в области права) и представляет в чистом виде второй тип авторитета, который философы называют «практическим» («деонтическим»), или «авторитетом должности». Когда Триттер приказывает Хаусу остановиться, предполагается, что Хаус подчинится просто потому, что приказ исходит от полицейского. Такой авторитет почти всегда подкрепляется реальной или подразумеваемой угрозой того или иного рода. Именно угроза наказания характерна для самых распространенных форм практического авторитета: авторитета закона, родителей и начальника, или «авторитета санкции» (так, на работе от нас ожидают исполнения распоряжений вышестоящего только потому, что он занимает такую должность, иначе нас уволят).

Поскольку практический авторитет пытается заставить нас делать что-нибудь, угрозы нужны на случай сопротивления - ведь часто приказывают делать что-то, противоречащее нашим интересам и желаниям. С другой стороны, из рекомендаций теоретического авторитета мы получаем ценную и полезную информацию (хотя бы только потому, что знание правды обычно в наших интересах).

Теоретический авторитет объясняет, в чем состоит истина и чему верить; если мы не слушаем, то винить должны только себя. Пациенты делают то, что доктор велит, потому что подразумевается, что его назначение поможет выздороветь. Но у людей есть определенные представления о том, сколько информации потребуется врачу для того, чтобы сделать заключение об их состоянии. Вот что бесит Хауса (и служит одной из причин, наряду со скукой, его ненависти к амбулаторным больным). По существу, пациенты не понимают, каким огромным теоретическим авторитетом Хаус, с его знаниями и опытом, обладает. Ему не нужно брать мазок у Триттера, поскольку он уже знает, что с Триттером и как это лечить. Но, как и великое множество

других пациентов, Триттер не может поверить в существование настолько хорошего врача, что в состоянии поставить диагноз без анализа. Разумеется, манеры Хауса только укрепляют это недоверие. Пациенты вообще склонны принимать уверенность в себе за наглость, прикрывающую недостаток опыта. И в этом отношении личностные особенности Хауса служат ему дурную службу, подрывая доверие пациентов. В конечном счете опыт и знания теоретического авторитета, многократно превышающие наши, являются самой убедительной причиной выслушать его, согласиться и последовать совету.

Однако облеченные практическим авторитетом люди типа Триттера находятся в несколько иной ситуации. Да, обычно за ними стоит некая угроза, но ее недостаточно, чтобы обосновать их приказы. Как указывает влиятельный философ права XX века Герберт Харт¹, если бы единственным обоснованием власти практического авторитета являлась угроза тюремного заключения, закон ничем бы не отличался от уличного грабежа. Харт полемизирует с правоведом XIX века Джоном Остином, считавшим, что законы - это просто приказы, подкрепленные угрозой силы², и замечает, что, когда грабитель тычет в вас пистолетом со словами «Кошелек или жизнь!», вы отдаете кошелек не потому, что обязаны подчиниться, а потому, что вас заставляют это сделать. Другими словами, если вам удалось выпутаться из этой ситуации, сохранив и жизнь, и деньги, любой подумает, что вас следует поздравить. Но никто не бросится поздравлять людей, которым сошло с рук нарушение закона (за исключением случаев, когда мы думаем, что закон плох, или сами состоим в сговоре с нарушителем). Значит, претензии закона на практический авторитет должны подкрепляться чем-то другим.

Авторитет и обслуживание общества

Тут в дискуссию вступает современный философ Джозеф Рац со своей концепцией власти как сервиса³. Рац утверждает, что закон (или любой практический авторитет) обоснован, если со-

действует повышению качества жизни подчиненных ему людей, то есть если, прислушиваясь к нему, мы добиваемся лучших результатов, чем принимая решения исходя из собственных соображений. Несомненно, это утверждение прекрасно иллюстрируют отношения между родителями и детьми. Поскольку дети намного меньше взрослых знают о том, что такое хорошо и что такое плохо, практический авторитет родителей (в общем и целом) обоснован.

Часто при описании концепции власти как сервиса упускают тот факт, что практический авторитет основан на некоем виде теоретического. Если претензии закона на практический авторитет оправданны (а это еще большое «если»), его представители способны лучше регулировать поведение людей в силу своей информированности (тут на сцене и появляется теоретический авторитет). Рассмотрим на примере. Когда полицейский приказывает вам проехать вперед или не сворачивать направо, его авторитет основан на знании интенсивности движения и участков ремонта дороги. Собственно, главная задача регулировщиков и состоит в эффективном управлении автомобильными потоками. Поэтому их указания либо помогут вам добраться к месту назначения быстрее, чем если бы вы выбирали маршрут по своему разумению, либо заставят пожертвовать своим временем, чтобы быстрее добралось абсолютное большинство остальных участников движения. Во втором случае можно было бы сказать, что у вас есть моральный долг принести эту маленькую жертву, но без регулировщиков вы бы не знали, как это сделать. Итак, согласно Рацу, власть закона обоснованна (по крайней мере отчасти), когда его служители являются экспертами в области общественного поведения.

Суть проблемы

Проблема возникает в тех случаях, когда обычные люди оказываются большими экспертами, чем служители закона. Если практический авторитет обоснован теоретическим, он теряет всякое преимущество перед лицом превосходящего теоретического авторитета

Кто-то мог подумать, что Триттер - всего лишь злопамятный коп, жаждущий мести, поэтому, каким бы авторитетом он ни был наделен, это тут совершенно не при чем. Но ситуация немного сложнее. Полицейский говорит, что начал охоту на Хауса потому, что был уверен в том, что рано или поздно врач-наркоман начнет вредить пациентам, и потому убежден, что применяет право в интересах как самого диагноста, так и окружающих. Здесь авторитет трудно оспорить: у любого другого врача на месте Хауса были бы достаточные основания прекратить практику, а у пациентов - выбрать другого доктора.

Но и Триттер, и это рассуждение не учитывают почти сверхчеловеческий гений Хауса и, пожалуй, специфику его работы - люди обращаются к Хаусу, когда отчаялись получить помощь у других врачей. Его способность диагностировать трудные случаи важнее наркозависимости и позволяет нам отбросить тривиальные рассуждения о том, хорошо ли для пациентов лечиться у врача-наркомана. Это выяснилось еще в первом сезоне («Детоксикация»), когда Хаус на спор с Кадди неделю продержался без викодина, чтобы доказать, что он не наркоман. Тогда он заявил главврачу: «Таблетки не дают мне кайфа, они делают меня нейтральным». Хаус выиграл спор, но признался Уилсону, что викодин убирает боль и без него он не смог бы работать. Так, теоретический авторитет Хауса подрывает обоснование практического авторитета Триттера, одновременно демонстрируя неизбежную взаимосвязь между двумя этими видами авторитета.

Есть определенное сходство в отношениях авторитетов с подвластными им людьми. По сравнению с Хаусом пациенты очень невежественны. По сравнению с Триттером, люди - беспомощное стадо, и потому, столкнувшись с законом, сами не знают, что для них лучше. Это сходство подчеркивает общий для Хауса и Триттера рефрен: «Все врут». Люди врут обоим видам авторитета, пытаясь таким образом защитить свои интересы. Столкнувшись с теоретическим авторитетом типа Хауса, они не понимают, что для постановки диагноза нужна полная и точная информация о симптомах. Они не осознают, что лучше рассказать всю правду, не скрывая даже незначительных подробностей. Например,

в эпизоде «Папенькин сынок» (2/5) отец пациента говорит Хаусу, что владеет строительной компанией, полагая, что врачи станут лучше относиться к его сыну. На самом деле он - владелец свалки утильсырья. Только узнав правду, Хаус сумел поставить диагноз (догадавшись, что это лучевая болезнь), - к несчастью, слишком поздно для пациента. Разумеется, такое поведение очень раздражает врача, пытающегося действовать в интересах больного, ложь сводит все его усилия на нет.

Аналогичные ситуации мы наблюдаем в бесчисленных полицейских сериалах. Люди лгут полиции, думая, что таким образом смогут защитить свою личную жизнь или скрыть какие-то мелкие прегрешения. Но они совершенно не понимают, что, как только ложь обнаружится, их семьи станут объектом самого пристального внимания. В тех же случаях, когда лжет преступник, его ложь обычно становится отягчающим обстоятельством на суде.

Но, когда люди сталкиваются с такими представителями практического авторитета, как Триггер, ситуация усложняется еще больше. Обоснованный практический авторитет не обязан доказывать людям, что действует на их же благо. Напротив, он может просто потребовать, чтобы они исполняли свой гражданский долг. Разумеется, многие предпочитают следовать своим личным интересам, а не интересам закона, и это позволяет его служителям прибегать к приемам, нравственность которых порой трудно оправдать.

По мере развития событий Триггер давит на Уилсона и команду Хауса, чтобы добыть против своего врага улики. Обнаружив, что рецепты на вико|ин вырваны из блокнота Уилсона, он замораживает банковский счет онколога и лишает его права выписывать рецепты. Детектив старается подкупить Формана, предлагая устроить его брату, осужденному за наркотики, досрочное освобождение. Он пытается манипулировать Чейзом и заставить его шпионить за боссом, напоминая, что в прошлом Роберт уже так поступал (в первом сезоне, для Воглера) и Хаус ^се равно заподозрит его в сотрудничестве с полицией.

С точки зрения Триггера, эти приемы оправданы законом, ^едь ему нужно добыть необходимую для обвинения информацию, защитив таким образом общественную безопасность. По-

сколько практический авторитет (в идеале) работает на благо общества, он полагает себя вправе пренебрегать интересами отдельных индивидов, причем с тем большим рвением, чем большую угрозу они несут. В случае с Уилсоном страдает не только он сам, но и его пациенты. Лишившись права выписывать рецепты («Из огня да в полымя» (3/8)), Уилсон просит Кэмерон делать это за него. Эллисон соглашается, но говорит, что для соблюдения регламента (и чтобы не провоцировать вездесущего полицейского) ей придется сидеть у него на приеме. Присутствие Кэмерон в кабинете вызывает у пациентов недоверие к Уилсону и заставляет их подозревать его в некомпетентности. Вконец расстроенный онколог решает вообще закрыть практику.

Однако в конце эпизода «Слова и дела» (3/11) судья делает Триттеру замечание за чрезмерное рвение. Здесь мы наблюдаем противоречие между законом и тем, как трактуют его служители. По существу, судья поняла, что вендетта Триттера и его методы не были ни защитой интересов общества, ни правомочным использованием практического авторитета. Триттер попросту превысил полномочия. Детективы в штатском обычно не задерживают за вождение в нетрезвом виде.

Конфликт между практическим и теоретическими видами авторитета подчеркивает и сцена в зале суда. Чтобы спасти Хауса от тюрьмы, Кадди дает ложные показания. У нас не вызывает сомнений, что судья подозревает Кадди во лжи (она даже отпускает многозначительное замечание об «очень хороших друзьях Хауса»). Обычно, если есть хоть малейшее подозрение в лжесвидетельстве, информацию перепроверяют, а свидетелю грозят тюрьмой. Однако для нашего судьи (как и для Кадди) очевидно, что экстраординарный медицинский опыт Хауса (его теоретический авторитет) оправдывает нарушение обычных правил (практического авторитета закона). Так что в конечном счете сам закон делает для Хауса исключение, и практический авторитет уступает теоретическому. Как бы то ни было, любые исключения должны быть строго ограничены, иначе они подорвут авторитет закона в целом.

Итак, Хаус помилован, но с предупреждением: «Правила и законы созданы для всех. И вы вовсе не такой особенный, как думаете»⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Харт Г. Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
2. John Austin, *The Province of Jurisprudence Determined; and, the Uses of the Study of Jurisprudence* (1832), ed. H. L. A. Hart. Indianapolis: Hackett Pub., 1998. (Остин Дж. Определение области и сферы применения права.)
3. Joseph Raz, *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. Oxford; New York: Clarendon Press, 1979; Joseph Raz, *The Morality of Freedom*. Oxford; New York: Clarendon Press, 1986; Joseph Raz, "The Problem of Authority: Revisiting the Service Conception," *Minnesota Law Review* 90 (2006). (Рац Дж. Авторитет закона: Очерки по теории права и морали; Нравственность свободы; Проблема авторитета: Еще раз о концепции обслуживания общества.)
4. Автор благодарит Тамару Зеффрен и Дэниэла Фридмана за их комментарии, Сару Моррисон из интернет-сообщества www.televisionwithoutpity.com за ее остроумный и исчерпывающий путеводитель по сериалу «Доктор Хаус» и Селесту Клири за ссылку на сайт.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**«ТАБЛЕТКИ НЕ ДАЮТ МНЕ
А, ОНИ ДЕЛАЮТ МЕНЯ
НЕЙТРАЛЬНЫМ»: ДОБРОДЕТЕЛИ
И ХАРАКТЕР ХАУСА**

ХАУС И ДОБРОДЕТЕЛЬ ЭКСЦЕНТРИЧНОСТИ

Джон Фицпатрик

Неудивительно, что у сериала «Доктор Хаус» такая мощная и преданная фанатская база. Медицинские драмы - один из популярнейших телепродкт^{ов}1, их любят и зрители, и критики. Помимо «Анатомии страсти», на памяти громкий успех двух сериалов, одновременно стартовавших в 1994 году, «Надежда Чикаго» и «С^сорая помощь»*, с такими героями, как Джек МакНейл и Даг Росс. Но, в отличие от своих предшественников, Грегори Хаус отнюдь не симпатичный нарушитель спокойствия, и его слабости - вовсе не продолжение достоинств. Поэтому безграничная любовь фанатов к доктору-мизантропу изначально парадоксальна, ведь он наверняка никому бы не понравился в реальной жизни. Нет, мы, конечно, очень любим\|/ эксцентричных героев, но не настолько же!

Может ли вообще эксцентричность считаться достоинством? Думаю, да, и если мы вспомним нескольких эксцентричных философов, то пойме^, почему.

Это утверждение верно и для отчест^{енного} зрителя: все три сериала переведены на русский и имеют солидную анатскую базу - Прим. ред.

Эксцентричность и Торо

Американский писатель и философ Генри Дэвид Торо (1817-1862) известен прежде всего своей книгой «Уолден, или Жизнь в лесу», описывающей два года, проведенные автором в добровольном уединении на берегу Уолденского пруда. Книга убедительно доказывает, что самая разумная человеческая жизнь - это простое существование в гармонии с природой, и в этом отношении Торо предвосхитил «зеленых». Наследие автора составляют двадцать с лишним томов, включающих, помимо «Уолдена», его выступления за отмену рабства и философские работы, посвященные гражданскому неповиновению - сознательному отказу человека подчиняться законам, которые он считает несправедливыми. Безусловно, теория ненасильственного сопротивления Торо положила начало целому ряду общественных движений и оказала серьезное влияние на Махатму Ганди и Мартина Лютера Кинга. (При этом Торо поддерживал Джона Брауна* и его методы борьбы с рабством, которые сегодня многие назвали бы терроризмом.)

Хаус ведет жизнь в социальной изоляции и без хижины на берегу пруда. В одиночестве мало хорошего, согласитесь. Но, как и автор «Уолдена», Хаус выбрал свой образ жизни сознательно. Говоря словами Торо: «Если кто-то шагает не в ногу со своими спутниками, значит, он слышит другой барабан». И, хотя отказ Хауса следовать стандартам и правилам часто кажется нам скорее нарушением субординации, чем серьезным проступком, порой он готов ради принципа пойти на немалый риск.

Например, в эпизоде «Отказ от реанимации» Хаус нарушает волю пациента. Практика современного здравоохранения такова, что дееспособный пациент имеет почти неограничен-

*Джон Браун (1800-1859) - американский аболиционист. Выступал за вооруженную борьбу с рабством, командовал партизанским отрядом, помогал переправлять беглых рабов на Север. Планировал организовать восстание рабов. Взят в плен при попытке захватить правительственный арсенал и казнен по приговору суда штата Виргиния. - *Прим. пер.*

ное право отказаться от лечения. Поэтому человек, не желающий, чтобы его жизнь искусственно продлевали, может подписать бланк отказа от реанимационных мероприятий, который прикрепляется к его медицинской карте. Но Хаус интубирует больного вопреки его желанию, потому что считает: предыдущий врач ошибся с диагнозом; и если бы пациент знал настоящее положение вещей, то не отказывался бы от лечения.

Безусловно, тут есть что возразить. Какой смысл подписывать кучу бумаг, если в любое время врач может заявить, что вы не обладаете всей полнотой информации, и сделать все по-своему? Но готовность Хауса к обвинению в уголовном преступлении и потере медицинской лицензии превращают его поступок в настоящий акт гражданского неповиновения. Обернись все по-другому, авторитет Хауса его бы не защитил.

Эксцентричность и Диоген

Диоген Синопский (404-323 гг. до н.э.) - самый знаменитый философ-киник. Он не доверял пергаменту; и если и писал что-то, его труды не сохранились. Однако он был достаточно влиятельным мыслителем, и современники сохранили для нас его жизнеописание и взглядЪ!. Диоген придавал большое значение жизни честной и скромной, в согласии с природой, и считал, что граждане Афин слишком изнежены, а пресловутая афинская демократия построена на обмане и лицемерии. Он полагал, что нет разницы между публичной и частной жизнью и человек должен на людях говорить и поступать так же, как в уединении. Диоген верил, что материальные блага не ведут к счастью, более того - препятствуют его достижению, поэтому сам жил скромно и ничем не владел. Он учил, что «жить надо, никого не боясь и никого не стыдясь»: писали, что он испражнялся и мастурбировал прилюдно - даже Хаус не заходил так далеко... пока во всяком случае. Услышав, что Платон назвал человека «животным о двух ногах, лишенным перьев», Диоген принес в Афинскую академию ощипанного петуха и выпустил

со словами: «Смотрите, вот человек Платона», - чем не Хаус с его любовью к парадоксам!

Наверное, самая известная история про Диогена такова: днем с зажженным фонарем он бродил по людным местам, а на вопрос, что он делает, отвечал: «Ищу [порядочного] человека».

Мы все знаем современных политиков, что на публике провозглашают семейные ценности, а сами бросают жен, не заботятся о своих детях и ходят к проституткам. Для Диогена дела важнее слов, и он уверен, что, только совершая хорошие поступки, можно вести жизнь честную и счастливую.

Хаус демонстрирует похожее презрение к лицемерию: нахально глотает викодин на людях, всегда без обиняков говорит, что думает и что чувствует. Конечно, правила приличия учат нас быть вежливыми, но вежливость не всегда честна, а правда имеет для Хауса решающее значение, не зря он характеризует нечестность своих пациентов, да и человечества в целом, двумя словами: «Все врут». Анализы надо повторять, потому что они ненадежны, а люди допускают ошибки. Компьютерная обработка анализов надежна, но часто маскирует то, что человеку бросилось бы в глаза. Здравый смысл часто прав, но, когда он ошибается, в бой вступает Хаус.

Эксцентричность и Сократ

Сократ (469-399 гг. до н.э.) - один из самых оригинальных, влиятельных и значительных философов всех времен. Как и Диоген, он не доверял записям. Мы знаем о философии Сократа только из свидетельств его современников; и самое достоверное, по мнению исследователей, ее изложение содержится в диалогах его знаменитого ученика Платона (427-347 до н.э.). Первый из таких диалогов, «Апология Сократа», предположительно основан на записи его выступления в афинском суде в 399 г. до н.э. Сократа обвинили в нечестивости и развращении юношества и приговорили к смерти. Он мог бы попросить о замене смертного приговора изгнанием, но отказался от этой мысли, заявив:

«В таком случае кто-нибудь может сказать: "Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен проживать спокойно и в молчании?" Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас. В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться Бога, а что, не слушаясь Бога, нельзя оставаться спокойным, то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу; с другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытаю и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для челове — если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедись в этом нелегко»¹.

«Жизнь, если она не посвящена исследованию, не достойна человека» («Непознанная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой») - одна из самых цитируемых максим Сократа и одна из самых знаменитых строк в мировой философии. Хотя точное определение понятия «познающая жизнь» составляет содержание целой академической дискуссии, два места достаточно понятны. Первое - Сократ ни в чем не раскаивается. Второе - Сократ говорит судьям, что точно знает, что такое полноценная человеческая жизнь, и если *ему* не дозволено вести такую жизнь, он предпочтет умереть.

Готовность Сократа пожертвовать жизнью за свои убеждения снискала ему множество последователей. Одним из них может быть и Хаус. Хотя Хаус постоянно плюет на авторитеты, нарушает профессиональную этику и даже закон, его поступки часто поражают нас благородством. У Хауса есть собственный, «познанный» путь в медицине; и если ему не разрешают следовать этим путем, он чувствует, что его жизнь недостойна того, чтобы быть прожитой².

Добродетель» фксцентричности

Итак, есть что-то странно притягательное в Хаусе и этих чудачковатых греках, Диогене и Сократе. Почему? Видимо, чудачки

имиолняют важную для общества функцию, к которой мы относимся с интуитивной, хотя редко выражаемой признательностью.

Попытку облечь эту признательность в слова мы находим в работах Джона Стюарта Милля (1806-1873), который сам был большим оригиналом и яркой фигурой в истории философии. Его эссе «О свободе» стало важной вехой в развитии защиты свободы личности.

В третьем разделе эссе, который читатели часто пропускают, Милль доказывает, что эксцентричные люди играют важную роль на рынке идей. Милль видит огромную пользу для общества в том, что называет «экспериментами с жизнью». Откуда взяться дискуссиям по насущным проблемам, когда каждый человек - продукт существующего положения вещей и вместо собственного мнения цитирует общественное? Общество, где никому не позволено развивать свои таланты, - нежизнеспособно; общество, где это позволено лишь немногим, - интеллектуально убого. Милль прекрасно формулирует суть экспериментов с жизнью: «Индивидуум, который предоставляет обществу или близкой к нему части общества избирать для себя тот или другой образ жизни, - тот индивидуум не имеет надобности ни в каких других способностях, кроме той способности передразнивания, какую имеет обезьяна. Только тот человек имеет надобность во всех своих способностях и действительно пользуется ими, который сам по своему пониманию устраивает свою жизнь. <...> Возможно, что человек может попасть на хорошую дорогу и избежать всякого рода бедствий, не употребляя в дело всех этих способностей; но в чем же тогда будет состоять его отличие как человека? На самом деле не в том только важность, что делают люди, но и в том, каковы те люди, которые это делают. Между теми предметами, которые человек должен стремиться улучшить и усовершенствовать, первое место по своей важности, без сомнения, занимает сам человек. <...> Человеческая природа не есть машина, устроенная по известному образцу и назначенная исполнять известное дело, - она есть дерево, которое по самой природе своей необходимо должно расти и развиваться во все

стороны, сообразно стремлению внутренних сил, которые и составляют его жизнь»³.

Хаус, как и эксцентричные философы, которых мы вспоминали, есть «проект в развитии». Он не позволяет другим придумывать за себя план его жизни, не «обезьянничает». Ему очень подходит сравнение с деревом, что растет соответственно внутренним силам, которые делают Хауса... ну, Хаусом.

Саморазвитие и моральный прогресс

Милль убежден, что моральный прогресс возможен. Прогресс влечет перемены - часто значительные, которые требуют нового мышления, новых установок и новых действий. И если мы не будем поощрять тех, кто стремится искать свою дорогу, мы рискуем задуть свежие идеи. Милль пишет: «Я потому так долго останавливаюсь на значении гениальных людей и на необходимости давать полный простор их мысли и их действиям, что в действительной жизни почти все люди относятся к этому совершенно индифферентно, хотя в теории и не станет никто этого оспаривать. оригинальность есть такая вещь, пользу которой не могут понимать неоригинальные умы: они не могут видеть, сколько добра может принести она, а если бы видели, то и не была бы она оригинальностью. Первая услуга, какую должна оказать оригинальность этим умам, состоит в том, чтобы открыть им глаза, и когда они таким образом прозреют, то могут оказаться способны и сами сделаться оригинальными, а покамест пусть они не забывают, что все, что люди не делают, было когда-то сделано кем-нибудь в первый раз, и что все благо, какое только существует, есть плод оригинальности, - пусть они будут довольно скромны, чтобы верить, что оригинальность еще имеет кое-что совершить, и что они тем более в ней нуждаются, чем менее сознают в ней нужду»⁴.

Всякий раз, когда Кадди вынуждена кому-то объяснить свою готовность мириться с выходками Хауса, она неизменно отвечает: «Он лучший врач, который у нас есть». Хаус - диагност по-

следней инстанции. Пациентов направляют к нему, когда другие врачи зашли в тупик. Те, кто не хотят признать диагностический гений Хауса, не могут терпеть его эксцентричность.

Эксцентричность и моральный прогресс

Милль убежден, что общество должно позволить оригинальным личностям свободно самовыражаться и на словах, и на деле. Но те, кто, как Хаус, далеко отклонились от нормы и идут своим путем, пересекают тонкую грань и кажутся окружающим не просто оригиналами, но законченными чудаками. Однако Милль уверен, что и чудаки, и сумасброды нужны обществу: «В такое время, как наше, более, чем когда-либо, надо не запугивать, а, напротив, поощрять индивидуумов, чтобы они действовали не так, как действует масса. <...> теперь неисполнение обычая, отказ преклоняться перед ним, есть уже само по себе заслуга. Потому именно, что тирания мнения в наше время такова, что всякая эксцентричность стала преступлением, потому именно и желательно, чтобы были эксцентричные люди, - это желательно для того, чтобы покончить с этой тиранией. Там всегда было много эксцентричных людей, где было много сильных характеров, и вообще в обществе эксцентричность бывает пропорциональна гениальности, умственной силе и нравственному мужеству. То обстоятельство, что теперь так мало эксцентричных людей, и свидетельствует о великой опасности, в какой мы находимся»⁵.

Хаус выполняет важную социальную функцию спасает жизни, когда другие врачи уже отступились. Кроме того, он - настоящий учитель. Но если бы Форман, Кэмерон, Чейз и другие сами не были личностями с сильным характером, отмеченным «гениальностью, умственной силой и нравственным мужеством», Хаус и близко не был бы таким эффективным лидером. Чтобы гений диагностики мог работать в полную силу, ему нужна команда врачей «с характером». И только общество, готовое позволить таким характерам расцвести, будет способно обеспечить Хауса подходящими кадрами.

За эксцентричный образ жизни приходится платить люди сочтут, что вы чудак, и станут на вас коситься. Но Милль убеждает, что чудаки оказывают нам неоценимую услугу. В попытке открыть что-то важное за границами существующего порядка они не боятся бросить вызов враждебному обществу. Консерваторы при каждом удобном случае спешат уверить нас, что большинство новых идей, мнений и экспериментов с жизнью оказываются хуже старых, и уже в силу этого чудаки наверняка потерпят крах. Но даже своими неудачами они служат обществу. Превращая собственную жизнь в лабораторию, эксцентричные люди способствуют созданию новых образцов для подражания, оригинальных идей и мнений. В конечном счете они помогают нам обретать жизнь, которую стоит прожить.

Здесь следует отметить, что Милль находит прямую связь между поиском такой жизни и поиском истины. Он пишет: «Утверждают, что некоторые верования столь полезны, чтобы не сказать необходимы для общего блага, что охранять их для правительства не менее обязательно, как и охранять какие-либо другие общественные интересы. <...> Полезность какого-либо мнения есть также предмет суждения и предмет столь же спорный, так же подлежащий критике и так же нуждающийся в ней, как и самое мнение. Утверждать, что такое-то мнение вредно, и на этом основании лишать свободы его высказывать, - предполагает такое же притязание на непогрешимость, как если бы дело шло не о вреде или пользе мнения, а об его истинности или ложности. Неправильно утверждать, что будто может быть дозволено доказывать пользу или безвредность мнения, и запрещено только доказывать или опровергать его истинность, потому, что истинность мнения составляет всегда существенную часть его полезности»⁶.

Хаус почти идеально совмещает поиск жизни познанной и поиск истины. В эпизоде «Бритва Оккама» диагност приходит к изящной теории, объясняющей болезнь ошибкой аптекаря. Приняв эту гипотезу, он спасает пациента. Но аптекарь утверждает, что не мог ошибиться; и семья больного не может ни доказать, ни опровергнуть такую версию. Хаус методично пересматривает все лекарства в больничной аптеке, пока не на-

ходит то, что искал: таблетки колхицина, внешне почти неотличимые от таблеток от кашля. Можно было бы заметить, что хаусовская потребность быть всегда правым подпитывается сто нарциссизмом, но этот же нарциссизм движет его жаждой познать истину. А, как уже было сказано, истинность мнения - необходимое условие его полезности.

Безусловно, Хаус - тот тип характера, что описан в классике кантри «Мамы, не позволяйте вашим мальчикам вырасти в ковбоев»:

Тем, кто его не знает, он не понравится.

А те, кому он нравится, не знают, как с ним ужиться.

Он не плохой, он просто другой,

Но его гордость не позволяет ему

Поступать так, чтобы вам понравиться⁷.

Многим из нас мир, в котором не найдется места для Хауса, покажется неуютным местом. Нам есть чему учиться у таких людей, как он, и общество только выигрывает, относясь к их эксцентричности, как к добродетели и позволяя ей цвести пышным цветом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Платон. Апология Сократа / Пер. М.С. Соловьева. // Собр. соч. в 4-х тт. М.: Мысль, 1990. Т. 1.

2. О жизни, достойной быть прожитой, см. в первом эссе этого сборника.

3-6. Милль Дж. С. О свободе // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000.

7. Песня «Мамы, не позволяйте вашим мальчикам вырасти в ковбоев», написанная Эдом и Пэтси Брюс, исполнялась такими звездами кантри, как Джонни Пейчек, Вейлан Дженнингс и Уилли Нельсон. Ed Bruce and Patsy Bruce, "Mama, Don't Let Your Babies Grow Up to Be Cowboys" (Memphis: United Artists, 1974).

ЛЮБОВЬ: ЕДИНСТВЕННЫЙ РИСК, НА КОТОРЫЙ ХАУС НЕ МОЖЕТ ПОЙТИ

Сара Протаси

В первом сезоне Кэмерон влюблена в своего шефа. Может, ее просто тянет к нему, а может, это и вправду любовь. Так сразу и не отличишь, и вообще при чем тут философия? Философия дает определения понятиям, в том числе и такому важному, как любовь. Итак, давайте попробуем с помощью сериала и философии ответить на вопрос: что есть любовь?¹

Причины любви

Предположим, что Кэмерон действительно любит Хауса. В начале не приветливый доктор раздражен и не поддается искушению, но Кэмерон прибегает к шантажу: либо он приглашает ее на свидание, либо на работу она больше не выйдет. Хаус капитулирует. Зрители видят, что его привлекает возможность отношений с Кэмерон. Но в ~~конце~~ эпизоде Грегори говорит ей то, что в глубине души всегда знал: Эллисон влечет к нему потому, что она видит в нем одинокого, ожесточенного калеку, которого она могла бы «спасти» или «починить». Но разве это такая

уж плохая причина для любви? Хаус считает, что плохая. Он не хочет, чтобы его любили из жалости. Он не хочет чувствовать, что его любят за слабости и недостатки.

Кэмерон, однако, могла бы ответить, что Хаус ошибается и для любви не нужны причины. Она просто любит его, и все! Любовь иррациональна, и значит, Хаус неправ, высмеивая и отвергая ее.

Является ли любовь эмоцией?

Широко распространено мнение, что любовь это эмоция и стрелы Купидона цель не выбирают. Но в разных случаях эмоции могут быть оправданными или неоправданными. Возьмем гнев - гнев Хауса часто оказывается непропорциональным ситуации или вообще неуместным, а порой и морально неоправданным (например, он часто сердится на доведенных до отчаяния родственников умирающих пациентов). Тем не менее его гнев бывает справедливым, как в эпизоде «Отцовство», когда он обнаруживает, что родители пациента утаили от Хауса одну маленькую деталь - ребенок им не родной, его усыновили, и значит, заболевание могло достаться ему от биологической матери.

Можно ли сравнивать любовь с гневом? Если Кэмерон любит Хауса потому, что он ожесточившийся калека, трудно усмотреть хоть какую-то аналогию. В случае с гневом объект эмоций либо подходящий, либо нет: он заслуживает гнева (именно такой интенсивности) или не заслуживает. Любовь, похоже, другое дело: нельзя описывать объект любви как подходящий или неподходящий. Может быть, Кэмерон права, отрицая, что любовь имеет причины? Любовь не может быть «слишком сильной» или неуместной просто потому, что ее объект не привлекателен.

А принимают любовь за эмоцию потому, что ее эмоциональная составляющая очень выражена: «переживание» любви характеризуется не только физическими реакциями (сексуальное возбуждение, например), но и мыслями, определенным поведением и, само собой, разнообразными эмоциями. Но сама любовь, может, и не эмоция вовсе.

Любовь - это состояние воли

Но есть у любви и некоторое сходство с эмоциями, а также желаниями и верованиями, потому что все это интенциональные* состояния, направленные вовне. Любовь - это отношение не только к любимому, но и к желаниям, которые он у нас вызывает, и не в последнюю очередь - желанию быть с ним. Поэтому любовь больше, чем другие психологические состояния, побуждает нас действовать.

Так, может, любовь тогда - волевое состояние, воление? Такое состояние может быть желанием (например, быть с кем-то), набором желаний (например, быть и заниматься с кем-то сексом) или желанием второго порядка, «желанием желания»². Как пример желания второго порядка, рассмотрим ситуацию, когда я, взвесив все «за» и «против», не хочу хотеть закурить сигарету. Мне хочется курить, но я знаю, что курение вредно для здоровья и не хочу испытывать желания курить. По всем признакам любовь - желание второго порядка. Вспомните Чейза. Сначала его просто влечет к Кэмерон. Она ему нравится, и ему нравится заниматься с ней сексом. Но потом его желание крепнет, и он изо всех сил старается убедить ее быть с ним. Его желание - не просто что-то, не зависящее от него, как, например, сенная лихорадка. Он хочет испытывать это желание. Его любовь - желание желания.

Кэмерон, похоже, понимает, что любовь - желание второго порядка. Когда она сознает, что Хаус по-прежнему любит Стейси (а значит, в принципе способен на любовь), она говорит ему странные, на первый взгляд, слова: «Вы не хотите любить меня». Хотя любовь - не волевой акт, мы, безусловно, до какой-то степени контролируем ситуацию, которая влияет на

* Интенция - (от *лат.* *intentio* - стремление), намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет. Понятие интенции разрабатывалось в схоластике, в XIX - XX вв. учение об интенциональности сознания было развито Ф. Brentano, А. Meinhof, Э. Husserl и др. - *Прим. ред.*

маши желания. Кэмерон привлекает Хауса, но он хочет не поддаваться этому влечению. Он предпочитает не желать Кэмерон. Гак что в каком-то смысле он не хочет ее любить.

Знание и любовь

Отчасти это происходит потому, что хромым доктор оскорблен представлением Кэмерон о себе. Стейси, встретившая Хауса еще здоровым, любит его за сексуальность и ум. Кэмерон тоже находит своего босса сексуальным и умным, но видит в нем в первую очередь одинокого ожесточенного калеку. Хаус думает, что Эллисон не знает его настоящего «я», и отдаляется от нее. Он прав и не прав одновременно - прав, с подозрением относясь к проекциям в любви. Любящий не должен пребывать в неведении относительно ключевых характеристик любимого. Если бы Кэмерон любила Хауса, думая, что он несчастный и беззащитный, она бы глубоко ошибалась. Это значит, что она любила бы кого-то другого. Но Хаус неправ, поскольку в какой-то степени он таков, каким его видит Эллисон. Она хорошо знает Хауса и любит его таким, какой он в действительности есть, хоть и надеется (совершенно напрасно!), что он изменится.

Качества любимых

Основывается ли любовь на качествах любимого? Похоже, что нет, ибо люди, которых мы любим, меняются на протяжении жизни. Если кто-то разлюбит партнера, потому что тот с возрастом потерял былую привлекательность, мы скажем, что то была ненастоящая любовь. Если любимый человек серьезно заболит и станет менее остроумным и сексуальным, партнер все равно продолжит его любить, в противном случае его, опять же, обвинят в поверхностности чувств.

Кто-то может возразить, что следует различать состояние любви и отношение любви. Причины, по которым отношение

сохраняется «в горе и в радости», не сводятся только к романтическим чувствам. Даже если исключить какие-то трагические обстоятельства, люди остаются вместе по множеству причин, и чувства, которые они друг к другу испытывают, могут развиваться со временем, мутируя из эротической страсти в уважение и привязанность. Таким образом, примеры, доказывающие возможность любить утратившего привлекательность партнера, на самом деле ничего не доказывают.

Мы можем разлюбить с той же легкостью, что полюбили, и каких-то особых причин для этой перемены может и не быть. Человек перестает любить своего партнера, потому что тот слишком сильно изменился, - дело совсем не в том, что любовь была «ненастоящая».

Мы любим индивида, а не абстрактный объект. Мы любим конкретную личность, а личности складываются из набора качеств³. Кэмерон любит Хауса, потому что он харизматичный, остроумный и несчастный, хотя, спроси у нее, почему она его любит, Кэмерон могла бы ответить просто: «Потому что Хаус - это Хаус». При этом мы любим человека в его развитии. А еще: мы любим партнера таким, каким он являет себя для нас.

Хаус - это Хаус, но он по-разному относится к разным людям. Кадди он чаще просто раздражает, чем оскорбляет, свою команду - наоборот. Уилсон и Кадди лучше видят его слабости, поэтому стараются защитить его больше, чем Чейз или Форман. Стейси, которая была влюблена в Хауса, знает о нем такое, о чем другие и не догадываются. Поэтому работоспособная теория, увязывающая качества любимых и любовь, должна учитывать, что характер изменяется как сам по себе, так и в процессе взаимоотношений. В отличие от роста и рождения, характеристик неизменных, такие свойства личности, как язвительность и эгоизм, являются относительными. То же верно и для харизмы и остроумия.

Выходит, Кэмерон любит Хауса потому, что он харизматичен, острый на язык и несчастен. Но к концу третьего сезона она уже любит Чейза, который, с какой стороны ни глянь, на Хауса не похож. Он конформист, слащав (по крайней мере, с ней)

и шюльне доволен жизнью. Кэмерон любит Чейза, а не кого-то другого, потому что Чейз именно такой.

Любовь - созидательный процесс

Но почему Кэмерон разлюбила Хауса, несмотря на то что он никак не изменился, и полюбила Чейза, не имеющего с Хаусом ни капли общего? Отчасти ответ заключается в том, что любовь - это желание второго порядка, любовь к любви. Кроме того, она преходяща. Качества, отличающие любимого человека, важны для того, чтобы он нам понравился, и определяют влечение к нему, но не желание второго порядка. Кэмерон влечет к Хаусу потому, что он обладает определенным набором характеристик. Затем, руководствуясь желанием второго порядка (которое может быть обусловлено потребностью дарить любовь нуждающимся и несчастным), она влюбляется в него. Хаус, таким образом, обретает для нее ценность, которая уже не зависит от его качеств. Эта ценность создана самой любовью. Вот почему, когда мы любим, мы ценим интересы и дела наших любимых, не волновавшие нас до того, как эти люди вошли в нашу жизнь. Но, когда Хаус не отвечает на любовь Эллисон и отвергает ее помощь, она понимает, что может полюбить кого-то другого, кто, как Чейз, способен принять ее. Поэтому она отказывается от Хауса и от своего желания. Вместе с концом любви приходит утрата ценности, созданной любовью. Вот почему, хотя возлюбленные могут остаться прежними, любовь иногда заканчивается или даже переходит в ненависть.

Моральна ли эротическая любовь?

Современный философ Гарри Франкфурт утверждает, что любовь есть не просто желание второго порядка, но его частный случай: бескорыстное желание благополучия любимому человеку. Согласно этому определению, Кэмерон искренне любит

Хауса. Выходит, она просто милая девушка, которая желает своему возлюбленному счастья, несмотря на то что он не хочет отвечать на ее чувства?

Кэмерон действительно милая и безупречная в моральном плане девушка, но я сомневалась, что такова и ее эротическая любовь к Хаусу. В конце концов, когда доходит до соблазнения Хауса, она бьется изо всех сил и даже прибегает к шантажу (о да, это был милый, «белый и пушистый» шантаж, но тем не менее...). Эрос даже мягкою Кэмерон превратил в смелую и уверенную в себе особу, и это превращение становится очевидным, когда она в третьем сезоне делает Чейзу дерзкое предложение (хотя ее интерес к Роберту - это не любовь, по крайней мере, поначалу). Значит, моральность - не обязательная характеристика любви? Но же тогда содержание любовного желания? Чего хотела Кэмерон от Хауса?

Похоже, что секс в качестве ответа не подходит, несмотря на то, что сексуальность - часть эроса. Кэмерон влечет мрачное очарование босса, но она жаждет не просто переспать с ним, а заботиться о нем, стать частью его жизни, чувствовать, что он ее хочет, делить его интересы - быть его второй половиной. Она не альтруистка. Ей нужно что-то для себя. Она хочет быть цельной. Это и есть подлинная природа эротического желания - обретение собственной завершенности с человеком, который нам подходит^{1*}.

Хаус поступает со Стейси аморально: шпионит за ней, читает записи ее бесед с психологом, пытается разрушить ее брак и не раз ведет себя как «подлый сукин сын». Однако у зрителей нет сомнений в том, что он любит Стейси. Он хорошо знает ее, он хочет ее физически, и он хочет быть с ней. Какие еще нужны доказательства?

Вы можете сказать, что любовь Хауса к Стейси моральна. В конце концов, разве не ради благополучия любимой он прервал их отношения? Да, но его поведение не обусловлено эросом. Скорее, он поступает так, потому что питает к ней нежные чувства и потому что (иногда) способен на моральные поступки и в сложившихся обстоятельствах считает такое решение поря-

дочным - точно так же, как решение ампутировать пациенту ногу. Вспомните, он и с Кэмерон вел себя порядочно: держал на расстоянии сколько мог, пока она силой не вытащила его на свидание. И поэтому он прислушивается к просьбам других людей не причинять ей боль.

Но эрос по своей природе не оставляет места для морали. Кэмерон могла бы с этим не согласиться, но она не думала о морали, когда вынуждала Хауса пригласить ее на свидание. В действительности она так гордилась, что ей это удалось, что даже не стала скрывать от других свою победу, несмотря на просьбу босса.

Эрос, а не обычное сексуальное влечение, делает людей способными на все. Как писал Клайв Льюис: «Та любовь, что приводила к жестоким и клятвопреступным союзам, к парным самоубийствам и даже убийствам, вряд ли была голодной похотью или поверхностным сентиментом. Скорее это был эрос во всем его блеске, до боли откровенный, готовый на любую жертву, кроме отречения от любви»⁵.

Почему Хаус не может любить: уязвимость в любви

Но слушание дела «Хаус - Кэмерон» еще не закончено. Мы ознакомились с мотивами Кэмерон; осталось выслушать вторую сторону. Почему Хаус отверг Кэмерон? Мы подозреваем, что он был не вполне искренен в изложении своих доводов. Безусловно, его раздражает ее любовь-жалость. Но Хаус не может не понимать, что, не будь он голубоглазым, остроумным, харизматичным и гениальным, Кэмерон нашла бы другого кандидата. Как мы видели, любовь направлена на людей, обладающих конкретным набором качеств. Когда Хаус на какое-то время избавляется от хромоты, он приглашает Кэмерон на свидание, но она не проявляет интереса. Грегори победно заявляет, что Эллисон перестала интересоваться им, потому что он выздоровел и изменился. Та резонно отвечает, что он не слишком изменился. В любом случае боль скоро вернется и Хаус снова

будет ходить с тростью. Но он верно отметил перемены в отношении Кэмерон к нему. Что бы ни было тому причиной, она больше не любит его. Любовь ре вечна. Даже настоящая любовь может кончиться.

И это пугает. Поэтому нам так нравятся сказки с хорошим концом - «они жили долго и счастливо и умерли в один день», Поэтому нас так трогают трагические истории наподобие истории Ромео и Джульетты. Их любовь пребудет вечной, потому что они никогда не состарятся не успеют надоесть друг другу (по крайней мере, циничный Хаус не преминул бы это отметить). Так хотелось бы, чтобы настоящая любовь была вечной, - тогда и каждому из н с наверняка повезет найти такую. Любовь требует огромного труда, и Хаус это очень хорошо понимает. Он часто не верит пациентам, которые говорят, что любят своих партнеров и верны им, и почти всегда оказывается прав. Даже кубинцу Эстерану, рисковавшему жизнью, чтобы привезти жену в Америку, е удалось переубедить его.

Хаус слишком хорошо знает чем кончается любовь. Быть наивным - плохо, но быть циничным - еще хуже. Цинизм мешает хромому диагносту быть Счастливым, цинизм же заставляет его отвергнуть любую прекрасной, умной женщины,

Грегори просит и Эл|лисой, и Стейси не причинять ему боль. Обе удивлены, и і действительно, кажется, что больше пострадали они. Но женщины способны любить и рисковать, готовы вынести боль, начать новую жизнь, сложить старую из осколков, - и поэтому в конце концов окажутся с Марком и Чейзом. Хаус на это не способен. Он снова закончит одиночеством. Любовь всегда подразумевает способность доверять, уязвимость и готовность прищ|ть боль. Поэтому у Хауса проблемы не только с любовью, но и с дружбой. Даже с Уилсоном, его единственным другом, он постоянно настороже. Их дружба держится только на умении Уилсона сохранять ее, его терпении и способности прощать Хауса. Безусловно, Грегори привязан к Джеймсу, но делает все, что в его силах, чтобы доминировать. Такое может сработать в дружбе, отношениях более свободных и открытых, чем любовь, но стремление Хауса к контролю не

с рабатывает в контексте эроса, где особая, доверительная интимность является фундаментальной.

Не сблизившись с Кэмерон и Стейси*, Хаус повел себя верно с моральной точки зрения, зная, что может причинить им боль. Но боязнь испытать боль самому помешала Грегори сделать их счастливыми. К сожалению, любовь без боли действительно невозможна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этой главе мы сосредоточимся на любви, которую древние греки называли «эрос», - физической, страстной любви, противопоставлявшейся любви к друзьям (филия), любви к близким родственникам (сторге) и любви к Богу (агапе). Их различие (с христианской точки зрения) см. в: C. S. Lewis, *The Four Loves*. San Diego: Harcourt, 1991. (Льюис К. Четыре любви.)

2. Многие авторы рассматривают любовь как волевое состояние, а не эмоцию, в их числе Роберт Нозик и Гарри Франкфурт. См. Robert Nozick, "Love's Bond," в книге *The Examined Life: Philosophical Meditations*. New York: Simon and Schuster, 1989 (Нозик Р. Узы любви // Познанная жизнь: Философские медитации) и Harry Frankfurt, *Reasons of Love*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004 (Франкфурт Г. Основания любви).

3. Нам не всегда легко ответить, что именно привлекает нас в нашем партнере, но тот факт, что теорию трудно проверить, не означает, что она не верна. Представим это немного по-другому: вопросами доступного нам знания о реальности и вопросами о природе этой реальности занимаются разные отрасли философии - эпистемология (теория познания) и онтология (наука о бытии и его свойствах).

4. Имеется в виду история о первых людях, рассказанная Аристофаном в диалоге Платона «Пир». Первые люди были андрогинами - двуполыми, сферическими созданиями, совершенными и самодостаточными. Недовольные боги разделили андрогинов пополам, и с тех пор каждый человек ищет половину, с которой был разлучен.

5. См. Льюис К. Четыре любви.

* Вы сейчас, вероятно, возмущены: эссе подходит к концу, а о Кадди не было сказано ни слова. Мы (переводчик и редактор) предполагаем два объяснения: 1) автор просто не стал разбираться в хитросплетениях их отношений; 2) автор считает неэтичным говорить о существующих отношениях. В любом случае сделать мы ничего не можем, поэтому продолжим напряженно наблюдать за происходящим на экране. - *Прим. ред.*

РЕЦЕПТ НА ДРУЖБУ

Сара Уоллер

И пациентов, и коллег Грегори Хауса не покидает ощущение, что он их использует, ни во что не ставит и беспардонно контролирует. И тем не менее Кэмерон, Уилсон, Форман и Кадди часто защищают Хауса, лгут ради него и спасают его то от тюрьмы, то от увольнения. Это дружба или все эти люди - мазохисты? Вспомните диалог между Уилсоном и пациенткой:

Пациентка. Так он ваш друг?

Уилсон. Угу.

Пациентка. Он о вас заботится?

Уилсон. Думаю, да.

Пациентка. Вы точно не знаете?

Уилсон. Как любит говорить доктор Хаус, «все врут».

Пациентка. Забота - это не то, что люди говорят, это то, что они делают.

Уилсон. Да, он заботится обо мне.

Не заблуждается ли Уилсон? Или он просто чересчур мягкий человек, отчаянно пытающийся найти хорошее во всех, даже в таком сварливом и неуправляемом коллеге, как Хаус? Я думаю, что Уилсон прав, - это, и правда, дружба, а не какое-нибудь приятельство. Аристотель писал, что дружба быва-

ИТ трех видов, в зависимости от того, что лежит в ее основе: 1) польза, или благо, получаемое от другого человека, 2) удовольствие от общения с ним и 3) добродетель. Третий вид - самый редкий. Отношения Хауса и Уилсона основаны не на пользе и не на удовольствии (хотя их нельзя назвать бесполезными и неприятными), но на чем-то более значимом - на добродетели. И, как мы увидим, то же можно сказать о других дружеских отношениях в сериале.

Кто такой настоящий друг?

По Аристотелю, совершенная дружба, не замутненная корыстью, - это «дружба между людьми добродетельными и по добродетели друг другу подобными. <...> А те, кто желают друзьям блага ради них, - друзья по преимуществу»¹.

Постараемся разъяснить про добродетель подробнее. Во-первых, по Аристотелю, настоящая дружба возможна только между добродетельными людьми, ибо дурные люди, пишет он, не наслаждаются друг другом, если им нет друг от друга какой-нибудь выгоды. Хорошие люди желают своим друзьям добра искренне и бескорыстно, без скрытых мотивов. Во-вторых, добродетель неразрывно связана с общественно значимой деятельностью: добродетели есть качества, характеризующие совершенство поведения в целом и каждого поступка в отдельности. По Аристотелю, быть хорошим человеком значит хорошо выполнять свою функцию в обществе. Например, «делать благо» для врача значит не только поставить верный диагноз (хотя и это будет благом для больницы, пациента и карьеры доктора), но и вылечить пациента. Говоря об определяющей черте подлинно добродетельного человека, способного на высшую форму дружбы, Аристотель употребляет греческое слово *арете*, означающее доблесть, чувство долга, гораздо более важные для философа, чем знатность происхождения или богатство. Обладать *арете* значит быть гармоничным человеком - нравственным, мудрым и хорошим гражданином. Лучшая, самая

желанная для человека жизнь, по Аристотелю, это жизнь в обществе.

Герои сериала далеки от совершенства (хотя именно их изъяны и слабости делают просмотр столь интересным): Хаус циничен и груб, обходит правила и нарушает законы где только может; Уилсон любвеобилен и мягок до приторности; Кэмерон так эмоционально привязывается к своим пациентам, что не может сообщать им плохие новости; Чейз амбициозен и аморфен; Форман так боится походить на Хауса, что становится еще хуже... И все же при всех своих недостатках, они по крайней мере стремятся к арете.

Хаус и Уилсон - настоящие друзья?

Декорации расставлены, важность выполнения человеком социальной функции подсвечена прожекторами, спектакль под названием «Этика дружбы» начинается. В первые же минуты первого эпизода первого сезона Уилсон обманывает Хауса: чтобы привлечь его внимание к пациенту, говорит, что больная - его кузина. Уилсон солгал другу ради незнакомого человека. Почему? Потому что функция Хауса в обществе - лечить людей (а не просто ставить диагнозы, как он считает), а он не собирается этим заниматься без дополнительного стимула. Уилсон упрекает друга: «Какой смысл собирать команду, если ты не будешь ее использовать? У тебя три суперквалифицированных врача сидят и скучают без дела». Так начинается чудесное путешествие дружбы, по Аристотелю, - взаимной любви достойных людей, в основе которой лежат добродетель и благо. Впереди будут манипулирование, ложь и искренняя забота - все средства хороши, чтобы убедить друга использовать таланты и выполнять обязанности в контексте более широком, чем межличностные отношения, - в больнице и в обществе. Особенность Хауса, делающая маловероятным обретение им арете и, соответственно, достижение счастья, - склонность ограничиваться разгадыванием головоломок вместо того, чтобы

реализовывать многогранность своей профессиональной роли, которая отнюдь не сводится к интеллектуальным забавам. Уилсон все время подталкивает Хауса уделять больше внимания людям: будь лучше, будь открытее, будь свободнее!

Для того чтобы приближать друг друга к совершенству, друзья должны быть равными в достоинствах - таланте и добродетели. Хаус и Уилсон - оба одаренные люди, каждый по-своему. Оба возглавляют отделения в Принстон-Плейнсборо: Хаус - гениальный диагност, Уилсон - прекрасный онколог. Таланты обоих не ограничиваются чистой медициной: Хаус играючи управляется с командой врачей; дар Уилсона - уметь так сообщить пациентам смертельный диагноз, что они скажут ему «спасибо». Хаус - великий манипулятор и умеет добиваться своего. Уилсон способен проникать в глубину человеческих эмоций, даже в эмоции Хауса. Друзья равны по способностям и талантам, равны и по социальному статусу.

Равны ли они по добродетели? Кому-то может показаться, что Хаус - негодяй, а Уилсон - кроткий, добрый, всепрощающий друг, который вытаскивает Хауса из передряг и терпит его вечные фокусы и злые шутки. Как бы не так. Уилсон врет Хаусу («С тех пор как год назад я сказал, что небритость тебе идет, я врал тебе больше и больше»), скрывает (утаил, что после очередного развода переехал к пациентке, с которой у него связь), сговаривается с Кадди, чтобы обманом заставить друга взять больного, и убеждает ее скрыть от Хауса, что кортизол вылечил паралитика с болезнью Аддисона («Если бы мы сказали тебе правду, ты бы решил, что ты Бог. Я беспокоился, что ты подпалишь себе крылья»). «Все врут»? Как минимум, эти двое врут друг другу регулярно, и, действительно, один другого стоит.

Казалось бы, дружбу, в которой оба нечестны, никак нельзя назвать совершенной. Но взаимный обман показывает, что ни один из них не более добродетелен, чем другой. У каждого свои недостатки. Уилсон спит с пациентками и рвет отношения с женами задолго до развода. Хаус настолько несдержан на язык, что с учетом судебных издержек обходится больнице

дороже, чем любой другой врач. Они тайком подсыпают друг другу сильнодействующие препараты (Уилсон Хаусу - антидепрессанты, Хаус Уилсону - амфетамины). И все же, когда очередной брак Уилсона распадается, Хаус распахивает перед ним двери своего дома (пусть даже только для того, чтобы вволю порезвиться, съедая его обеды и обманом заставляя мыть посуду вне очереди). Когда Воглер собирается уволить Хауса, Уилсон голосует за сохранение друга в штате, рискуя своим местом в правлении больницы. По мере развития событий их дружба предстает перед нами как отношения людей равных достоинств, поддерживающих друг друга в трудную минуту.

Итак, ни того, ни другого нельзя назвать безупречным. Но, как говорил Аристотель, «никакого человека не называй счастливым, пока он не умер», подразумевая, что счастье невозможно без аrete, а аrete требует постоянного стремления к совершенству, которое заканчивается только вместе с жизнью. Мы все несовершенны, и потому нам есть куда расти. Реализация наших возможностей есть и стремление к совершенству. Ложь оказывается полезной, потому что помогает двум друзьям стать лучше. Уилсон манипулирует пациентами потому, что у него есть талант, позволяющий эффективнее выполнять свои профессиональные обязанности. Хаус мучает свою команду потому, что это помогает ему ставить верные диагнозы. Уилсон обманывает Хауса, чтобы тот взял очередного пациента. Хаус, ребячась, изводит Уилсона, таскает еду у него из холодильника и прямо с тарелки, чтобы показать - развод разводом, но в жизни по-прежнему полно веселья. Хаус и Уилсон демонстрируют, как можно использовать свою слабость, чтобы стать сильнее и стремиться к аrete.

Конфликт с Воглером

Воглер, пожертвовавший больнице сто миллионов долларов в обмен на место председателя правления, чувствует к Хаусу неприязнь с первого взгляда. Сначала он пытается заставить

диагноста носить белый халат. Потом требует от Грегори уволить одного из членов команды. Когда Хаус предлагает придуманный Кэмерон компромисс - срезать всем зарплаты, чтобы сократить бюджет отделения диагностики, - Воглер отказывается. Его волнуют не деньги или эффективность больницы, но контроль. Затем магнат предлагает врачу выход: если тот прокламирует на конференции новое лекарство, которое компания Воглера выпускает на рынок, то сохранит свою команду. Кадди и Уилсон испытывают облегчение - свидетельство того, что они изначально видят в Хаусе врача, а не гордеца, который если и подчиняется, то очень неохотно. Если Хаус выступит с хвalebной речью, он сможет сохранить работу всем членам своей команды, а поскольку лекарство действительно помогает, друзья считают речь приемлемым компромиссом и соглашаются, что это решение пойдет на пользу больнице и благополучию пациентов. Хаус видит ситуацию иначе. Он выступает с речью, но говорит правду - лекарство дорогое и не новое, - тем самым отказываясь от сделки. Почему? Потому что медицина - не бизнес. Прибыльные решения не обязательно учитывают интересы пациентов или медицины в целом. Главное зло в данной ситуации - не реклама лекарства или сделка с Воглером, а компромисс, ограничивающий свободу врача. Как говорит Кэмерон Хаусу, увольняясь: «Я думала, что все, что вы делаете, вы делаете, чтобы помогать людям. Я была не права - вы так делаете, потому что это правильно».

Хотя Уилсон и Кадди не одобряют поведения Хауса в этой ситуации, все трое единодушны в том, что интересы клиники не должны страдать. Поэтому Уилсон голосует против увольнения своего товарища. Воглер в ответ исключает онколога из правления. Уилсон чувствует себя преданным и сомневается в дружбе Хауса: «Я голосовал за то, чтобы тебя оставить... У меня нет детей, мой брак - отстой, у меня в жизни только две вещи - работа и эта дурацкая ненормальная дружба. Но и то, и другое значат для тебя меньше, чем какая-то паршивая речь!» «Нет», - отвечает Хаус, но оба соглашаются, что, если бы ему снова пришлось выбирать, он поступил бы так же.

Хаус не хочет приносить Уилсона в жертву или терять деньги Воглера. Но он не может позволить себе рисковать своей свободой. Поэтому, раз уж мы говорим о желании блага, следует признать, что оно должно быть бескорыстным - а того, что Хаус хочет для себя, он хочет и для каждого. Он, по сути, пусть и весьма своеобразным образом, стремится улучшить жизнь своих коллег и Уилсона в первую очередь. Грегори ведет себя как настоящий друг, поскольку его поступок направлен на благополучие Джеймса, - его не останавливает даже перспектива собственного увольнения. Уилсон не будет счастлив, если продолжит работать в больнице, не имея свободы выбора. И он не сможет уважать Хауса, если тот не будет отстаивать свои принципы и поступать так, как считает правильным.

Конфликт с Триггером

Объявив остроумному диагносту войну, Триггер начинает давить на Уилсона, добиваясь показаний против Хауса. Джеймсу замораживают счет в банке и отзывают лицензию на право выдачи рецептов. Он страдает, но Хаус ничего не предпринимает для решения проблемы. Когда Уилсону нужна Кэмерон, чтобы выписывать за него рецепты, Хаус отказывается ее отпустить. Онколог взбешен (и справедливо: с точки зрения аристотелевской модели дружбы, Хаус препятствует выполнению им гражданского долга). В эпизоде «В поисках Иуды» (3/9) Уилсон видит, как рыдает оскорбленная Хаусом Кадди, как тот бьет Чейза по лицу, как всех членов команды допрашивают и замораживают им счета. Хаус мешает добродетели и счастью каждого, отказываясь признать, что несправедливо обошелся с Триггером и что у него действительно серьезная зависимость от виколина.

Наконец Уилсон обещает Триггеру дать показания. Кажется, будто Джеймс предаст друга, стоило в воздухе запахнуть жареным, но в действительности он решается вмешаться только после того, как Хаус поступил не по-дружески и при этом

подверг риску профессиональную деятельность их обоих. Хотя Уилсон упрекает Хауса: «Не тебе жаловаться, что я всегда готов помочь с рецептом», он никогда не был пассивным пособником. Джеймс занимает твердую позицию, убеждая товарища лечиться от наркомании, и не уступает, пока тот не извиняется и не делает несколько шагов по дороге к выздоровлению (что, впрочем, оказывается не более чем спектаклем). Тогда Уилсон отказывается давать показания - в конечном счете Хаус выполняет свою функцию в больнице и спасает больше жизней, чем сам Уилсон. Даже когда Триттер обещает выдвинуть против онколога обвинение в препятствовании следствию, Джеймс не меняет своего решения - для пациентов будет лучше, если в тюрьму пойдет он, а не Хаус. Похоже, Кадди рассуждает так же, когда идет на лжесвидетельство, чтобы спасти Хауса от тюрьмы. Дело закрывают, но Кадди до конца не уверена, правильно ли она поступила, оставив Грегори возможность выполнять свою функцию врача. Она не забыла последние события, когда ее лучший врач препятствовал полноценной работе всего персонала больницы, и жестко говорит ему: «Ты дурно влияешь на окружающих. Радует лишь одно - теперь ты в моих руках». Как администратор она обязана обеспечивать коллективную работу больницы. Видимо, Лиза верит, что сумеет использовать обретенную власть над Грегори, чтобы заставить его выполнять свои функции и улучшить качество работы больницы в целом (ведь это вполне ему по силам!). И, разумеется, ради этого она готова культивировать в нем чувство вины. Манипулирование, достойное самого Хауса!

Для хромого диагноста единственный способ помочь людям лучше выполнять свои функции - заставить их почувствовать свою никчемность. Он вечно издевается над своей командой, чтобы «их самоуважение зависело от того, как они работают». Хотя Кадди и Уилсон часто не соглашались с его методами, настаивая, что игра на чувстве вины и честолюбии - не единственный способ воспитать превосходных специалистов, Хаус мог бы возразить, что его метод зато дает неизменно высокие результаты и, следовательно, хорош. Аналогично, вопреки мне-

нию друзей, Хаус считает, что должен принимать высокие дозы болеутоляющего, чтобы лучше работать.

Чейз и Кэмерон: разрушает ли секс дружбу?

Пресловутая искра проскакивает между Чейзом и Кэмерон в самом начале первого сезона. Обсуждая, насколько экстремальной была сексуальная жизнь пациента, Кэмерон говорит, что секс может быть опасным, и Чейз шутливо спрашивает, удавалось ли Кэмерон «затрахать кого-нибудь до смерти». Присутствовавший при этом Форман, оставшись с Кэмерон наедине, замечает, что после такого откровенного разговора она получила полную власть над отношениями с Чейзом.

Сексуальное напряжение только усиливается, когда Кэмерон, приняв не то амфетамин, не то экстази, а может, и то, и другое, соблазняет несколько обескураженного ее смелостью Чейза. Они решают не повторять этот опыт, согласившись, что продолжение отношений помешало бы их арете и работе.

Что интересно, схожие доводы используются, когда в третьем сезоне между ними возникают любовно-дружеские отношения (жизнь-де приятнее при наличии удобного сексуального партнера, чем без него). Обиженный Чейз сравнивает такие отношения с пиццей из микроволновки, но Кэмерон считает, что, раз уж они с первого раза не потеряли голову («Из всех сотрудников влюбиться в тебя мне грозит меньше всего»), такие отношения улучшат их профессиональную эффективность за счет удовлетворения плотских потребностей. Они заключают соглашение: отношения не должны повредить никому из них и отразиться на работе.

Естественно, соглашения хватает ненадолго. Чейз хочет большего, Кэмерон ему отказывает (поначалу). Как Форман и предупреждал, их отношения влияют на работу всей команды: «Ох, черт, вы двое опять спелись!» Когда они вместе, то соглашаются с гипотезами и назначениями друг друга, бросают пациента без присмотра и используют лабораторию изучения сна

не по ее прямому назначению. Когда они не вместе, то пререкаются, грызутся из-за диагнозов и соперничают за одобрение Хауса. Они не перестают желать друг другу блага - ни один не увольняется сам и не подсиживает другого, ни один сознательно не вмешивается в профессиональную деятельность другого, но они не хотят находиться рядом, пока ситуация не разрядится (и Хаус веселится от души; посылая их вместе вламываться в дома пациентов, проводить анализы и наблюдать больных). Чейз и Кэмерон переоценили свои возможности - они по-прежнему воспринимают друг друга как равных, как профессионалов, но эмоции вторгаются в их работу. Может, любовники и могут быть друзьями, но только эти двое за физическую связь заплатили снижением профессионализма.

Кэмерон и Форман - друзья?

«Слушайте, Кэмерон мой друг», говорит Форман Хаусу, узнав, что у босса и его коллеги будет свидание. Он решил защитить Эллисон, удостоверившись, что Хаус не обидит ее романтические чувства. Кроме того, Форман очень ценит слаженность команды. Он не раз повторял, что пришел работать к Хаусу, чтобы учиться у него (и, как мы понимаем к концу третьего сезона, научился слишком многому), другими словами, совершенствоваться как врач. Но Эрик упускает множество возможностей повлиять на Хауса - он мог бы убедить его не ходить на свидание или предложить Кэмерон другое условие возвращения на работу. Вместо этого он заявляет, что Кэмерон - друг, которого стоит оберегать.

Тем удивительнее, что, когда Кэмерон обвиняет Формана в краже ее статьи, он отвечает: «Мы не друзья, мы коллеги». Эрик позволяет своекорыстию преобладать над доброжелательным отношением к Эллисон. В дальнейшем он поступает еще хуже: заражает ее неизвестным и потенциально смертельным заболеванием, которым заболел сам, в надежде, что этим ускорит постановку диагноза («Эйфория», части I и II). Кэмерон соглаша-

ется стать медицинским представителем Формана (доверив ей выбор лечения, он тем самым признает, что уважает ее мнение и компетентность), но отказывается принять его извинения. Только через какое-то время она сможет простить Формана, и их отношения восстановятся. Это пример дружбы, пострадавшей из-за эгоцентризма. В ситуации со статьей оба продемонстрировали не лучшие свои качества: Форман поставил строку в списке публикаций выше дружбы, Кэмерон наябедничала Кадди.

Когда они прощаются в конце третьего сезона, Кэмерон дарит ему злополучную статью в рамке - на память об их ссоре (и, может быть, чтобы еще раз уколоть его напоминанием о краже).

Останутся ли они друзьями через десять лет или будут просто обмениваться открытками на Рождество? Ответ зависит от их способности поставить взаимную благожелательность над амбициями и эгоизмом.

Добиваясь совершенства

Угрожает ли функционированию команды Воглер, Триттер, секс на рабочем месте или карьеризм, - свободный обмен идеями между равными по добродетели друзьями позволяет команде держаться вместе. Команда распадается в конце третьего сезона только потому, что «утята» хотят расти дальше. Форман убеждается, что хороший врач не должен вести себя по-хаусовски, Чейз считает, что карьерный рост не стоит потери самоуважения, а Кэмерон понимает, что и Хаус не всегда прав. Хотя коллеги стремятся к тому, что считают благом, разными (и порой несовместимыми) способами, мы надеемся, что все они продолжат свой путь к арете и будут и в дальнейшем желать друг другу добра.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. М., 1975-1984. Т. 4.

ДИАГНОСТИРУЯ ХАРАКТЕР: КОНСИЛИУМ НЕ ПРИШЕЛ К ЕДИНОМУ МНЕНИЮ

Хэзер Бэттали и Эми Коплан

Форман (*Хаусу*). Ужасно, что нужно стать вами, чтобы быть таким врачом, как вы. А вами я становиться не хочу.

«Семья»

Как Грегори Хаус может быть замечательным врачом и при этом такой сволочью? Обязательно ли хороший врач - это хороший человек? Форман, похоже, так не думает, и мы считаем, что он прав. Ущербный характер Хауса -необходимое условие его врачебного таланта. Стань Хаус-человек лучше, Хаус-диагност стал бы хуже.

Пациент Г. Хаус

Хаус - квалифицированный диагност, на его заключения о болезнях пациентов всегда можно полагаться¹. Талант позволяет ему видеть мелкие детали, ускользающие от внимания других

врачей. Он замечает непроизвольные мышечные спазмы, признаки фальшивой реакции на боль и крохотные аномалии на МРТ-снимках. Почти в каждой серии Хаус с помощью индуктивных умозаключений приходит к единственно верному диагнозу, находя изящное объяснение всем симптомам пациента. Использует он и дедукцию, рассуждая следующим образом: если у пациента рак, то МРТ или анализы крови это покажут; если нет - у пациента нет рака.

Делают ли Хауса блестящие диагностические навыки хорошим человеком? Определенно, нет. Хороший, или, по Аристотелю, «добродетельный» человек должен обладать «нравственными добродетелями» такими чертами характера, как доброта, справедливость, смелость, сдержанность и др. Можно быть гениальным врачом, талантливym музыкантом, одаренным спортсменом, да пусть даже искуснейшим карманником, не будучи морально добродетельным. Мастерство может быть использовано в дурных целях, нравственные добродетели - нет.

Делают ли Хауса блестящие диагностические навыки интеллектуально добродетельным человеком? В конце концов, он ведь выдающийся врач - спасает человеческие жизни. Но этого мало - необходимо обладать такими добродетелями, как объективность, строгое отношение к фактам, интеллектуальная смелость и интеллектуальная независимость. И обязательно искать истину ради нее самой, а не как средство достижения богатства или славы. Можно достичь высот в логическом мышлении и диагностике, не заботясь при этом об истине. Например, студенты могут освоить навыки дедуктивного и индуктивного рассуждения только из стремления получить хорошие оценки по курсу логики. Даже хорошими диагностами может двигать жажда денег или славы, а не стремление найти истину (впрочем, это не про Хауса). И потому, если человек не жаждет докопаться до истины, мы не можем назвать его интеллектуально добродетельным, каких бы вершин в своем деле он ни достиг. А теперь внимание - вопрос: добродетелен ли Хаус?

Доска с симптомами: что такое добродетели?

Наше определение добродетельности основывается на аристотелевской теории этических добродетелей². По Аристотелю, добродетели есть разумные привычки желать и действовать уместным образом, то есть в соответствии со здравым смыслом. Чтобы быть добродетельным, человек должен совершать добродетельные поступки. Например, объективный человек прислушивается к чужому мнению, когда это уместно; тот, кто ведет себя иначе, необъективен. Благожелательный человек помогает другим, когда это уместно; тот, кто так не поступает, неблагожелателен.

Но недостаточно просто поступать так, как поступил бы добродетельный человек. Помогать другим недостаточно для того, чтобы быть благожелательным, и прислушиваться к чужому мнению недостаточно для того, чтобы считаться объективным, - надо при этом руководствоваться благими целями. Манипуляторы, например, выслушивают других, но ими движут личные цели, а не забота или поиск истины.

Все герои сериала «Доктор Хаус» временами поступают так, как поступили бы истинно добродетельные люди (но из этого еще не следует, что мы можем их таковыми назвать). Так, в эпизоде «Истории» Форман и Уилсон заботятся о бездомной и не вполне адекватной пациентке по имени Виктория и не хотят, чтобы она умерла в одиночестве. Виктория упоминает какого-то Джеймса; Форман и Уилсон догадываются, что это кто-то очень близкий ей, и отправляются на его поиски. (К сожалению, они обнаружат, что Джеймс, ребенок Виктории, погиб в автокатастрофе.) Но сама попытка показательна. В «Отцовстве» Чейз, рискуя собой, уводит с края крыши галлюцинирующего пациента. Он действует как мужественный человек. Хаус часто прислушивается к альтернативным диагнозам, которые предлагают члены его команды, а также Уилсон и Кадди, а значит поступает как объективный человек. В эпизоде «Любовь зла» Форман предполагает у пациента по

имени Харви бактериальный эндокардит, а Чейз - аневризму, полученную в результате травмы. Появляется новая информация - врачи видят, как подруга Харви, Аннет, душист его, и выясняют, что Аннет - «госпожа», а Харви - мазохист с потребностью в подчинении и боли. Форман признает, что в свете открывшихся обстоятельств диагноз Чейза более вероятен. Форман ведет себя как интеллектуально мужественный человек - отказывается от своего первоначального диагноза.

В анамнезе пациента дефицит моральных добродетелей

Хаус - редкостный мизантроп. Временами он поступает так, как добродетельный человек никогда бы не поступил. Он неоправданно жесток с пациентами и их родственниками, со своими друзьями и коллегами. Он запросто оскорбляет людей и настолько черств, что в те редкие моменты, когда решает кому-то посочувствовать, зрители испытывают шок. Поскольку Хаус систематически поступает не как великодушный человек, его нельзя назвать великодушным. Диагност регулярно вторгается в личную жизнь пациентов и коллег. В «Отцовстве» он ворует стаканчики из-под кофе у родителей пациента и проводит анализ их ДНК только для того, чтобы выиграть пари и доказать, что мальчик не родной их сын. Он сует нос в медицинские карты Уилсона, Кэмерон и Стейси без их ведома и согласия. Поскольку он систематически поступает не как благородный человек, его нельзя назвать благородным.

И хотя Хаус вечно ищет истину, проблемы собственной честности его не занимают. Он лжет Триттеру, лжет пациентам, лжет коллегам. Например, в эпизоде «Метод Сократа» он обманом добивается, чтобы хирург прооперировал его пациентку со слишком большой для операции опухолью. Поскольку он систематически поступает не как честный человек, его нельзя назвать честным.

Тут читатель может воскликнуть: «Ну не хватает Хаусу моральных добродетелей - подумаешь, новость! Вот если бы

вы сказали, что Хаус не добродетелен интеллектуально...» Безусловно, с этим у Хауса все в порядке, и его мотивы нравственны - он ищет истину (решает головоломки) ради нее самой. Истина для него - не средство достижения какой-то другой цели, например богатства, славы или даже здоровья пациентов («Я просто решаю загадки. Спасение жизней - лишь побочный результат»). Хаус постоянно совершает интеллектуально добродетельные поступки рассматривает альтернативные гипотезы, защищает свои диагнозы и без усталости добывает доказательства. Хаус производит впечатление образца интеллектуальной добродетели.

Однако античные философы, Платон с Аристотелем в особенности, утверждали, что человек либо наделен всеми добродетелями, либо не добродетелен в принципе - это так называемый тезис о единстве добродетелей. Этот тезис явно говорит, что раз Хаус не обладает всеми добродетелями сразу, то он вообще их лишен.

Единство добродетелей

С этой точки зрения патология характера нашего пациента носит системный характер. Все его личностные характеристики, моральные и интеллектуальные, инфицированы, поскольку взаимосвязаны. Жизнь - сложная штука, одна ситуация может поднять вопросы, затрагивающие не одну, а несколько добродетелей. Предположим, Кадди глубоко волнует судьба пациентки с отказом почек. Обязана ли она использовать служебное положение, чтобы передвинуть ее в начало списка кандидатов на трансплантацию, даже если медицинские основания для этого отсутствуют? Лиза должна одновременно относиться к пациентам сострадательно и справедливо - и понимать, что, как бы ей ни хотелось помочь пациентке, поставить ее в начало списка будет несправедливо по отношению к остальным кандидатам. Обе добродетели пересекаются, и, если Кадди проигнорирует права других людей, мы не сможем назвать ее ни благожела-

тельной, ни справедливой. Каждая моральная добродетель неизбежно связана с другой, потому что сложные вопросы имеют тенденцию накладываться друг на друга.

То же самое можно сказать об интеллектуальных добродетелях. Так, в эпизоде «Куда ни кинь» Кэмерон предполагает у пациентки аллергию. Один из коллег считает, что она не права и у женщины аутоиммунное заболевание. Должна ли Кэмерон пересмотреть свое мнение, переключиться на альтернативный диагноз или отстаивать свое первоначальное предположение? Ответ зависит от контекста: кто из коллег предложил альтернативный диагноз, в какой области медицины он специализируется, действительно ли Кэмерон (она иммунолог и аллерголог) знает об аллергических заболеваниях больше него, насколько она уверена в своем диагнозе, были ли у нее разумные основания исключить аутоиммунное заболевание и т.д. Чтобы быть объективным, нужно избегать излишнего легковерия - то есть не рассматривать альтернативы, которые того не стоят, и уметь отстаивать собственные убеждения, что требует интеллектуальной смелости. В конце эпизода Хаус бранит Кэмерон за то, что не защищала свое мнение. Предположим, что он прав и Кэмерон проявила интеллектуальную трусость. Значит, она проявила еще и легковерие. Если человек не отстаивает свои убеждения, он не может считаться не только интеллектуально мужественным, но и объективным, интеллектуально независимым и внимательным к фактам. Значит, если одна из интеллектуальных добродетелей деформирована, деформированными окажутся все остальные.

Последнее, и самое важное: жизнь настолько сложна, что ее нравственная и интеллектуальная составляющие тесно взаимосвязаны. Примеров более чем достаточно. Рассмотрим простой случай пересечения соображений справедливости и строгого отношения к фактам. Предположим, что у вас двое детей, и (так уж вам не повезло) один - шалун, а второй - манипулятор. Кто-то из них разбил ценную фамильную реликвию, о кто? Каждый валит вину на брата. Если вас не занимает истина и, следовательно, тщательность в сборе и оценке доказа-

тельств, ваше решение наказать кого-то одного из детей будет несправедливым.

Таким образом, любая из нравственных и интеллектуальных добродетелей может пересечься со всеми остальными. Если одна черта характера с изъяном, ущербны и все остальные. Они словно нити паутины: если потянуть за одну, скажется на всех.

Потянем за ниточку...

Самый легкий способ продемонстрировать системность патологии характера Хауса - сосредоточиться на его одержимости истиной. Потянем за эту ниточку и посмотрим, что произойдет. Жажда истины делает Хауса несправедливым: он слишком озабочен ее поиском, и недостаточно - соблюдением прав других людей. В одном из эпизодов у его пациента, знаменитого джазового музыканта, уже есть диагноз - болезнь Лу Герига. Хаус так рвется узнать, не был ли диагноз ложным, что нарушает запрет пациента на реанимацию, интубирует его и начинает лечить от другой болезни. В эпизоде «Человеческий фактор» он лечит беженку-кубинку. Ее сердце останавливается, но Хаус несколько часов держит ее на аппарате искусственного кровообращения, не сообщая мужу о смерти, потому что хочет решить дело. Кадди спрашивает у Хауса: «А кроме любопытства, еще есть причины держать ее на аппарате? Хочешь, чтобы история о самоотверженном парне кончилась, как в кино? Знаю, ты переживаешь». «Я не переживаю. Seriously, мне плевать. Мои мотивы чисты», - отвечает Хаус, подразумевая, что единственное, что его волнует, - истина, а не право мужа знать, что его жена умерла.

Одержимый поисками истины, хромой диагност вторгается в личную жизнь пациентов и абсолютно не уважает их автономию. Следовательно, он несправедлив. Эта же одержимость ожесточает его против друзей и коллег. В эпизоде «Из огня да в полымя» Триттер давит на Уилсона, добиваясь

показаний против Хауса, и приостанавливает действие его лицензии на право выдачи рецептов. Хаус соглашается отпустить Кэмерон выписывать рецепты за Уилсона, но позднее отказывается на том основании, что она нужна ему самому. Добывая нужную информацию, Хаус может быть очень резким с пациентами и их родственниками. Методы нашего героя демонстрируют, что он недостаточно заботится о благополучии окружающих. Следовательно, его нельзя назвать доброжелательным.

Более того, жажда истины толкает Хауса на безрассудные решения. Его слишком мало волнует риск для пациента, он всегда готов «поэкспериментировать» с лечением. Например, в «Материнстве» он решает назначить двум новорожденным с одинаковыми симптомами разное лечение, чтобы определить возбудителя и предотвратить эпидемию. Он знает, что один ребенок умрет. Если бы Хаус объяснил свою тактику родителям обоих новорожденных во всех деталях и получил их согласие, его решение можно было бы назвать мужественным. Поскольку он этого не сделал, его решение было скорее самонадеянным, чем смелым или достойным восхищения.

Да, Хаус часто поступает как интеллектуально нравственный человек, ищет истину ради нее самой, а не ради денег или славы. Но, поскольку наш доктор заходит слишком далеко, его нельзя назвать интеллектуально добродетельным в полном смысле этого слова. А так как, согласно тезису о единстве добродетелей, все добродетели, моральные и интеллектуальные, пересекаются, выходит, что Хаус - человек недобродетельный.

Он болен, но не настолько

«Не слишком ли мы поторопились? А как же дифференциальный диагноз?» - спросите вы. Где альтернативы? Может, поражение хаусовского характера локализовано, не затрагивает жизненно важные черты, и потому Грег, хоть ему и не хватает моральных добродетелей, все же обладает интел-

лектуальными? Если так, античные философы ошибались, и можно быть морально несовершенным и в то же время интеллектуально нравственным. У нас есть серьезные основания утверждать, что Хаус обладает всем необходимым для интеллектуальной добродетельности. Он ищет истину ради самой истины, на его заключения можно полагаться, он объективен, обладает интеллектуальным мужеством и строго относится к отбору фактов. При этом Хаус не просто ищет истину - он находит ее, постоянно разрешая сложнейшие загадки и спасая людские жизни.

Объективность Хауса

Начнем с объективности. Он готов рассматривать множество гипотез, даже если другим они кажутся притянутыми за уши. Он мыслит гораздо шире, чем другие врачи в сериале, которые обычно сосредотачиваются на очевидных объяснениях, отбрасывая те, что кажутся им фантастическими или шокирующими. Например, в эпизоде «Бестолковый» (2/15) к Хаусу попадает молодой мужчина с необычным набором симптомов. После того как все вероятные причины исключены, Грегори выдвигает предположение, что у мужчины интоксикация солями тяжелых металлов. Поскольку анализы исключают отравление через пищу или воду, Хаус заключает, что пациента травит его жена. Команда шокирована и не может принять такую версию. Но диагност убеждает: «Это единственное объяснение. Мы исключили все остальные варианты. Это не волчанка. Это не аллергия. Это не болезнь Шарко, не артрит и не саркоидоз. Жена - все, что осталось». Кэмерон возражает: «Это единственное объяснение, к какому может прийти ваш извращенный мозг». Объяснение, может быть, и извращенное, но, как выясняется, верное.

Хаус всегда тщательно отбирает факты. Он предпочитает пропускать мимо ушей то, что пациенты сами рассказывают о своей жизни, - ибо «все врут». И больных, и команду это неверие приводит в отчаяние. Но непредвзятый человек не должен

слушать всех: он слушает только тех, кого стоит выслушать. Сомнения Хауса в человеческой честности почти всегда подтверждаются. Вспомните, сколько раз от него скрывали что-то важное: отец, занимавшийся сексом с дочерью («Внешность обманчива»); загнанная супермама, принимающая риталин и противозачаточные таблетки одновременно («Принцип необходимого знания»); девушка, придумавшая себе аллергию на собачью шерсть («Не будите спящую собаку»)... Благодаря своему скептицизму врач может быстрее поставить диагноз и назначить пациенту более эффективное лечение.

Интеллектуальная смелость Хауса

Хаус - интеллектуально мужественный человек: он часто отстаивает свои убеждения в условиях критики и давления со стороны других врачей. В эпизоде «Защищенная от опасностей» (2/16) никто не может понять, почему у Мелинды случился анафилактический шок. Ни одно лечение не помогает, состояние девушки ухудшается, и Хаус предполагает, что у нее аллергия на клещей и где-то на ее теле сидит клещ. Никто не поддерживает такую гипотезу, потому что Мелинду уже проверили на укусы насекомых. «Теорию клеща» считают тратой драгоценного времени. Кадди отстраняет Хауса, но он не собирается сдаваться. Ему удается перехватить Мелинду в лифте, когда ее на каталке везут в отделение интенсивной терапии, он останавливает лифт между этажами и при крайне драматичных (и пикантных) обстоятельствах находит клеща - в ее влагалище.

Хотя Хаус часто получает очевидное наслаждение, одержав верх над другими врачами, он почти всегда отказывается от своих гипотез, если есть убедительные аргументы против. Он устраивает мозговые штурмы, требуя от своей команды диагнозов и объяснений, а затем отбрасывает большинство слабых и сомнительных версий. Например, в эпизоде «Отвлекающие раздражители» диагност утверждает, что подросток, обгоревший во время аварии, страдает депрессией, и продолжает защи-

щать свою гипотезу, пока не находит следы ожога от сигареты на запястье мальчика, - тогда он немедленно ее отвергает. Хотя уверенность Хауса в себе граничит с манией величия, его все-таки больше заботит истина, чем собственная правота.

***От опарышей до краж со взломом:
что угодно, лишь бы поставить диагноз***

В список добродетелей нашего любимого доктора, помимо объективности и интеллектуальной смелости, стоит добавить тщательный сбор и оценку доказательств. Поиск продолжается до последнего, и часто, когда другие уже выдохлись, Хаус изобретает нестандартные методы получения информации, выигрывает время для ее анализа, выдает правильный диагноз и назначает лечение.

Например, в том же эпизоде «Отвлекающие раздражители» у пациента такие обширные ожоги, что обычные диагностические тесты проводить нельзя. Хаус предлагает использовать гальванометр, прибор начала прошлого века. Позднее, когда тяжелое состояние пострадавшего не дает определить, где гнездится инфекция - в мозгу или в ранах, доктор распорядится, чтобы мальчику высадили на ожоги личинок мух, которые очистят раны от мертвой ткани и гноя. Эта тошнотворная на вид процедура поможет команде выиграть время и найти источник инфекции, не дожидаясь заживления.

Хаус регулярно посылает членов команды проникнуть в дом пациента и найти возможную причину заболевания. Этот метод оказался столь эффективным, что Форман, временно исполнявший обязанности руководителя отдела, дважды им воспользовался («Трудности перевода» и «Обман»), несмотря на то что всегда был самым ярким критиком хаусовской традиции нарушать правила. При этом оба раза информация оказалась единственным ключом к верному диагнозу. Методы Хауса могут шокировать, но именно они дают информацию, необходимую для успешного лечения.

Разобщенность добродетелей?

Несомненно, Хаус обладает по крайней мере несколькими добродетелями, из чего следует, что тезис об их единстве оказывается несостоятельным. Хаус интеллектуально добродетелен, хоть и безнравственен. Возможно, дефицит морали и создает препятствия для умственных экзерсисов, но Хаус - явно исключение из правил. Цинизм и грубость делают его гадом, но не мешают быть объективным и смелым врачом. С другой стороны, интеллектуальные добродетели не помогают Хаусу относиться к людям с уважением, добротой и сочувствием, но они никогда и не преследовали таких целей: интеллектуально добродетельный человек должен заботиться об истине ради нее самой. Так и поступает герой Хью Лори.

Прогноз: нужен ли нам здоровый Хаус?

Контраст между несостоятельностью Хауса в межличностных отношениях и его профессиональной успешностью не раз подчеркивается в сериале. Форман называет его «ублюдком-манипулятором» и одновременно «лучшим из врачей, с которыми он только работал». Более того, если бы Хаус обладал моральными добродетелями, если бы он стал лучше как человек - он стал бы хуже как врач. Уилсон обращает на это внимание в эпизодах «Эйфория I» и «Эйфория II», когда Хаус пытается поставить диагноз Форману, заразившемуся загадочным смертельным заболеванием мозга. Когда состояние Формана ухудшается, Эрик сам просит Хауса сделать ему биопсию белого вещества мозга - чрезвычайно опасную процедуру, которая может навсегда повредить высшие мозговые функции. Хаус отказывается, настаивая, что это слишком рискованно и время еще позволяет проводить более щадящие анализы. Узнав об этом, Уилсон замечает, что Хаус ведет себя нетипично, потому что слишком заботится о своем подчиненном. Стараясь под-

толкнуть Хауса к активным действиям, Джеймс говорит: «Ты избегаешь пациентов, потому что, пока ты их не знаешь, тебе на них наплевать, а если тебе не наплевать, ты боишься идти на крайние меры. Будь это просто пациент, ты бы не думал о риске и уже давно вскрыл бы ему голову». Если бы Хаус испытывал сочувствие к пациентам и видел в каждом из них личность, а не набор симптомов, он не смог бы их лечить привычным для него способом. Люди, у которых сильно развита способность к сопереживанию, легко поддаются эмоциональному возбуждению при виде чужих страданий, что мешает им помогать тем, кому они сочувствуют³.

Готовность Хауса пойти на обман или нарушить закон - также неотъемлемая часть его диагностического метода. Он часто проникает в дома своих пациентов в поисках подсказок к разгадке их заболеваний. Незаконное вторжение нарушает неприкосновенность частной жизни, но почти всегда помогает получить важную информацию. В самом первом эпизоде Хаус посылает Формана и Кэмерон в дом воспитательницы детского сада. Кажется, они не нашли ничего, что помогло бы объяснить ее симптомы, но Хаус обращает внимание на одну деталь их рассказа: в холодильнике девушки лежала ветчина. Это ведет его к предположению, что у пациентки ленточный червь в мозгу. Взлом - непорядочный и незаконный, но зато невероятно эффективный метод получения информации.

Это всего лишь один пример того, как отсутствие моральных добродетелей помогает Хаусу ставить правильные диагнозы и спасать пациентов. В сериале такие примеры есть почти в каждом эпизоде. Выходит, что непорядочность Хауса - необходимая составляющая его врачебного таланта.

В чем секрет личности Хауса? Почему он с такой готовностью делает то, что другим кажется дурным? Потому что он одержим поиском ответов на трудные вопросы. Одержимость заставляет его ломать правила, третировать окружающих, лгать и подвергать пациентов риску, который другие врачи сочли бы чрезмерным. Одержимость делает его великим диагностом. Но какой ценой? Жизнь Хауса - это его работа. У него нет семьи,

нет друзей, кроме Уилсона (с которым Хаус ужасно обращается), он не может контролировать свою викодиновую зависимость. Герой Хью Лори достигает таких вершин в диагностике только потому, что его жизнь разбалансирована. Он - самый лучший специалист в клинике Кадди, потому что жаждет истины и всегда разгадывает головоломки.

Теперь мы знаем по крайней мере часть секрета Хауса: он настолько же хорош в своей работе, насколько плох почти во всем остальном, и между этими фактами есть какая-то связь, хотели бы мы, чтобы Хаус был хорошим человеком? Нет, случись нам заболеть какой-нибудь загадочной болезнью. В таком случае мы бы с радостью согласились терпеть его грубость, цинизм и готовность нарушить закон⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Говоря, что на заключения Хауса о болезнях пациентов всегда можно полагаться, мы не имеем в виду, что он производит больше истинных заключений, чем ложных. Поскольку Хаус, как правило, выдвигает несколько предположений, которые в дальнейшем не подтверждаются, в сумме преобладают ложные диагнозы. Но, поскольку он каждый раз приходит к истине в виде верного диагноза, такой арифметикой можно пренебречь.

. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4-х тт. М., 1975-1984. Т. 4.

. См. Nancy Eisenberg, "Empathy and Sympathy," в: Handbook of Emotions, ed. Michael Lewis and Jeanette M. Haviland-Jones. New York: Guilford Press, 2000 (Эйзенберг Н. Эмпатия и симпатия // Справочник по эмоциям.), Nancy Eisenberg and Paul Miller, "Empathy, Sympathy, and Altruism: Empirical and Conceptual Links", in Empathy and Its Development, ed. Nancy Eisenberg and Janet Strayer. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987 (Эйзенберг Н., Миллер П. Эмпатия, симпатия и альтруизм: Эмпирические и концептуальные связи // Эмпатия и ее развитие), Martin Hoffman, Empathy and Moral Development. New York: Cambridge Univ. Press, 2000 (Хоффман М. Эмпатия и нравственное развитие) и E. Ann Kaplan, "Vicarious Trauma", in Empathy: Philosophical and Psychological Perspectives, ed. Amy Coplan and Peter Goldie. Oxford: Oxford Univ. Press, forthcoming (Каплан Э.А. Отраженная травма // Эмпатия: Философские и психологические перспективы).

. Авторы выражают огромную благодарность за плодотворные обсуждения и комментарии во время работы над эссе своим семьям и друзьям: Робу и Груди Баттали, Бетти и Ширли Коплан, Тобайн Де Марко, Марко Иакобини, Кэти Круус, Кори Миллер, Райну Николсу, Клиффорду и Марджи Рот.

АВТОРЫ

в порядке их появления на страницах книги

Генри Джейкоби преподает философию в Университете Восточной Каролины в Гринвилле, штат Северная Каролина. Он написал множество работ по философии сознания, языку, религии и природе нравственности, его эссе есть в сборнике «"Южный парк" и философия» (South Park and Philosophy). Как и Хаус, он сторонится людей с тех пор, как ему исполнилось три года.

Дженнифер МакМахон доцент факультета английского языка и философии и заведующая кафедрой филологии в Университете Ист-Сентрал в Аде, штат Оклахома. Ее научные интересы включают экзистенциализм, философию и литературу, эстетику и компаративную философию, а в последнее время она сосредоточилась на философии и поп-культуре. Работы МакМахон неоднократно печатали в научных журналах и сборниках. Хотя Дженнифер много занимается Сартром, она не разделяет его убеждения «ад - это другие», но при этом согласна с Хаусом, что «все врут».

Дэвид Голдблатт - почетный профессор философии в Университете Денисона в Грэнвилле, штат Огайо. Он выпустил книгу «Искусство и чревоуверование» (Art and Ventriloquism) и вместе с Ли Брауном редактировал сборник «Эстетика: антология философии искусства» (Aesthetics: A Reader in Philosophy of the Arts). Голдблатт - автор множества статей по философии - не принимает никаких лекарств, кроме аспирина, и считает, что чем меньше он знает о работе своего организма, тем лучше.

У Джейн Драйден нет медицинского образования и электрогитары в кабинете, но зато есть докторская степень по философии и банджо. Поскольку ей приходится много времени проводить в одиночестве в библиотеке, она мечтает о команде «утят», которые помогали бы ей в исследовании проблем немецкого идеализма и феминистской философии. Джейн считает, что в «Дживсе и Вустере» Хью Лори со своим британским акцентом просто лапочка.

Джеральд Абраме - доцент кафедры философии в Университете Крейтона в Омахе, штат Небраска. Регулярно пишет на темы философии в популярной культуре. Статьи публиковались в сборниках «Звездный крейсер "Галактика" и философия» (Battlestar Galactica and Philosophy), «Философия фильма-нуар» (The Philosophy of Film Noir), «Философия неонуара» (The Philosophy of Neo-Noir) и «Философия Мартина Скорсезе» (The Philosophy of Martin Scorsese). В отличие от Хауса, Абраме не хромает, поэтому ему нечем оправдать свой дурной характер.

Барбара Сток - доцент кафедры философии в Университете Галладет в Вашингтоне. Ее исследовательские и преподавательские интересы включают философию морали, медицинскую этику, философию первой половины XX века и философские проблемы в научной фантастике. Каким-то необъяснимым образом университетское начальство позволило ей морочить головы первокурсникам междисциплинарным курсом «Смысл жизни на материале сериала "Доктор Хаус"». Больше всего ей хотелось бы, чтобы в сериал вернулась такая звезда, как Стив МакКуин.

Джеффри Рафф - профессор религиоведения в Университете Маршалла в Хантингтоне, штат Западная Вирджиния. Как ученого его интересуют традиции медитации (особенно дзен и йога), а также мистические и поэтические видения (в том числе язык, который используется для их описания). Как

ученого и художника - творческие процессы и методы, то есть то, как люди думают и что говорят о творчестве и как занимаются искусством и интеллектуальной работой. Читает Рафф лекцию или пишет эссе о дзен-буддизме, он гораздо больше рассказывает не об истории коанов или гностическом переживании в практике дзен, а о шоколадных тортах, белках в университетском кампусе или созерцании луны. Хаусу он бы не понравился.

Джереми Бэррис профессор философии в Университете Маршалла в Хантингтоне, штат Западная Вирджиния. Как философа его интересуют главным образом отношения между реальностью, мышлением, стилем, юмором и справедливостью. Опубликованные работы включают книги «Парадокс и возможность знания (на примере психоанализа)» (Paradox and the Possibility of Knowledge: The Example of Psychoanalysis) и «Журавлиная походка: Платон, плюрализм и непостоянство истины» (Paradox and the Possibility of Knowledge: The Example of Psychoanalysis, The Crane's Walk: Plato, Pluralism, and the Inconstancy of Truth). Он любит огреть тростью случайного прохожего - вдруг это поможет разрешить какую-нибудь проблему.

Хотя в детстве **Мелани Фраппье** хотела стать доктором, она так и не удосужилась поступить на медицинский. Получив степень бакалавра по физике, переключилась на философию и с удовольствием читала лекции в университете штата Миннесота. Сейчас она преподает историю науки в канадском Университете Кингз Колледж в Галифаксе и ждет не дождется, когда ее пригласят работать в какую-нибудь научно-исследовательскую клинику. Как и Хаус, Мелани верит, что сократический метод - лучший способ научить людей чему угодно, но сама не решается его применять, потому что боится кого-нибудь обидеть (это черта, свойственная многим канадцам). Она живет в Новой Шотландии с мужем и двумя сыновьями.

Питер Вернеззе - доцент факультета философии в Государственном университете Уэбера в Огдене, штат Юта. Он автор книги «Не тревожься, будь стойким: античная мудрость для смутных времен» (Don't Worry, Be Stoic: Ancient Wisdom for Troubled Times) и соредактор сборников «Клан Сопрано и философия» (The Sopranos and Philosophy) и «Боб Дилан и философия» (Bob Dylan and Philosophy). Ему хотелось бы найти способ как-то применить хаусовские методы лечения в академическом мире - чтобы работать, не видя студентов.

Рене Кайл изучает философию в Университете Воллонгонга в Австралии. В сферу ее научных интересов входят философия феминизма, психология морали, посттравматические психические расстройства, телесность и женское здоровье. В настоящее время она исследует этические аспекты нанотехнологий, но по-прежнему каждую неделю ждет, что Чейз пригласит ее на свидание прямо с экрана.

Тереза Берк преподает философию и биоэтику в Университете Галладет в Вашингтоне - единственном в мире высшем учебном заведении для глухих и слабослышащих. Она пишет на темы биоэтики и инвалидности, особенно интересуясь перспективами генетических технологий для повышения качества жизни глухих. В глубине души Тереза мечтает использовать хаусовский подход к дифференциальной диагностике при выставлении оценок, но знает, что Кадди этого никогда не одобрила бы.

Марк Уиклер - профессор философии и общественной медицины в Университете Западной Вирджинии в Моргантауне, адъюнкт-профессор медицины и член Совета по биоэтике и медицине при факультете права Питтсбургского университета. С гордостью называя себя хаусоманом, Марк использует фрагменты сериала в своих лекциях и на презентациях. Марк смотрит «Хауса» на занятиях в университете и в домашнем спортзале, а в свободное от просмотра время пишет о биоэтике. В числе его работ монография «Этика и пожилые люди» (Ethics

and the Elderly (Oxford University Press), а также многочисленные статьи для сборников и научных журналов. Сейчас он собирает материал для книги, посвященной отказу от медицинской помощи по религиозным и политическим убеждениям, которая выйдет в издательстве Кембриджского университета. Марк работает консультантом по медицинской этике в двух больницах. Его главный совет докторам: «Не относитесь к пациентам по-хаусовски».

Кэтрин Сартин учится в аспирантуре Университета штата Флорида в Гейнсвилле. Когда она решит остепениться и найти работу, то думает устроиться в больничный комитет по этике (и этим оправдывает свою привычку по много раз пересматривать каждый эпизод «Доктора Хауса»).

Кеннет Эренберг старший преподаватель философии и научный сотрудник факультета права в Университете штата Нью-Йорк в Буффало. Он напечатал ряд работ по теории права, метаэтике и теории ценностей и сейчас изучает вопросы авторитета и методов интерпретации законов. Он с первого взгляда понял, что Хаус многим обязан Шерлоку Холмсу, а еще у него есть знакомые, которые знают людей, которые знают Хью Лори.

Джон Фицпатрик преподает философию в Университете штата Теннесси в Чаттануге. Он автор таких книг, как «Политическая философия Джона Стюарта Милля: равновесие между свободой и коллективным благом» (John Stuart Mill's Political Philosophy: Balancing Freedom and the Collective Good) и «Начиная с Милля» (Starting with Mill). Фицпатрик, давний любитель детективов и медицинских сериалов, с гордостью носит титул National Master по шахматам. Как и Хаусу, Джону легко дается добродетель эксцентричности.

Сара Протаси так любит философию, что поступила в аспирантуру Йельского университета во второй раз. Она публиковала

статьи и книжные рецензии на итальянском, а сейчас работает над исследованием настоящей любви, продолжая тему ее первой диссертации. Сара боялась, что Форман украдет ее статью, но огорчилась еще больше, когда Хаус сказал ему этого не делать.

Сара Уоллер - доцент факультета философии в Университете Кейс Вестерн Резерв в Кливленде, штат Огайо. Недавно она закончила курс дрессуры в чикагском океанариуме, где изучала морских животных - каланов, морских львов, белух и дельфинов-белобочек. Область научных интересов Сары включает неврологию, философские аспекты когнитивной этиологии и философию сознания, а также сериалы «Доктор Хаус» и «Баффи - истребительница вампиров». Сара хотела бы стать следующей в длинном списке жен Уилсона по ее мнению, он замечательный любовник и внимательный муж, а когда он перестанет обращать на нее внимание и они разведутся, то смогут остаться друзьями.

Хэзер Бэттали - доцент кафедры философии в Университете штата Калифорния в Фуллертоне. Ей повезло с родителями: один - математик, другой - историк. Это объясняет две ее величайших страсти - к логике и к Аристотелю, преданность преподавательской работе и специализацию на философии познания и интеллектуальной добродетели. Хэзер - автор статьи «Обучение интеллектуальным добродетелям» ("Teaching Intellectual Virtues") для сборника «Преподавание философии» (Teaching Philosophy) и «Интеллектуальная добродетель и понимание собственной сексуальной ориентации» ("Intellectual Virtue and Knowing One's Sexual Orientation") в сборнике «Секс и этика» (Sex and Ethics)) и соредактор сборника «Взгляд на философию Уильяма Олстона» (Perspectives on the Philosophy of William P. Alston). Хотя она любит доктора Хауса, работать на месте Кадди не согласилась бы ни за какие коврижки.

Эми Коплан - старший преподаватель философии в Университете штата Калифорния в Фуллертоне. Сфера ее интересов

включает психологию морали, философию кинематографа и античную философию. Сейчас она редактирует междисциплинарный сборник по эмпатии (да, она знает, что Хаус сказал бы по этому поводу) и книгу о фильме «Бегущий по лезвию». Помимо философии и кино, она любит общаться в Интернете с людьми типа Хауса и Уилсона, рассказывать всем, как невероятно умны два ее **Лабрадора** (кстати, это объективный факт) и диагностировать расстройства личности у друзей и родственников. Она уверена, что мизантропия и желчная манера изъясняться сделали бы Хауса желанным оратором на собрании Американской философской ассоциации.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

«97 секунд» 16

primum поп посеге 141

Übermensch, см. сверхчеловек

А

абдукция

два вида 69-70

и чистая игра воображения 71-72

манипулятивная 74

определение 67-68

автономия

и благодеяние 143-146

и патернализм 163-164

определение 141

авторитет

два вида 176-183

начальника 29

родителей 180

агент действия

определение 50

сожаление агента 50-57

Аквинский, св. Фома 120

альтруизм 124, 202, 230

«Анатомия Грея» (учебник) 40

антагонизм 35

«Апология Сократа» (диалог
Платона) 189,195

арете (доблесть) 207-216

аристократическая мораль 341

Аристотель

о дружбе 206-208

о жизни 13,22,24,208

о моральных добродетелях
219-221

о разуме 21, 23,119

о счастье 126

Аристофан 205

аскет 43,101

аутизм 171-172

«Аутопсия» 70, 77

Б

«Без причин» 73,78,82,90,115

«Без ума от любви» 176

биоэтика 131,139,141,153, 234

благо

вещи 23

как основание дружбы 201

общее 152,194, 235

благодеяния принцип 141-151

Белл, Джозеф 63

Бентам, Иеремия 126,166

«Бестолковый» 225

«Бесчувственная» 142

Божий замысел 14,16

болезнь Аддисона 209

болезнь Лу Герига 95,103,145,157,
160, 223

«Большая любовь» (прозвище) 14-15

Браун, Джон 187

бритва Оккама, принцип 10,84-85

«Бритва Оккама» 65,80,87,118,
125,194

буддизм, см. дзен

«Будь что будет» 131,136

«Бытие и ничто» (трактат Сартра)
36-37

В

ван Инваген, Петер 83

виагра 147

викодин 24, 33, 54, 72, 76, 87,134,
148,181-182,189,212, 230

Воглер, Эдвард 120,147,182,
210-212,216

«Воспитание щенков» 51, 56, 89

«В поисках Иуды» 212

«Все врут», принцип 9, 50,93,177,
181,189,206,209,225,231

Г

«Гаденьш» 116
Ганди, Махатма 187
гендер 130,133
Гете, Иоганн Вильгельм фон 39
Гиллиган, Кэрол 133-134,139
гипотеза
 и сократический метод 116
 изящество 87
 определение 69
 оригинальность 88
 происхождение 89-90
 простота 84-86
гнев 157,197
гражданское неповиновение 187-188
Грегсон, Тобиас 62-63

Д

Дао
 диагностики 126-128
 определение 99,120-121
«Дао дэ цзин» (философский трактат) 118-119,121,124-125,128
движение планет 86, 88
дедукция 64-67,118,120,218
Декарт, Рене 119
Дельфийский оракул 106
«Дети и вода в ванне» 124
«Детки» 88
«Детоксикация» 181
Джаггер, Мик 124,126
дзен 8,10,92-104,232-233
Дикенсон, Донна 55-56, 58-59
Диоген Синопский 188-189
дифференциальный диагноз 83-84, 111,142,234
добродетель
 интеллектуальная 221,224,225,236
 как основание дружбы 206-216
 нравственная (моральная) 218, 224,227

определение 219
тезис о единстве 221-223
эксцентричность как 186-195,235
достаточного основания принцип (ПДО) 79-83

другого теория 26-37
дружба 10,138,204, 206-216
«дурная вера» 32
Дэсимару, Тайсэн 99,104

Е

«Евтифрон» (диалог Платона) 16

Ж

желание второго порядка 198,201
женщины, см. этика феминистская;
 гендер

жизнь

 как «тщетное стремление» 32
 смысл 14-15,19-20
 после смерти 16-18
 познанная, по Сократу 13,20-31
 подчиненная разуму (благая), по Аристотелю 13, 22-24

З

«Законы мафии» 96
«За запертой дверью («Нет выхода», пьеса Сартра) 26,33-34
«Защищенная от опасностей» 226
Зиммель, Георг 44,46
«Знак трех» (философский труд) 77
«Знак четырех» (роман А. Конан Дойля) 62, 76

И

идиопатические заболевания 80
«Из огня да в полымя» 183, 223
Иисус 39
индетерминизм 81-82
информированное согласие 55-56,59, 135,142-143,145,151-152,155,165
«Иным голосом» (труд К. Гиллиган) 133,139

«Истории» 109,219

К

Каббала 14

Кадди, Лиза

отношения с Хаусом 71,107,
151-152,183, 200, 205, 211,213
и единство добродетелей
221-222

Кант, Иммануил 122-123,168

категорический императив 122-124

Кауарт, Дональд (Дакс) 160-163,165

Кауфман, Вальтер 38,42,46

квантовая физика 81-82

кетамин 75

Кён Хо 93

Кинг, Мартин Лютер 187

кинники 188

клятва Гиппократата 143

коан 93,233

колхицин 87,195

Конан Дойл, сэр Артур 62-63, 75,
76-79

«Контроль» 118,121,124,170

конфликт

межличностные отношения как
источник 26
потребность в 113-116

Конфуций 119-120

«Крутой поворот» 89

Ксантиппа 106

«Куда ни кинь» 14-15,78,80,143,222

Кэмерон, Эллисон

дружба с Форманом 215-216
и этика заботы 130-139
как контраст Хаусу 139
отношения с Хаусом 76,131-133,
196-203
отношения с Чейзом 200-201,
214-215
характер 8,196, 212, 222

Л

Лао Цзы 100,119

Ледерман, Леон 88,91

Лейбниц, Готфрид Вильгельм 79,91

«Линии на песке» 84, 171

Лори, Хью 16, 36,128,158, 228, 230,
232, 235

Льюис, Клайв 203, 205

любовь

иррациональность 196-197

как желание второго порядка 198,201

как интенциональное состояние 198

как эмоция 197

уязвимость в 203-205

эротическая 201-203

«Любовь зла» 156, 219

М

МакКуин, Стив (крыса Хауса) 9, 232

МакНейл, Джек 186

Малдер, Фокс 90

Маньяни, Лоренцо 74

Марк (муж Стейси) 155,157,160,162

«Материнство» 80,135,137

мать Тереза 174

«Медовый месяц» 154

«Менон» (диалог Платона) 109, 117

«Метод Сократа» 78, 106, 124, 220

Милль, Джон Стюарт 126,166,
- 191-195, 235

моральная безупречность 57-59

Мориарти, Джеймс 72-75, 78

МРТ-сканер 142,218

мудрец как эталон, принцип
122-126

мужество 23

интеллектуальное, см.

добродетель интеллектуальная

Н

«Навсегда» 159,164

Нагель, Томас 48, 59

«Надежда Чикаго» (сериал) 186

Наполеон 39,73

невреждения (непричинения вреда)

принцип 141-143
«Недоумок» 54,90,136,146
«Не будите спящую собаку» 93,136,
226
неподконтрольности принцип 48-49
непознанная жизнь, *см.* жизнь
 познанная
нигилизм 19
Ницше, Фридрих 10, 38-46
Нозик, Роберт 163,165, 205
о
«Обман» 56, 227
«Образец для подражания» 80,120
«Один день - одна комната» 13,18,
24, 28,33-34,142,174
«О свободе» (эссе Дж.С. Милля)
191,195
Остин, Джон 179,184
острая перемежающаяся
 порфирия 155
«Отвлекающие раздражители» 143,
227
«Отказ от реанимации» 73,95,127,
140,187
отношения
 «доктор-пациент» 131
 подлинные (аутентичные) 32-33
«Отцовство» 151,197
«Официальное согласие» 161
«Ошибка» 49, 53,147
П
«Папенькин сынок» 181
патернализм 56,154-165
ПДО, *см.* достаточного основания
 принцип
пилотный эпизод 63, 65-66, 89,130,
132,144
«Пир» (диалог Платона) 205
Пирс, Чарльз Спенсер 67, 72, 77-78
Платон
 и Диоген 188

как «утенок» Сократа 106
о Боге 16
о единстве добродетелей 221
о реальности 120
повар Дин 127-128
«Положение плода» 173
последствия
 оценка 49,167-169
 «не охваченные умыслом»
 (непредвиденные) 50
поступки
 значение 16-18, 24
 нравственность 167, 219, 221
 оценка 19, 56-59,150,168
права пациентов, *см.*
 информированное согласие
 и патернализм
прагматизм 67, 77
«Принцип необходимого знания»
136,156
принципизм 141
«Принятие» 65, 68,138,171
«Проклятый» 93,127
Прометей 43
р
разум
 как признак человека 21 -24,
119-120
 «повседневный» 99
 пределы 92-94
Рассел, Бертран 21, 24
Рац, Джозеф 179,184
результативизм 55-56
риталин 156,226
романтизм 120
Росс, Даг 186
Роузмонт, Генри 120-121,128
С
садомазохизм 32,37,156
Сартр, Жан Поль 10, 26-37

сверхчеловек 38-46
рынок идей 191,195
«Секс убивает» 125,149
«Семья» 14,132,194,217,230
Силк, Майкл 44, 46
скептицизм 117,120, 226
«Скорая помощь» (сериал) 25,186
синдром Корсакова 109-110
«Слова и дела» 183
«Случай Дакса» (документальный фильм) 161,165
«Смысл» 167
«Совершенно секретно» 81
сознание
 «начинающего» 99
 рефлексивное 30
Сократ 10,13,20-22,105-117,189-190
сократический метод 10,107-110,
 ИЗ, 116, 233
«Союз рыжих» (роман А. Конан
 Дойля) 72, 77
справедливости принцип 142-153
список кандидатов на
 трансплантацию 123-124,155,
 170, 221
Спок 151
«Спортивная медицина» 126, 144
Стейси 53,146,155,157-158,198,
 200, 202, 204, 220
Стэмфорд 74
«Суждения и беседы» (труд
 Конфуция) 120
счастье
 в понимании Аристотеля 128,210
 в понимании утилитариста 126
Т
«Так говорил Заратустра»
 (труд Ф. Ницше) 38,46
тезис о единстве добродетелей
 221, 228; *см. также* добродетель;

 моральная безупречность
Торо, Генри Дэвид 187
«То, что нужно» 15,162
«Три истории» 15, 48, 109, 111, 146
Триттер, Майкл 10, 89, 173, 176-183,
 212,216,220,223
«Трудности перевода» 147, 227
«Туберкулез или не туберкулез» 88,124
«Тяжелая» 134

У

«Увольнение» 21, 24
удача
 моральная 47-59
 по обстоятельствам 54
 «результатирующая» 50, 56
Уилсон, Джеймс
 дружба с Хаусом 64,102, 114,
 181,204, 206-213,228, 230
 и Воглер 210-211
 и Триттер 182-183, 212-213, 223
 характер 8,206, 219, 236
Уильяме, Бернард 48, 50, 52, 54, 59
Уотсон (Ватсон), Джон 63-64, 66,
 71,73-75, 77
утилитаризм
 два вида 167-170

Ф

«Федон» (диалог Платона) 111-112,
 117
философия
 восточная 93, 119,121,126;
 см. также даосизм; дзен
 западная 118-121,126-129
Форман, Эрик
 и сожаление агента 51-57
 дружба с Кэмерон 215-216
 о бритве Оккама 84
Франкфурт, Гарри 201, 205

Х

Хайдеггер, Мартин 26
халявщики 147
Харт, Герберт 179,184
хаос 44,95
«Хаус против Бога» 97
Хокинг, Стивен 82
Холмс, Шерлок
 и чистая игра воображения
 71-72
 метод 62-65, 71
 употребление наркотиков 64,71,76

Ц

Цезарь, Октавиан Гай Юлий 39

ч

Чейз, Роберт
 и моральная удача 49-54, 58
 отношения с Кэмерон 200-201,
 214-215
«Человеческий фактор» 103, 223
чистая игра воображения 71-72, 78
«Чжуан-цзы» 127-128

Ш

Шатобриан, Франсуа Рене Опост 100
Шекспир, Уильям 39, 64

Э

эвтаназия 172
эго 118
Эдип 44
Эймс, Роджер 120-121,128
Эйнштейн, Альберт 82, 88,177
«Эйфория», части I и II 142, 215, 228
экзистенциализм 26, 32, 231
Эко, Умберто 69, 77
эксцентричность 186-195
электрошоковая терапия 29, 143
эмпатия 135,138, 230, 237
эрос 202-203, 205
этика
 даосистская 124
 заботы 133-139
 и категорический императив
 122-124
 и патернализм 157-164
 медицинская, см. биоэтика
 определение 131
 справедливости 133-134
 феминистская 130-131
«Этюд в багровых тонах»
 (роман А. Конан Дойля) 63, 77

Я

«Яд» 156

ДОКТОР ГРЕГОРИ ХАУС - САМЫЙ СЛОЖНЫЙ И ПРОБЛЕМНЫЙ ГЕРОЙ ЗА ИСТОРИЮ ТЕЛЕВИДЕНИЯ. Было бы глупо просто препарировать этого зазнавшегося гения на ум, эго и сексуальность и говорить, что каждый находит в нем что-то свое. В книге, которую вы держите в руках, современные мыслители аргументированно анализируют философскую подоплеку популярной «врачебной драмы» и ее героев. В характере главного циника Принстон-Плейнсборо они обнаруживают что-то от Шерлока Холмса, что-то - от Сократа, что-то - от сверхчеловека Ницше и от даосского мудреца, - и Хаус оказывается совсем не таким уж гадом, как могло поначалу показаться.

СЕРИЯ ФИЛОСОФИЯ ПОП-КУЛЬТУРЫ

Популярная культура, как бы ни хотели принизить ее высоколобые интеллектуалы, служит отправной точкой для философских размышлений на самые разные темы, и влияние ее на человечество год от года растет. Это сложная система, постмодернистский слоеный пирог из двойных смыслов, аллюзий, сатиры и самоиронии, съесть который, не подавившись, читателю помогут авторы этой серии.

Книги дадут богатую пищу для ума всем, кто интересуется современной культурой и историей философии.

**ЖУРНАЛ
РУССКИЙ РЕПОРТЕР**

Men'sHealth

ISBN 978-5-904522-34-6

7 85904 522346

UNITED PRESS

Телефон: (495) 232 1799

alpina@imedia.ru

Книжный интернет-магазин:

www.alpina.ru